

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2020 Том 3 № 2

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитыко Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Борисов Николай Александрович, доктор политических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Грачев Михаил Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации" (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассе Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада.

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области "Московский государственный областной университет" (МГОУ), Москва, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2020 г., следующий:

№ 4 2020	Номер не тематический	До 1 апреля 2020 г.
№ 5 2020	К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне	До 1 мая 2020 г.
№ 6 2020	Номер не тематический	До 15 июня 2020 г.
№ 7 2020	Казахстан в мировой политике	До 1 октября 2020 г.
№ 8 2020	Номер не тематический	До 1 декабря 2020 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117513, Москва, Россия, ул. Академика Бакулева, д. 6

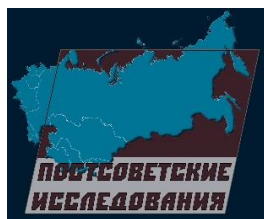
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2020

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2020 VOLUME 3 No. 2

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev

Doctor in History, Professor, RUDN
University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko

PhD, Assistant Professor RUDN
University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina

Doctor in History Professor, KazNU Al-
Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik

Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Beibutova Risbybyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Borisov Nikolai Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Grachev Mikhail Nikolaevich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Degterev Denis Andreevich, Doctor in in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar.
Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

№ 4 2020	Non-thematic	1 April 2020 г.
№ 5 2020	To the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War	1 May 2020 г.
№ 6 2020	Non-thematic	15 June 2020 г.
№ 7 2020	Kazakhstan in world politics	1 October 2020 г.
№ 8 2020	Non-thematic	1 Decembre 2020 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

6 Academic Bakuleva str., 117513, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Фсерфд Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2020

Содержание

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ

- Paramonov V.** The Russian Foreign Policy toward Central Asia in Economic, Security and Social Spheres: a View from Uzbekistan (Парамонов В. Российская внешняя политика в Центральной Азии в сферах экономики, безопасности и социального взаимодействия: взгляд из Узбекистана.....107
- Гасанов К.Н.** Проблемы обеспечения безопасности маршрута «Нового шелкового пути» через Центральноазиатский регион.....116
- Рахимов К.Х.** Шанхайская Организация Сотрудничества в системе обеспечения евразийской региональной, международной и глобальной безопасности (международно-правовое измерение) 124
- Колесникова Л.С.** Новая стратегия Европейского Союза в Центральной Азии и её влияние на евроазиатскую интеграцию.....136
- Беделадза Д.С., Белоусова Д.В.** Торгово-экономическое сотрудничество Республики Казахстан с КНР и влияние этого на развитие интеграции в формате ЕАЭС.....145

ЗАПАДНЫЙ ФЛАНГ СНГ

- Косов А.П.** Роль и место постсоветского пространства во внешней политике Республики Беларусь: концептуальные основы.....155
- Трокаль Т.В.** Экономическое развитие Донецкой Народной Республики (конец 2019 – начало 2020 гг.) 162
- Канарова В.Н.** Украина во внешней политике Д. Трампа 169

ПРОБА ПЕРА

- Тимошня В.А.** Вторая пятилетка ЕАЭС: провалы и достижения, новый курс России.....176
- Скворцова Н., Абазов Д.** Конфликт интересов на Южном Кавказе.....181

Contents

THEMATIC DOSSIER:

CENTRAL ASIA: SECURITY AND DEVELOPMENT

Paramonov V. The Russian Foreign Policy toward Central Asia in Economic, Security and Social Spheres: a View from Uzbekistan	107
Gasanov K.N. Security Challenges of the New Silk Road Routing via Central Asia	116
Rahimov K.Kh. Shanghai Cooperation Organization in the System of Ensuring Eurasian Regional, International and Global Security (International Legal Measurement)	124
Kolesnikova L.S. New EU Strategy for Central Asia and its Impact on Eurasian Integration	136
Bedeladze D.S., Belousova D.V. Trade and economic cooperation of the Republic of Kazakhstan with China and it's impact on the development of integration in the EAEU format	145

WESTERN FLANK OF THE CIS

Kosov A.P. The role and place of the post-Soviet space in the foreign policy of the Republic of Belarus: conceptual foundations	155
Trokal T.V. Economic development of the Donetsk people's Republic (the end of 2019-beginning of 2020)	162
Kanarova V.N. Ukraine in the Foreign Policy of D. Trump.....	169

FIRST STAPS

Timoshchenya V.A. The second five-year plan of the EEU: failures and achievements, the new policy of Russia.....	176
Skvortsova N., Abazov D. Conflict of Interest in the South Caucasus.....	181

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Центральная Азия: безопасность и развитие

The Russian Foreign Policy toward Central Asia in Economic, Security and Social Spheres: a View from Uzbekistan

V. Paramonov

Central Eurasia Analytical Group, Tashkent, Uzbekistan

Abstract: After the accession to power of Vladimir Putin and his team in 2000 Russian foreign policy toward Central Asia began to be more clearly focused. Clearly Moscow has brought to its Central Asian policy more flexibility, pragmatism, stability and consistency. This has been made possible largely by its growing understanding of the strategic importance of the region and by the allocation of more funds for foreign policy purposes. As a result, Russia has succeeded in putting the brakes on the centrifugal tendencies of the region, in strengthening its own position and in overcoming the lack of trust. What have been and what will be the effects of all of these? In an attempt to answer this complex question, it is necessary to assess the major elements of Russian foreign policy toward Central Asian. An interdisciplinary approach with the methods of dialectic and structural-functional analysis has been used to achieve this goal. The uniqueness of the ongoing (since 2003) research, which serves as the basis for this article lies within a systematic evaluation of the growing influence of numerous factors (both external and internal) due to which Central Asia is becoming one of the most important geo-economic and geopolitical regions for Russia. The article concludes that Russian foreign policy toward Central Asia can be characterized by certain positive dynamics. Nevertheless, it is still too early to talk about the long-term trends and significant success of Russia. This is due to the rather dynamic processes and internal transformation of the region as well as the growing external impact. Primarily, it is related to the situation in/around Kazakhstan and continued activation of the international policies of Uzbekistan. On the other hand, it seems that Russia still has not employed a unified long-term strategy in Central Asia and has not been able to fill the geopolitical vacuum in the area, still less the geo-economic one. The impression is growing that it continues to consider the "strategic importance" of the region mainly in terms of its own revival as a "great power". However, it is essential to stress that in the post-Soviet space only Russia, with its geo-economic and geopolitical strength, could take the role of locomotive for the regional security, economic development, cooperation as well as integration.

Keywords: Russia, Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, economy, trade, oil and gas, investments, security, military cooperation, labor migration.

Российская внешняя политика в Центральной Азии в сферах экономики, безопасности и социального взаимодействия: взгляд из Узбекистана

В. Парамонов

Аналитическая группа «Центральная Евразия», Ташкент, Узбекистан

Аннотация. После прихода в 2000 году к власти Владимира Путина и его команды внешняя политика России в Центральной Азии стала ориентирована на более конкретные цели. Очевидно и то, что Москва привнесла в свою центральноазиатскую политику больше гибкости, прагматизма, стабильности и последовательности. Это стало возможным во многом благодаря выросшему пониманию стратегической важности региона и выделению больших финансовых и иных ресурсов на цели внешней политики. В результате России удалось замедлить развитие центробежных тенденций в Центральной Азии, существенно укрепить свои позиции и преодолеть недоверие, сформированное в 1990-ые гг. Каковы современные и будущие последствия этого? В попытке ответить на столь сложный вопрос необходимо оценить основные элементы российской внешней политики в Центральной Азии. Для достижения этой цели использован междисциплинарный подход с применением

методов диалектического и структурно-функционального анализа. Уникальность проводимого (с 2003 г.) исследования, которое служит основой для статьи, заключается в системной оценке растущего влияния многочисленных факторов (как внешних, так и внутренних), благодаря которым Центральная Азия становится одним из наиболее важных геоэкономических и геополитических регионов для России. В статье делается вывод, что внешняя политика России в Центральной Азии характеризуется определенной положительной динамикой. Тем не менее, пока преждевременно говорить о неких долгосрочных тенденциях и значительных успехах России. Это связано с довольно динамичными процессами внутренней трансформации региона, а также растущим внешним воздействием на него. С одной стороны, многое определяется ситуацией в Казахстане и вокруг него, а также продолжающейся активацией международной политики Узбекистана. С другой стороны, похоже, что России до сих пор не удалось выработать долгосрочную и объединенную единым планом стратегию в Центральной Азии. К тому же она так и не смогла заполнить ни геополитический вакуум в регионе, ни тем более геоэкономический. Создается впечатление, что Россия продолжает рассматривать "стратегическую важность" региона главным образом через призму возрождения своего статуса "великой державы". Тем не менее, несмотря на все это также следует признать и тот факт, что на всем постсоветском пространстве только лишь Россия, обладающая соответствующим геоэкономическим и геополитическим потенциалам, способна играть роль локомотива региональной безопасности, социально-экономического развития и интеграции.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, экономика, торговля, нефтегазовый сектор, инвестиции, безопасность, военное сотрудничество, трудовая миграция.

Introduction

The accession to power of Vladimir Putin and his team in 2000 was a turning point for Russia. Russian foreign policy began to be more clearly focused on making Russia one of the centers of modern international relations. The concept of the "multipolar world", propounded by former prime-minister Yevgeny Primakov, remained at the heart of this.¹ Moscow realized that recovering Russia's positions in Central Asia² and other parts of the

post-Soviet area was an indispensable step in strengthening Russia's international status. From this point of view, Central Asia began to be considered as a place where the new elements of foreign policy, such as pragmatism and flexibility, could be put into practice.

All this is reflected primarily in economic, security and social spheres.

Economic sphere

Compared with the 1990s, there is now noticeably more activity by Russian business in the economic sphere in Central Asia. Moscow's main strategic interests are in the oil and gas sectors, where most of the Russian investments are. The biggest activity is in Kazakhstan and Uzbekistan. Here Russia's efforts are directed towards location of deposits and transportation of oil and gas. Russian companies, especially Gazprom and Lukoil, are also increasingly active in developing the market for petroleum-based products. Other than in the oil and gas sectors, however, Russia's activity in the economic sphere has not changed very much since the 1990s. One of the main indicators of the extremely low level of Russia's economic activity is the state of trade relations, which

---

¹In 2000 the Ministry for Commonwealth of Independent States Affairs, which really only existed for presentational purposes, was disbanded and replaced by a Directorate within the Foreign Ministry, headed by the former head of the Foreign Intelligence Agency Vyacheslav Trubnikov. This department was made responsible for coordinating the work of various Russian authorities, notably the Foreign Ministry and the security organizations, in deciding the direction of future Russian policy towards the post-Soviet countries.

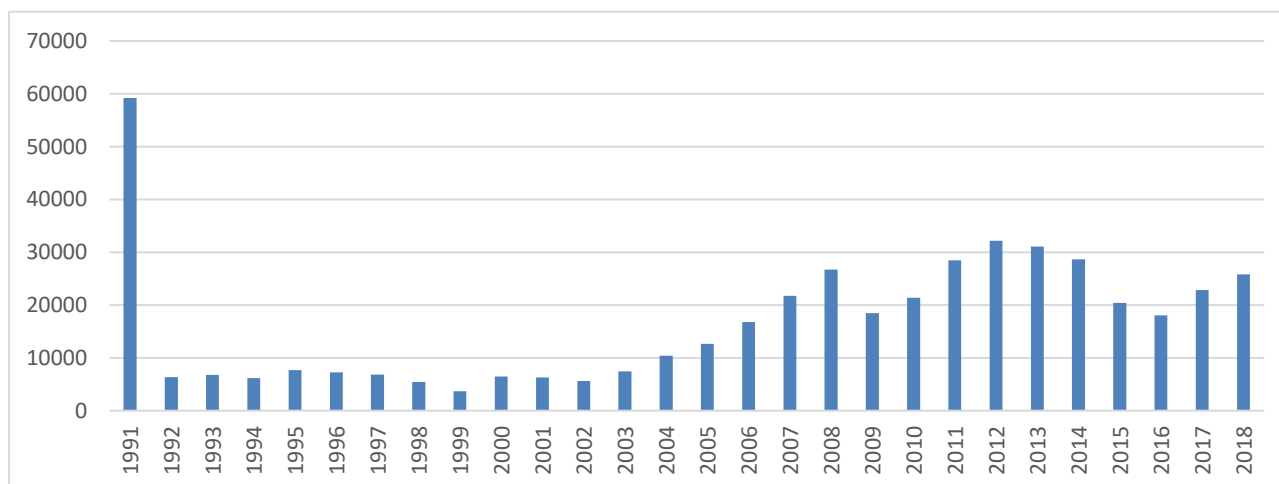
²"Central Asia" is taken to mean the area in central Eurasia comprising five states (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan) that emerged as a result of the disintegration of the Soviet Union in 1991. This definition is somewhat provisional, as there are some geographical peculiarities as well as demographic and other complications in the region. On the other hand, it is a useful label to cover five countries with similar socio-political systems and economies which retain close links with each other and have a great

---

influence on each other in internal and external affairs, in economics, politics, and of course in matters of security.

although they have developed over the course of the last years are still at a low level

Diagram № 1³
Trade turnover between Russia and Central Asia, mln. dollars

After the global financial crisis and sanctions imposed on Russia, which negatively affected Russian-Central Asian economic relations, there was some success of Russia in pushing forward the economic integration in the post-Soviet space in the frames of the Commonwealth of Independent States (CIS) and Eurasian Economic Union (EAEU). In addition, in recent years there has been a certain tendency to strengthen Russian financial policy, as well as project implementation activities.

According to Ministry of Foreign Affairs of the Russia information, the Russian investments in Central Asia already amounts to around 20 billion dollars, and there are about 7500 Russian companies and joint ventures in the region. Based on the same data, for the period from 2007 to 2017, the amount of "financial assistance" of Russia to the Central Asian states (both bilaterally and multilaterally) exceeded 6 bln dollars. Also, the debts of Kyrgyzstan (488 mln dollars) and Uzbekistan (865 mln dollars) were relieved [Lavrov 2017].

³ Sources: Data for 1991 - World Bank: (1997). Kazakhstan: Transition of the State.; (1993). Kyrgyz Republic: The Transition to a Market Economy; (1993, August). Tajikistan: Country Economic Memorandum. Report No. 12692; (1994, May). Turkmenistan; (1996). Uzbekistan: Transition of the State.; data for 1992-2001 period - Asian Development Bank with a reference to the national statistics of CA states: (2002). Indicators of Developing Asia and Pacific Countries; data for 2002-2018 period - International Trade Centre, calculated based on Federal Customs Service of Russia statistics and UN COMTRADE statistics.

compared with where they were in Soviet times (Diagram № 1).

Furthermore, significant volumes of individual foreign exchange earnings from the Russia to the Central Asian states remain,

primarily as a result of the labor activity. Thus, according to the official Russian data, only for the period 2013-2016, labor migrants - citizens of the Central Asian states transferred more than 37 billion dollars from Russia to Central Asia [Lavrov 2017].

In its turn, only in 2018, both Russian and non-Russian citizens transferred about 10 billion US dollars to Central Asia: about 4.1 to Uzbekistan, 2.5 to Tajikistan, 2.4 to Kyrgyzstan, 0.8 to Kazakhstan and about 0.05 to Turkmenistan⁴. Considering other forms of money transfers from Russia to the countries of the region, it seems that the volume of financial receipts from individuals can be even higher.

Security sphere

Development of cooperation with the countries of the region in security sphere is probably regarded by Russia the main vehicle for projecting its influence in the region, which is in line with the Kremlin's foreign policy objective to raise its global status. Russia today is pushing even harder for both bilateral and multi-lateral forms of cooperation, with Moscow assuming the role of coordinator in the process of setting up a regional security system. The first step Russia took to implement its policy of practical cooperation was the formation of the Commonwealth of Independent States (CIS) regional anti-terrorist centre for Central Asia in Bishkek (Kyrgyzstan)

⁴ Central Bank of the Russian Federation. (2019). Money transfers from Russia to Uzbekistan in 2018.

in August 2001, which was staffed by personnel from the security services of Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan.

Multilateral cooperation. Russia pursues multilateral cooperation primarily within the framework of such organizations as the CIS, the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Most important of these institutions in the context of Central Asian security is the CSTO. Significance of the CSTO for Russia and the post-Soviet countries is that at present it is the only institution which has a specific military dimension. The most activity in the security sphere today is seen in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. Moscow has learned its lesson from its mistakes in the 1990s, which led to an almost complete cessation of activity under the Collective Security Treaty signed in Tashkent in 1992 and has begun to pay far more attention to encouraging the cooperation of the states of the region with Russia.

In 2002 Moscow offered CSTO member countries favorable terms for training their military personnel in Russian military training establishments. They were also offered the chance to acquire Russian weapons and military equipment for CSTO units at internal Russian market prices. Soon after that, in 2003, Russia opened a military air base in Kant (Kyrgyzstan). This base became a component of the CSTO's collective rapid reaction force.

From 2004 onwards Russia stepped up its cooperation activities within the CSTO and put them on a more systematic basis. Thus, at the CSTO summit meeting in Dushanbe in 2007, at Moscow's initiative, two packages of documents were signed which laid the foundations for the creation of a mechanism for CSTO peacekeeping.

In 2004 the annual "Rubezh" ("Frontier") exercises started, aimed at countering threats to regional security. The first joint "Rubezh" exercises were conducted in 2004 in Kazakhstan and Kyrgyzstan. Subsequent exercises were in Tajikistan (2015, 2007, 2009, 2010, 2018), Kazakhstan (2006), Armenia (2008), Russia (2011, 2012, 2013, 2014), Kyrgyzstan (2016). Moreover, in parallel to the "Rubezh" exercises, since 2012 the exercises "Nerushimoye Bratstvo" ("Unbreakable

Brotherhood") began. The first "Nerushimoye Bratstvo" exercises were conducted in 2012 in Kazakhstan. Subsequent exercises were in Russia (2013 and 2018), Kyrgyzstan (2014), Armenia (2015), Belorussia (2016), Kazakhstan (2017), and Tajikistan (2019).

Bilateral cooperation. There is an acute dependence of the Central Asian countries on Russia, particularly in terms of military security, as well as on military-technical cooperation. The relationships between Russia and the individual countries of Central Asia are generally characterized by mutual trust. This avoids the international squabbles and ambitions which come to the fore in more multilateral contexts. Furthermore, bilateral cooperation includes more specific and practical forms of interaction. Particularly, the Russian-Central Asian bilateral military relationships have deeper and closer forms of cooperation and include the following specific features:

- military cooperation (conduct of regular joint exercises; training for military personnel from Central Asian countries in Russian military training establishments; Russia's use of military and research facilities in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan);

- cooperation in the field of military equipment supply (Russia's supply of military equipment and provision of services and after-sales service);

- cooperation on issues of defense research, development and manufacturing (Russia's placing of orders for military equipment in Central Asian companies, establishment of joint ventures for the manufacture and repair of military equipment, conduct of the joint research and development work);

- cooperation in space activities (primarily between Russia and Kazakhstan).

For instance, Russia leases about fifteen major military facilities in Central Asia (in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan), among which the following major military facilities stand out:

- **The "Baikonur" cosmodrome* (5 State Trials Range of the Russian Ministry of Defense); situated in the Qyzylorda region of Kazakhstan; there are also several areas in the republic, where the first stages of Russian rockets can land; this is still the only

cosmodrome for launching Russian large manned space rockets of the "Soyuz" or "Proton" types to put orbiting objects into orbit;

*929 State Flying Trials Centre of the Russian Ministry of Defense (named after V Chkalov); the headquarters of this unit is in Akhtubinsk in the Astrakhan oblast' of Russia, but the trials ranges (numbers 85, 171 and 231) are in Atyrau and in the West Kazakhstan region; this centre is used for trials of new weapons and for weapon firing training for Russian Air Force and Naval aviators;

*The "Sari-Shagan" Range (10 State Trials Range of the Russian Ministry of Defense); the polygon is situated in the Qaraghandy, Zhambyl, Aqtobe and Qyzylorda regions of Kazakhstan; it occupies an area of 80,000 square kilometers, extending more than 250 km from north to south and 600 kilometers from east to west; this range is used for trials of air defense (anti-missile and anti-aircraft) missiles and strategic ballistic missiles; a specially-equipped route (the "Kapustin Yar-Sari-Shagan" route) was set up for ballistic missile flights;

*"Balkhash-9" - Independent Radar Node of the Third Independent Missile and Space Defense Army of the Space Forces of the Russian Armed Forces is part of an integrated missile-attack warning system; located in Priozersk, by Lake Balkhash; this facility is also used for recording technical data from trials of missile systems on the "Sari-Shagan" range;

*"Kant" Air Base (999th "Kant" Air Base of the 5th Army of the Russian Air Force and Air Defense Forces); it is located in the town of Kant in the Chuy region of Kyrgyzstan, 20 kilometers from Bishkek; this base accommodates a Group from the Russian Air Force, which is capable of carrying out a wide range of missions, in the event of a serious external threat to a Central Asian country;

*338th Communications Centre of the Russian Navy, in Kara-Balta (Chaldovar) in the Chuy region; this centre enables the headquarters of the Russian Navy to communicate with submarines and surface ships patrolling in the Pacific and Indian Oceans; it is also used for electronic surveillance activity by the headquarters of the Russian Navy;

*954th Anti-submarine Weapon Trials Establishment "Koi-Sary" of the Russian Navy, located in Karakol in the Ysyk-Kol region, on the eastern shore of Lake Ysyk-Kol;

*17th Radio-seismic Laboratory (and 1st Automatic Seismic Station) of the seismographic service of the Russian Ministry of Defense; these are located in the Tian Shan mountains in the Ichke Suu and Majлуу Suu districts; they monitor nuclear weapon trials activities; both these units are part of the verification regime for the Nuclear Non-proliferation Treaty;

*201st Military Base (formerly 201st Division) in Tajikistan; this comprises the following units: Headquarters, 92nd Motor Rifle Regiment, 998th Self-Propelled Artillery Regiment, 1098th Air Defense Missile Regiment, 783rd Independent Reconnaissance and Electronic Warfare Battalion, 1058th Communications Unit, 212th and 252nd Independent Communications Battalions, 295th Psychological Operations Unit, Military Hospital and a number of auxiliary detachments, stationed in Dushanbe; 670th Air Group and 303rd Independent Helicopter Squadron, based at Aini airfield near Dushanbe; 191st Motor Rifle Regiment, stationed in Bokhtar (former Kurgan-Tyube); 149th Motor Rifle Regiment, stationed in Kulyab;

*1109th Independent Electro-optical Unit of the "Nurek" Space Surveillance system (Object 7680)⁵; this unit is located in the Sanglok mountains near Nurek at a height of 2200m above sea level; its task is to detect ballistic missiles when they are launched and to track them on their trajectories at all altitudes above Eurasia, North and Central Africa and the adjoining waters of the Indian, Pacific and Atlantic Oceans [Paramonov 2008a; Paramonov 2009b]. (Map № 1)⁶.

⁵ Kommersant Power Magazine - Russia. (2017, June). Russian military infrastructure in Central Asia. № 23.

⁶ Ibid.

Российские военные объекты в Центральной Азии

Social sphere

In recent years there has been a certain tendency to strengthen Russian social policy. This was made easier by the fact that traditionally, the population of Central Asia gravitates towards Russia, Russian culture and the Russian information space. Human contacts between peoples of Russia and Central Asia are well-developed. Even though there is several growing barriers between Russia and Central Asia such as linguistic, cultural, mental, transportation, visa and registration problems, they are still comparatively weak.

For many years, most dynamically developing relations between Russia and the countries of Central Asia have been related to the segment of labor migration. According to the official Russian data of May 2019, at least 4.5 million citizens of Central Asian countries were in Russia, the vast majority of whom were labor migrants:

-from Tajikistan - about 1 million 255 thousand;

-from Uzbekistan - approximately 2 million 99 thousand [Maleva 2019]; according to other sources, their number by the end of 2018 - the

beginning of 2019 could be even higher and reached 2 million 644 thousand people¹;

-from Kyrgyzstan - about 713 thousand;

-from Kazakhstan - approximately 480 thousand [Maleva 2019].

At the same time, the number of Turkmenistan citizens temporarily staying in Russia, and specifically those engaged in labor activity, is relatively small (measured by tens of thousands of people only). For example, in 2018, 98 thousand representatives of Turkmenistan were registered at the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and 74 thousand in 2017². The significantly low labor activity of Turkmenistan citizens in Russia is evidenced indirectly by rather small volumes of remittances from the Russian

¹ Ministry of Labor of the Republic of Uzbekistan. (2019). The number of labor migrants in Russia.

² Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2018, January). Some indicators of the migration situation in the Russian Federation for January-December 2017 with a distribution by country and region; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2019, January). Some indicators of the migration situation in the Russian Federation for January - December 2018 with a distribution by country and region.

Federation to Turkmenistan, measured only in hundreds of thousands of dollars per year¹.

Most likely, all of this can be explained by the fact that there is a visa regime between the two countries. This, undoubtedly, complicates the departure of Turkmenistan's citizens to Russia. It is also important to highlight that most Turkmenistan labor migrants are in Turkey, a country with which Turkmenistan does not have a visa regime.

Yet, in recent years there has been a certain tendency towards an increase in the number of labor migrants from the states of the region, primarily from Tajikistan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan. This is indicated by the results of a study conducted by the Institute of Social Analysis and Forecasting of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. According to the Institute that refers to the Russian Federal Migration Service and the Ministry of Internal Affairs, as of May 1, 2019, the number of citizens of Central Asian countries temporarily staying in Russia increased by at least 450 thousand people:

- from Tajikistan - by 171 thousand;
- from Uzbekistan - by 173 thousand;
- from Kyrgyzstan - by 73 thousand;
- from Kazakhstan - by 25 thousand

[Maleva 2019].

As of Turkmenistan, according to the results of 2018, the number of its citizens temporarily staying in the territory of Russia increased approximately by 24 thousand people compared to the previous year².

Relations between Russia and Central Asian countries have recently been developing quite dynamically in the educational segment, too. The evidence shows a steady increase in the number of students from the states of the region studying in Russia. According to the Russian Federal State Statistics Service, there were at least 130 thousand people at the beginning of the 2017 academic year:

- from Kazakhstan - more than 64 thousand;
- from Uzbekistan - more than 24 thousand;
- from Turkmenistan - more than 21 thousand;
- from Tajikistan - more than 16 thousand;

¹ Central Bank of the Russian Federation. (2019). Money transfers from Russia to Uzbekistan in 2018.

² Ibid.

-from Kyrgyzstan - more than 6 thousand.

As a result, the number of students from Central Asian countries increased by about 8 thousand compared to the previous academic year³.

However, the abovementioned information might be somewhat inaccurate, and the number of students from Central Asian countries located in the Russian Federation maybe even more. This can, particularly, be supported by the Russian Foreign Ministry data, according to which, at the end of 2017, about 150 thousand students from Central Asia were studying in Russia, about 46 thousand of whom received scholarships from the Russian federal budget [Lavrov 2017].

Some statements of the Russian officials, responsible for the development of educational contacts, also justify a steadily growing number of the Central Asian students in Russia. Thus, according to their information, about 15 600 students from Kyrgyzstan were studying in Russia in 2019⁴ that indicates more than a double increase compared to 2017.

However, the number of Central Asian students in higher educational institutions of Russia may be even greater, considering the distance learning mode. Some evidence with a reference to the Russian Ministry of Education indirectly shows that the number of students from Kazakhstan studying in Russia was about 100 thousand people (and not 61 thousand) in 2017-2018, "many of whom are studying remotely"⁵.

Conclusion

After the advent to power, Vladimir Putin and his team adopted a new Russian policy towards Central Asia, which became more clearly focused on cooperation, especially in economic, security and social spheres. Compared with the 1990s, Russia's foreign policy activity in Central Asia was much more vigorous, and the multiple declarations about the "need to develop closer ties of cooperation"

³ Federal State Statistics Service of the Russian Federation. (2018). Russia in numbers: official publication. Brief statistical compilation.

⁴ Sputnik Information Agency - Russia. (2019, March). Interview with Eleanora Mitrofanova, the head of the Federal Agency for CIS Affairs, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation.

⁵ Today.kz Information Portal (2018, May). How many Kazakhstan students study abroad?

began to be matched by action for the first time. Besides, during the last years, Russia has succeeded in putting the brakes on the centrifugal tendencies of the region, strengthening its positions and in general, overcoming the lack of trust which had accumulated during the 1990s. In turn, the Russian direction gradually became a priority in the policy of all Central Asian countries. This was made easier by the fact that since the collapse of the Soviet Union the Central Asian countries had maintained, overall, friendly relations with Russia.

As a result, Russia operates in Central Asia independently and without watching the reaction of other force centers, and there is some tangible success in the development of numerous joint integration institutions with their interaction being grounded. It is worth to mention the Commonwealth of Independent States, the Eurasian Economic Union and the Collective Security Treaty Organization among them. It seems, that relations between Russia and Central Asia have been strengthening in all spheres due to the historical community, geographical neighborhood, social-cultural closeness, and common institution grounds. Moreover, having not fully destroyed the soviet heritage, Russia reserves the privileged right to be the chief foreign partner of the Central Asian countries.

Nevertheless, despite all these changes, it is still too early to talk about certain stable trends and significant success of the Russian foreign policy toward Central Asia. On the one hand, it is linked with rather dynamic internal transformation processes, taking place in the states of region, as well as the growing influence of China, of the Islamic world and, somehow, of the West. The Central Asian countries, for their part, continue with their efforts to diversify their foreign connections, contributing to increasing competition in this geo-economic and geopolitical space.

On the other hand, it looks like Russia has not yet developed a coherent strategy, defining the position of the region with respect to its long-term national interests. There is an impression that it still understands the "strategic importance" of Central Asia mainly in terms of its "great power" revival. Furthermore the extreme tardiness, caution and lack of initiative

by the Russian foreign ministry, analytical/research organizations (and there are very few of them in Russia focusing on Central Asia), and the lack of analytical studies of the region or any demand for them, have also contributed to the failure of Russia to form a coherent policy towards Central Asia.

Overall, however, the Central Asian dimension was and remains a secondary matter in the Kremlin's list of strategic priorities. Moscow has still not understood that Central Asia is important not only for raising Russia's status in the world, but even more importantly for the effective and comprehensive economic and social development of Russia itself. More than anything, this is about maintaining and advancing its abilities in industrial innovation in a globalized economy. The most glaring evidence of this is the fact that the Eurasian Economic Union still has not achieved its main aim: the creation of a fully-developed economic community.

It seems, Russia increased political and security activities in the region, however, unsupported by adequate development of economic integration, is unlikely to guarantee that the process of rapprochement between Russia and Central Asia, observable today, cannot be reversed. Furthermore, if economic links stay at the present low level, the Central Asian countries are will be bound to develop links with global centers of economic power other than Russia. The rich mineral resources of the region will be a magnet for much fiercer competition between external powers and economic groupings than there has been so far. It is not a foregone conclusion that Russia, with its raw material based export economy and its weakened industrial and technological position, would win this competition.

However, it is also essential to stress that in the post-Soviet space only Russia, with its geo-economic and geopolitical strength, could take the role of locomotive for the regional development, cooperation as well as integration. But Russia's role can only be heightened in Central Asia if it is as active in developing the region's economic, security and social progress in the 21st century as it was from the later 19th century until the collapse of the Soviet Union. The more this is recognized the more we shall be able to talk about

fundamental changes in Russian foreign policy in Central Asia.

References

- Lavrov, S.* (2017, October). *Russia - Central Asia: a time-tested partnership*. Rossiyskaya Gazeta.
- Maleva, T.* (2019). *Monthly monitoring of the socio-economic situation and well-being of the population: 2015 - April 2019*. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
- Paramonov, V., Stokov, A.* (2004). *New Strategy of Russia: Regionalization versus Globalization*. Swindon: Conflict Studies Research Center of the Defense Academy of the UK.
- Paramonov, V., Stokov, A.* (2006). *Russia and Central Asia: Current and Future Economic Relations*. Swindon: Conflict Studies Research Center of the Defense Academy of the UK.
- Paramonov, V., Stokov, A.* (2007). *Structural Interdependence of Russia and Central Asia in the Oil and Gas Sectors*. - Swindon: Conflict Studies Research Center of the Defense Academy of the UK.
- Paramonov, V., Stokov, A.* (2007). *The Evolution of Russia's Central Asian Policy*. Swindon: Advanced Research and Assessment Group of the Defense Academy of the UK.
- Paramonov, V., Stolpovsky, O.* (2008). *Russia and Central Asia: Bilateral Cooperation in the Defence Sector*. Swindon (UK): Advanced Research and Assessment Group of the Defense Academy of the UK.
- Paramonov, V., Stokov, A. and Stolpovsky, O.* (2009). *Russia in Central Asia: Politics, Security and Economics*. New-York (USA).

About the autor: Paramonov Vladimir, Ph.D., D.Sc. Coordination Methodological Center on the Contemporary History of Uzbekistan under the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Founder of the Central Eurasia Analytical Group and Internet Project [www.ceasia.org] (Tashkent, Uzbekistan), (v_paramonov@yahoo.com).

Об авторе: Парамонов Владимир, кандидат политических наук, доктор философии / Ph.D., D.Sc. докторант Координационно-методического центра современной истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан, основатель Аналитической группы "Центральная Евразия" и одноименного интернет-проекта [www.ceasia.org] (Ташкент, Узбекистан), (v_paramonov@yahoo.com).

Проблемы обеспечения безопасности маршрута «Нового шелкового пути» через Центральноазиатский регион

К.Н. Гасанов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. На фоне торговой войны между США и Китаем у Пекина подтачиваются возможности для финансовых вливаний в «Новый шелковый путь» (НШП). Из-за ограниченности своих средств частные китайские компании сокращают инвестиции. Если к этому добавить геополитические вызовы для китайских транспортных коммуникаций в Центральной Азии, то этот маршрут НШП становится крайне рискованным. В статье анализируются проблемы безопасности проекта «Один пояс. Один путь» через Центральную Азию. Автор дает оценку экономическому и политическому развитию пяти стран региона – Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Слабые макроэкономические показатели названных стран – высокий госдолг, отрицательный платежный баланс, безработица и высокая инфляция – наряду с высоким уровнем коррупции снижают рентабельность китайских капиталовложений. На экономические риски накладываются политические: 1) высокий конфликтогенный потенциал из-за наличия этнорелигиозных противоречий, обостряемых борьбой за водные ресурсы, 2) хрупкость режимов, вызванная несменяемостью власти в Таджикистане и Туркменистане, 3) отсутствие прочных демократических институтов после серии госпереворотов в Кыргызстане и 4) общая граница с Афганистаном, где обосновалось ИГИЛ. Хотя ставка на Центральную Азию может показаться Китаю выгодной с той точки зрения, что «слабые» государства могут попасть под ее финансовую и политическую зависимость Китая. Однако геополитические и экономические вызовы могут перевесить это преимущество. Учитывая обозначенные риски, автор приходит к выводу, что транзит через Россию – более безопасный маршрут доставки китайских товаров в Старый свет.

Ключевые слова: Новый шелковый путь, Один пояс. Один путь, Центральная Азия, Китай, торговля, Россия

Security Challenges of the New Silk Road Routing via Central Asia

K.N. Gasanov

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. In face of the trade war with the US, China's capacities to finance the New Silk Road (NSP) are getting undermined. Due to limited funds private Chinese companies cut investments. Since there are geopolitical challenges for Chinese transport communications in Central Asia on top of it, the NSP route becomes extremely risky. The article analyses the security problems of the project "One belt. One Road" via Central Asia. The author assesses economic and political development of five countries in the region concerned: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan. Weak macroeconomic fundamentals of these countries – high public debt, negative balance of payments, unemployment and high inflation – along with high level of corruption reduce the return on Chinese investments. Economic risks lay on political risks: 1) high conflict potential due to ethno-religious contradictions, exacerbated by the struggle for water resources, 2) regimes fragility caused by the irremovability of government in Tajikistan and Turkmenistan, 3) the lack of strong democratic institutions after series of coups in Kyrgyzstan and 4) common border with Afghanistan where ISIS has gained ground. Although reliance on Central Asia may seem beneficial for China as "weak" states may fall under its financial and political dependence. However, geopolitical and economic challenges may outweigh this advantage. Considering the risks listed above the author concludes that delivering Chinese goods to Europe through Russia is safer.

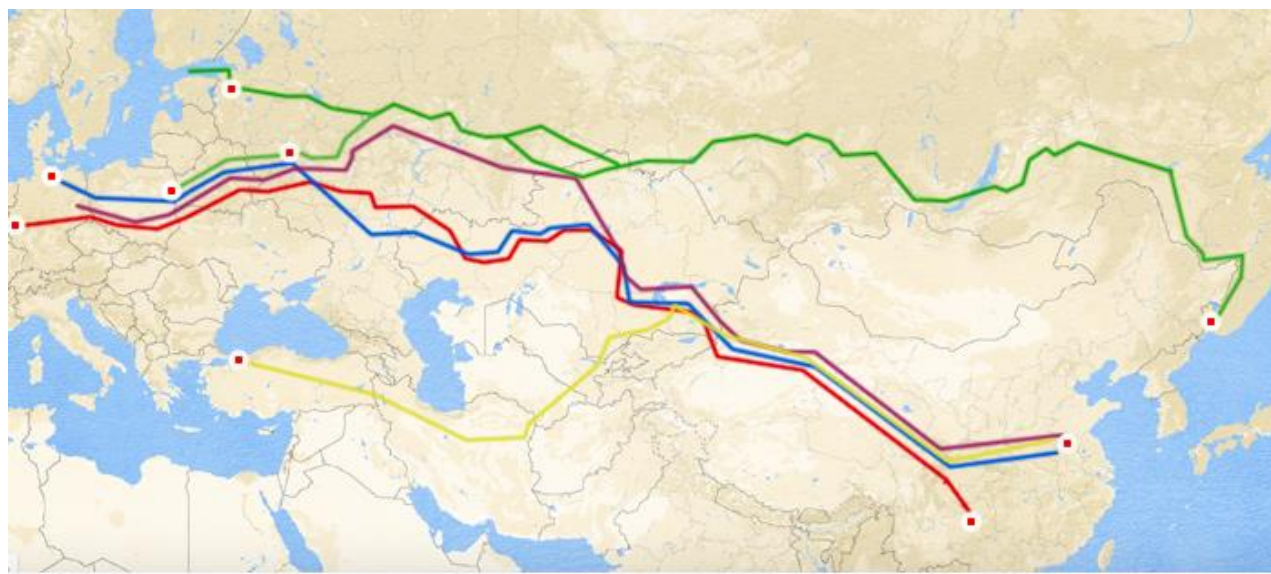
Keywords: New Silk Road, One belt. One way, Central Asia, China, trade, Russia

Введение. В Вашингтоне уже два десятка лет считают растущий Китай угрозой своей национальной безопасности. Однако решительную борьбу КНР американцы начали лишь после прихода к власти Дональда Д. Трампа в 2017 г. В Доктрине национальной безопасности США Пекин, наряду с Москвой, значится основной угрозой. Советники Трампа, включая С. Беннона, открыто говорили об угрозе «Нового шелкового пути»¹. Введенные Белым домом торговые пошлины против Поднебесной снижают ее шансы на реализацию проекта. Учитывая, что у «Один пояс. Один путь» есть несколько маршрутов, очевидно, китайцам в условиях снижения своего экономического потенциала, придется делать выбор между ними. В этом выборе решающую роль сыграет фактор инвестиционной безопасности. Анализ политического и экономического развития Центральной Азии позволяет сделать вывод о том, что «срединный маршрут» не самый удачный для «Нового шелкового пути». Когда Ближний Восток все еще погружен в межэтнические и межконфессиональные войны, путь через Россию является самым выгодным для китайцев.

У главного проекта КНР в XXI в. — «Один пояс. Один путь» не менее шести маршрутов, соединяющих Китай с Европой. Четыре из них проходят через республики Центральной Азии — Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Казахстан. Ставка на Центральную Азию, может показаться, странным. Ведь здесь китайским товарам приходится пересекать таможенную пяти стран. К тому же, политические системы стран региона, за исключением, пожалуй, Казахстана, весьма хрупкие. Однако эти недостатки перекрывает одно преимущество.

Пекин имеет дело с пятью слабыми — и в военном смысле, и экономическом, и политическом, государствами. Китай не боится попасть под их зависимость, которая непременно присутствовала бы, сделай КНР ставку исключительно на российский маршрут. С другой стороны, Центральная Азия — все же более безопасный регион, чем Ближний Восток.

Политическое будущее Афганистана туманно. В стране последние три года пустило корни «Исламское государство»². Талибы, хоть и недавно договорились с администрацией Д. Трампа³, но

СУХОПУТНЫЕ МАРШРУТЫ ПРОЕКТА "ОДИН ПОЯС. ОДИН ПУТЬ"

■ ТРАНССИБ 11 060 км 18-20 суток	■ СЕВ. ТАЖМ 11 518 км 11-13 суток	■ ЦЕНТР. ТАЖМ 9 654 км 12-14 суток	■ ЧУНЦИНЬ-ДУЙСБУРГ 10 769 км 15 суток	■ ЮЖН. ТАЖМ 10 989 км 20-23 суток
---	--	---	--	--

¹ There's one part of this Trump-China deal that slaps a bunch of his supporters in the face. Business Insider. 13.05.2017.

² Agreement. U.S. Department of State. 6.03.2020. <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-signing-of-the-u-s-taliban-agreement/>

представляют угрозу единству страны. Пока американские войска остаются в Афганистане — «Талибан» (запрещена в России) требует их вывода – политическое урегулирование кризиса невозможно.

После санкций США резко ухудшилось экономическое положение Ирана. В свете противостояния двух стран в Ираке, Сирии и регионе Персидского залива в конце 2019 г. вырос риск прямого вооруженного столкновения между США и Ираном. Убийство генерала К. Сулеймани и атака на американские базы в Ираке — наглядное доказательство возможной военной эскалации. Планы Белого дома по свержению режима аятолл делает иранский маршрут для «Нового шелкового пути», как и афганский.

Если тезис о том, что Центральная Азия несет меньше рисков с точки зрения безопасности, чем Ближний Восток, не вызывает сомнения, то экономическая и политическая стабильность бывших советских республик может стать реальным тормозом на пути китайского проекта. Чтобы доказать этот тезис, проанализируем текущее экономическое и политическое развитие стран Центральной Азии.

Неплатёжеспособная Центральная Азия

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ И РОССИИ

Страны	ВВП номинал (2014-2018 гг.) в \$ млрд	Международные резервы, включая золото в \$ млрд 2018 г.	Внешний долг (% от ВВП)	Падение нац. валюты по отношению к доллару (2014-2019 гг.)	Платежный баланс в \$ млрд (% от ВВП)	Инфляция в % (Данные МВФ)	Ключевая ставка ЦБ в %
Казахстан	221-170	31	47,1 (27,1%)	в 2 раза	+1 (0,6% ВВП)	5,5	9
Кыргызстан	7,5-8	2,1	3,8 (47,5%)	в 1,4 раза	-0,8 (9,8%)	2,2	4,25
Таджикистан	9,2-7,5	2	\$2,9 (38,9%)	в 1,9 раза	-0,4 (5,3%)	6,7	13,25
Туркменистан	43-44	\$20 (2017)	\$11,16 (25%)	в 1,2 раза	-1,4 долларов (3,1%)	13 (реальная инфляция - 294)	-
Узбекистан	58-41	28	16,4 (48%)	в 3,5 раза	-3,2 (-7,8%)	16,5	16
Россия	2050-1630	468	482,4 (29,5)	в 1,8 раза	+115 (7%)	2,9	7,25

ВВП СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ И РОССИИ

Страны	ВВП номинал (2014-2018 гг.) в \$ млрд	ВВП по ППС (2014-2018 гг.) в \$ млрд	Темпы прироста ВВП в процентах (2014-2018 гг.)
Казахстан	221-170	430-508	4,2-4,1
Кыргызстан	7,5-8	20-25	4,3-5
Таджикистан	58-41	175-250	8-5
Туркменистан	43-44	83-112	10,3-6,2
Узбекистан	9,2-7,5	22-31	6,7-7
Россия	2050-1630	3890-4213	2,3

Гиперинфляции в 300% в Туркменистане¹ в 2019 г. говорит о высокой

экономической уязвимости региона. Кроме Казахстана, каждая из республик находится перед риском финансово-экономического кризиса. За последние пять лет валюта Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана упала в 2-3 раза по отношению к доллару США. Курс туркменского маната искусственно завышенный. На черном рынке доллары продают в пять раз дороже.

В Узбекистане и Кыргызстане внешний долг равен половине ВВП (!). Все республики, кроме Казахстана, переживают дефицит платежного баланса и страдают от роста цен. Как следствие растет безработица. По статистике правительства перечисленных стран, безработица в них не выше десяти процентов. Но насколько эти данные можно считать объективными? Институт Гайдара сообщает, что в январе-апреле прошлого года, количество «гастарбайтеров» в Россию из Центральной Азии выросло в два раза по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.²

Киргизия, Таджикистан и Туркменистан находятся на грани дефолта. Госдолг в них достиг максимума. Завышенный курс валюты не дает им наращивать объемы экспорта и покрыть дефицит бюджета. В такой ситуации им остается либо продолжать увеличивать госдолг, либо «затягивать пояса».

В Узбекистане после смены власти ситуация идет на поправку. Хотя золотовалютные резервы республики весьма высокие — 28 млрд. долларов — это на 30% выше, чем госдолг, тем не менее Узбекистан испытывает самый высокий дефицит платежного баланса среди стран региона. Вкупе с высокой инфляцией у Ташкента могут возникнуть в выплате долга. Высокая инфляция, давящая на дефицитный бюджет, будет осложнять решение этой проблемы.

Китайские кредиты

Китай стал основным инвестором испытывающих экономические сложности стран Центральной Азии³. Только на долю банка Exim Bank of China приходится 45 %

² В России резко вырос уровень миграции. Известия. 22.07.2019

³ Can Central Asia countries pay their external debts? The Times of Central Asia. 17.03.2019.

¹ Turkmenistan is suffering an economic crisis of its own making. Eurasianet. 6.09.2019

внешнего долга Кыргызстана, и 40 % — Таджикистана. Зависимость Узбекистана от китайских денег тоже высокая — 20 %. Китайская народная республика инвестировала около 22 и 27 млрд. долларов в экономики Узбекистана и Казахстана соответственно.

Неплатежеспособность центральноазиатских стран может навредить Китаю и его проекту «Один пояс. Один путь», что крайне важно в условиях замедляющейся китайской экономики и торговой войны Пекина с Вашингтоном. Несмотря на высокий интерес со стороны Поднебесной к региону, она выдает займы не на безвозмездной основе. А вдруг Таджикистан и Кыргызстан с их растущими дефицитами платежным балансом, внешним долгом и коррупцией окажутся неспособными вернуть займы? Про коррупцию стоит сказать отдельно. По этому показателю Таджикистан (28), Узбекистан (22) и Туркменистан (19) в списке мировых лидеров¹. В таких условиях, не исключено, что выданные Пекином средства будут попросту разворовываться.

То, что китайцев беспокоены коррупционными рисками для «Нового шелкового пути», подтверждают два следующих события. В 2018 г. китайский посол в Кыргызстане Сяо Цинхуа «в резкой форме» напомнил Бишкеку, что взятые кредиты нужно гасить своевременно². В это же время Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) сформировало Национальной надзорной комиссии (ННК). Структура, возглавляемая приближенным Си Цзиньпина, кроме борьбы с коррупцией, занимается аудитом кредитов, выданных для строительства проекта «Один пояс. Один путь».

В статье для «Независимой газеты» заместитель гендиректора Центра стратегических оценок и прогнозов И. Панкратенко отмечал, что посол УНР предупредил власти Кыргызстана, Таджикистана и других соседних стран, что

теперь Пекин вынудит их «отчитываться за каждый юань».

Политическая нестабильность

Кроме экономических проблем «Новый шелковый путь» в Центральной Азии может наткнуться на политические риски, которые в «Арабской весне» похоронили европейский проект по возобновляемым источникам Desertec. Наглядный пример с этой точки зрения — ситуация в Туркменистане. Тридцать лет властям Ашхабада удавалось поддерживать порядок за счет высоких нефтяных и газовых доходов. Однако после падения цен на нефть в 2015-2016 гг. страна столкнулась с гиперинфляцией. В стране образовались очереди за продуктами первой необходимости. Виноват в этом не только нефтяной кризис, но и нецелевое расходование бюджета президентом Г. Бердымухамедовым, воздвигающим себе памятники по всей стране и вкладывающим средства в бессмысленные имиджевые проекты.

Среди пяти республик, пожалуй, наиболее нестабильные с политической точки зрения — Туркменистан и Кыргызстан. Туркменистан к тому же граничит с нестабильным Афганистаном, и, по данным некоторых источников, туркменским пограничникам не выдают патроны, чтобы их не отобрали боевики «Талибан» и ИГИЛ. Что касается Кыргызстана, то даже, имея географическую удаленность от Афганистана, у него есть нерешенные территориальные споры с соседями. Присутствие узбекского меньшинства в Оше обостряет отношения с Ташкентом.

Узбекское меньшинство составляет 15 % населения республики. После госпереворота 2010 г. и отставки К. Бакиева в Оше разразились кровопролитные бои между киргизами и узбеками — погибли около 800 человек. С Таджикистаном у Кыргызстана территориальный спор. Из почти 1000 км границы делимитирована только половина, из-за чего регион кишит эксклавами. В одном из них летом 2019 г. произошли столкновения между двумя этносами,

На территориальный спор накладывается слабость государственных

¹ Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Гуманитарный портал.

² Китайский посол в резкой форме напомнил Кыргызстану о необходимости платить по долгам. Stanradar

институтов, неэффективное управление и высокая зависимость от внешней помощи - как военной в лице ОДКБ, так и экономической в лице китайских кредитов. В этих условиях в стране процветают разные виды религиозного экстремизма. Политическая нестабильность Кыргызстана не мешает западным СМИ называть эту страну «единственной демократией» в Центральной Азии.

Не многим лучше ситуация с виду в стабильном, но в действительности хрупком Туркменистане.

«За последние пять лет Туркменистан — одна из наименее устойчивых стран в регионе. Туркменское руководство теряет контроль над газовыми ресурсами. Учитывая низкие цены и тот факт, что туркменские власти перепродали свои ресурсы на годы вперёд Китаю, России и Ирану, это ограничивает им пространство для манёвра. Крайне примитивное внутривластное устройство, высочайший уровень коррупции и кризис в Афганистане — всё это создаёт для Туркменистана серьёзную угрозу», — анализирует ситуацию старший преподаватель Департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Г. Лукьянов¹.

В Казахстане политический режим стабилен. Несмотря на отставку президента Н. Назарбаева, он де факто сохраняет влияние и контроль, будучи председателем Совета безопасности. Ему удалось за 30 лет выстроить прочную и эффективную систему государственного управления. Новому президенту К.-Ж. Токаеву нужно провести социальные реформы, чтобы сохранить стабильность режима. При этом столкновения в начале февраля между дунганами и казахами² подсказывают, что стабильность в самой стабильной стране региона может давать трещины.

В Узбекистане запущенные при новом лидере Ш. Мирзиёеве политико-

экономические реформы укрепляют безопасность и стабильность. В Таджикистане она гарантируется сохранением у власти несменяемого президента Э. Рахмона, а также присутствием российских военнослужащих. 201-я военная база в Бохтаре и Душанбе, — одна из самых крупных военных баз России в мире.

Угроза ИГИЛ

Граница с Афганистаном создаёт для Узбекистана и Таджикистана дополнительные риски. После своего провала в Сирии и Ираке «Исламское государство» переместилось в Афганистан. Возможная эвакуация американских войск повышает угрозу терроризма для Центральной Азии, которые боятся образования «вакуума силы» и усиления экстремистов на своих южных рубежах.

Из-за угрозы проникновения террористов Узбекистан заключил с Москвой контракт на приобретение десятков военных вертолётов Ми-35М, бронетранспортёров БТР-82А (АМЗ) и собирается купить многоцелевые истребители Су-30СМ, «обкатанные» ВКС в Сирии. В апреле 2019 г. глава министерства обороны РФ С. Шойгу заявил о необходимости укрепления военной базы России в Таджикистане. Москва передала Душанбе на безвозмездной основе системы ПВО на сумму 9 млн. долларов. Буквально за месяц визита С. Шойгу в Таджикистан в марте прошлого года, там поймали боевика, готовившего теракт против российской базы. В начале 2020 г. стало известно, что Россия готовит поставки С-400 в Кыргызстан.

Водные проблемы

Потенциальным фактором нестабильности региона являются и водные ресурсы. Ключевые реки Амударья и Сырдарья берут свое начало в Кыргызстане и Таджикистане. Ввиду возведения в них гидроэлектростанций соседи сталкиваются с дефицитом воды, необходимой для сельского хозяйства. Зависимость трех стран от внешних источников воды колоссальная: у Туркменистана — 90%, у Узбекистана — 77%, у Казахстана — 44%.

¹ Почему Новый шёлковый путь для Китая выгоднее делать через Россию. Царьград. 27.07.2019.

² Столкновения на юге Казахстана: 10 погибших, почти 140 раненых. Настоящее время. 8.02.2020.

Дефицит воды может обостриться из-за таяния ледников — главных источников рек Сырдарья и Амударья. При негативном сценарии к 20150 г. вода в Амударье снизится на 15 %, в Сырдарье — на 5%. С другой стороны, растет потребление из-за увеличения населения региональных стран. По оценкам Всемирного банка, население вырастет на 30% к середине века — это может вызвать межэтнические войны из-за воды. Бывший президент Узбекистана Ислам Каримов предупреждал, что водные проблемы «могут усугубиться до такой степени, что вызовут не только серьезное противостояние, но даже войны».

Вывод. Из вышеприведенного обзора видно, что финансово-экономические и политические тенденции в Центральной Азии несут немалые риски для реализации проекта «Один пояс. Один путь». Удушаемые инфляцией Туркменистан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан могут оказаться не в состоянии выплачивать китайские кредиты. С другой стороны, в условиях торговой войны с США сжимаются финансовые возможности самого Китая. Темпы роста его ВВП в 2019 г. достигли самой низкой отметки за 27 лет – 6,2%. Частные инвесторы уже понизили вклад в «Новый шелковый путь» на 12%¹.

«Запасным аэродромом» для Китая мог бы быть Ближний Восток, но текущие политические процессы там лишают любые проекты инвестиционной безопасности. Альтернатива в такой ситуации для Китая — только одна. Провести проект через Россию — или напрямую, или транзитом через Казахстан. Движение в этом направлении уже наблюдается. Летом 2019 г. запущено строительство автомагистрали «Меридиан» от погранпункта «Сагарчин» на казахско-российской границе до Белоруссии. Дорогу должны были начать строить еще в 2009 г., но тогда не хватило денег. Однако сейчас проблему удалось решить за счет частных инвесторов, они вложат 9,3 млрд долларов на не хватающее звено «Нового шелкового пути».

Если Китай сделает ставку на Россию, то может полагаться не только на сухопутный, но и морской путь. Весной 2019 г. президент РФ В. Путин поручил кабмину ускорить строительство инфраструктуры в Арктике и заявил о необходимости состыковать Северный морской путь и Морской шелковый путь². В начале июля прошлого года «Ямал СПГ» заказал в Южной Корее 29 судов, включая 15 танкеров-ледоколов, для транспортировки СПГ.

Преимущество российского маршрута перед «срединным» кроется не только в отсутствии территориальных и политических проблем, но и рентабельности. Транспортировка китайских товаров через Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан и Турцию занимает более 20 суток и компаниям приходится платить за транзит 4-5 государствам. По казахско-российской территории грузы идут 11-13 суток и имеют дело с налоговым законодательством двух стран, а в чисто российском маршруте — только одного государства.

Экономические показатели тоже говорят о преимуществе российского маршрута. Из всех стран ЕАЭС Россия и Казахстан — самые кредитоспособные. Их суверенный долг не превышает треть от ВВП, и они обладают высокими ЗВР при положительном платежном балансе.

Несколько лет назад японское издание *The Diplomat* предостерегало, что Центральная Азия созрела для нестабильности и конфликтов. «Теневое ЦРУ» Stratfor тоже предупреждало о дестабилизации региона. «Если стабильность в Центральной Азии взорвется, то реализуется ночной кошмар Китая — прибежище вооружённых сепаратистов окажется у его границ», — говорилось в материале³.

При всех плюсах у российского направления есть один серьезный изъян.

² Путин заявил о возможности стыковки Севморпути с Морским шелковым путем. 27.04.2019. РИА Новости.

³ Губит людей вода. Может ли в Средней Азии начаться война из-за водных ресурсов. Lenta.ru. 18.05.2017

¹ Chinese private investment in belt and road projects may be losing steam. South China Morning Post. 15.11.2018

Китай не хотел бы попасть под зависимость от России. Поддержка Москвой безопасности стран Центральной Азии по линии ОДКБ и СНГ даёт Китаю возможность проталкивать свой проект под русским шитом. Тем не менее обострение финансово-политической ситуации в четырёх бывших республиках СССР на определённом этапе может вынудить Китай внести коррективы в «Один пояс. Один путь».

Экономическая нестабильность и политические вызовы в Центральной Азии могут приторможить китайский проект

«Один пояс. Один путь». Маршрут через Россию и Казахстан выглядит более выгодным, чем через Узбекистан, Туркмению, Киргизию и Таджикистан по целому ряду причин: финансовых, экономических, политических, географических. Хотя ставка на Центральную Азию может показаться выгодной с той точки зрения, что слабые политически государства могут попасть под финансовую и политическую зависимость Китая. Однако геополитические риски с потенциальной дестабилизацией региона могут перевесить эти преимущества.

Библиографический список

- Bhavna Dave & Yuka Kobayashi.* China's silk road economic belt initiative in Central Asia: economic and security implications. *Asia Europe Journal* volume 16, pages 267–281 (2018) 02 April 2018.
- Brown, Rachel.* Where Will the New Silk Road Lead? The Effects of Chinese Investment and Migration in Xinjiang and Central Asia. *The Journal of Politics and Society.* Helvidius Group of Columbia University. April 26, 2016.
- Colin Mackerras* Xinjiang in China's Foreign Relations: Part of a New Silk Road or Central Asian Zone of Conflict? *East Asia* volume 32, pages 25–42 (2015). Published: 31 January 2015
- Filippo Costa Buranelli.* One Belt, One Road and Central Asia: Challenges and Opportunities. 22 November 2017.
- Gabuev A.* Crouching Bear, Hidden Dragon: "One Belt One Road" and Chinese-Russian Jostling for Power in Central Asia. *Journal of Contemporary East Asia Studies.* Volume 5, 2016 - Issue 2: China's "One Belt, One Road" Strategy and Asia
- Ken W. F. Howard & Karina K. Howard.* The new "Silk Road Economic Belt" as a threat to the sustainable management of Central Asia's transboundary water resources. *Environmental Earth Sciences* volume 75, Article number: 976 (2016) 07 June 2016.
- Ken W. F. Howard & Karina K.* The new "Silk Road Economic Belt" as a threat to the sustainable management of Central Asia's transboundary water resources. *Howard Environmental Earth Sciences* volume 75, Article number: 976 (2016). Published: 07 June 2016
- Sebastien Peyrouse & Gaël Raballand.* Central Asia: the New Silk Road Initiative's questionable economic rationality Pages 405-420. Published online: 19 Nov 2015.
- Siyao Li Cornell.* The New Silk Road: Assessing Prospects for "Win-Win" Cooperation in Central Asia. *International Affairs Review* 2016, VOL. 9 NO. 1.
- Younkyoo Kim Fabio Indeo.* The new great game in Central Asia post 2014: The US "New Silk Road" strategy and Sino-Russian rivalry Corresponding author. *Communist and Post-Communist Studies* (2013) 46 (2): 275–286. MAY 15 2013.
- ZHU Xian-ping, ZOU Xiang-yang,* Idea of New Silk Road Economy Development Zone between China and Central-Asia. *Northeast Asia Forum* 2006.
- Абрамкина М.* Политические риски китайского проекта «Один пояс, Один путь». Шанхайский университет иностранных языков. Журнал: экономические отношения. Издательство: «Креативная экономика» (Москва). Том 8, № 3, 2018. С. 437-444.
- Аристова Л., Семенова Н.* Один пояс - один путь: конструктивные и негативные факторы развития транспортного диалога в формате РФ - Центральная Азия – КНР. Институт востоковедения РАН. 2019.
- Курылев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств // Учебно-методическое пособие для бакалавров и магистров направлений подготовки «Международные

отношения», «Политология», «История» / Москва, 2010. (2-е издание, переработанное и дополненное).

Мальшиева Д.Б. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая. Имэмо им. Е.М. Примакова РАН, Москва. Том 63, № 5, 2019. С. 101-108.

Михайленко А.Н. Сопряжение евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс – один путь». Журнал Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, 2018.

Сафронова Е. Проект «Экономический пояс шелкового пути» и безопасность в Центральной Азии. Институт Дальнего Востока РАН. № 4, 2018. С. 23-30.

Тураева М.О., Глинкина С.П., Яковлев А.А. Каналы проникновения китайского капитала в республики Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс - один путь». Journal of new economy. 2018.

Сведения об авторе: Гасанов Камран Низами оглы, кандидат политических наук Университета Зальцбурга, старший преподаватель теории и истории журналистики РУДН (kamran-bey@mail.ru).

References

Abramkina M. Politicheskie riski kitajskogo proekta «Odin poyas, Odin put'». SHanhaj-skij universitet inostrannyh yazykov. ZHurnal: ekonomicheskie otnosheniya. Izdatel'-stvo: «Kreativnaya ekonomika» (Moskva). Tom 8, № 3, 2018. S. 437-444.

Aristova L., Semenova N. Odin poyas - odin put': konstruktivnye i negativnye faktory razvitiya transportnogo dialoga v formate RF - Central'naya Aziya – KNR. Institut vo-stokovedeniya RAN. 2019.

Kurylev K.P., Savicheva E.M. Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv // Uchebno-metodicheskoe posobie dlya bakalavrov i magistrrov napravlenij podgotovki «Mezhdunarodnye otnoshe-niya», «Politologiya», «Istoriya» / Moskva, 2010. (2-e izdanie, pererabotannoe i dopol-nennoe).

Malysheva D.B. Postsovetskie gosudarstva Central'noj Azii v politike Kitaya. Imemo im. E.M. Primakova RAN, Moskva. Tom 63, № 5, 2019. S. 101-108.

Mihajlenko A.N. Sopryazhenie evrazijskoj integracii i kitajskogo proekta «Odin poyas – odin put'». ZHurnal Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo, 2018.

Safronova E. Proekt «Ekonomicheskij poyas shelkovogo puti» i bezopasnost' v Central'-noj Azii. Institut Dal'nego Vostoka RAN. № 4, 2018. S. 23-30.

Turaeva M.O., Glinkina S.P., Yakovlev A.A. Kanaly proniknoveniya kitajskogo kapitala v respubliki Central'noj Azii v ramkah iniciativy «Odin poyas - odin put'». Journal of new economy. 2018.

About the author: Gasanov Kamran Nizami Ogly, PhD of political sciences of University of Salzburg, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of Journalism of RUDN University (kamran-bey@mail.ru).

Шанхайская Организация Сотрудничества в системе обеспечения евразийской региональной, международной и глобальной безопасности (международно-правовое измерение)

К.Х. Рахимов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируется вероятность осуществления прогнозов в возможной трансформации Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), как Межгосударственные отношения стратегического партнёрства в военно-политическом блоке. По результатам мониторинга международных правовых аспектов и анализа военных учений стран-членов ШОС определены особенности их военного сотрудничества, тенденции в развитии военного сегмента этой региональной международной организации, перспективы ее военно-политической трансформации. Предложены рекомендации относительно учета указанных факторов в военном и военно-техническом сотрудничестве (ВТС) России со странами-членами ШОС. Военное сотрудничество России, Китая и стран Центральной Азии в рамках ШОС в течение последних пяти лет стало существенным фактором, влияющим на военно-политическую обстановку в регионе, и индикатором имеющихся межгосударственных противоречий. Нельзя полностью исключать того, что в случае осложнения военно-политической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в ЦА проведения военных учений «Мирная миссия», которые являются традиционными, может стать катализатором усиления военного компонента системы коллективной безопасности ШОС. На официальном уровне руководство России и Китая заявляет, что ШОС не является и не будет военно-политическим блоком. Соответственно, это позволяет привлекать к сотрудничеству с ШОС другие страны, в том числе имеющие нейтральный статус и имеющие даже противоположные интересы в военно-политической сфере.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, международное право, военно-техническое сотрудничество, антитеррористические учения, региональная и международная безопасность.

Shanghai Cooperation Organization in the System of Ensuring Eurasian Regional, International and Global Security (International Legal Measurement)

K.Kh. Rahimov

Abstract. The article analyzes the probability of implementation of forecasts in the possible transformation of the Shanghai cooperation organization (hereinafter-SCO) as Interstate relations of strategic partnership in the military-political bloc. Based on the results of monitoring of international legal aspects and analysis of military exercises of the Shanghai cooperation organization (SCO) member States, the features of their military cooperation, trends in the development of the military segment of this regional international collective security organization, the prospects for its military-political transformation are determined. Recommendations on the consideration of these factors in the military and military-technical cooperation (PTS) of Russia with the SCO member States are proposed. Military cooperation between Russia, China and the Central Asian countries within the SCO over the past five years has become a significant factor influencing the military and political situation in the region, and an indicator of existing interstate contradictions. It cannot be completely ruled out that in the event of a complication of the VPO in the APR and in Central Asia, the holding of military exercises "Peace mission", which are traditional, can become a catalyst for strengthening the military component of the SCO collective security system. At the official level, the leadership of Russia and China States that the SCO is not and will not be a military-political bloc. Accordingly, this makes it possible to involve other countries in cooperation with the SCO, including those with neutral status and even opposing interests in the military and political sphere.

Keywords: Shanghai cooperation organization, international law, military-technical cooperation, antiterrorist exercises, regional and international security.

Развивая сотрудничество со странами-членами региональных международных организаций, Российская Федерация учитывает особенности эволюции международных систем коллективной безопасности, в том числе и на евразийском пространстве. Внешняя политика России требует осторожного подхода к выстраиванию двусторонних и многосторонних отношений в военной, военно-политической и военно-технической сферах с партнерами по сотрудничеству, которые в свою очередь являются членами региональных организаций безопасности. Сейчас на постсоветском пространстве действует несколько региональных объединений с перекрестным членством и функциями, которые частично совпадают. Основными из них являются Организация договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС).

В деловых и политических кругах России вследствие активизации российско-китайского сотрудничества в последние годы существенно возрос интерес к ШОС в качестве международного объединения [Фадеева 2013:22].

Региональные вопросы, в частности безопасности и логистики, активно включены в повестку дня ШОС. Ключевые силы, представленные в регионе – прежде всего РФ и Китай. Присутствие РФ последовательно пытаются уравнивать Узбекистан и Казахстан, в частности стоит отметить запланированное обновление договоров о сотрудничестве с ЕС. Одной из составляющих внешней политики Казахстана является либерализация визовых процедур, реализации которой он стремится и в отношениях с ЕС. Впрочем, учитывая политику самого ЕС, открытие границ является маловероятным. Таджикистан декларирует стремление сотрудничества с ЕС, а внешнюю политику в целом выстраивает по принципу «открытых дверей», однако он более слабое государство. Зато Кыргызстан, который в 2015 г. вступил в Евразийский экономический союз и Таможенный союз, все сильнее подпадает под влияние РФ.

В то же время в течение последних лет в рамках изучения международного права [Alimov 2018:76] неоднократно озвучивался тезис о трансформации ШОС в военный блок, о ее возможной интеграции с ОДКБ и формирования в Евразии т. н. анти-НАТО. Американские политологи непременно связывают с ШОС тематику по иранской ядерной программе, афганскую проблематику, вопросы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и в Центральной Азии (ЦА), поскольку страны этих регионов являются странами-наблюдателями этой организации [DavidSvarin 2016:111]. Высказывается мнение об усилении военного компонента ШОС в задекларированном ее документами реагировании на вызовы и угрозы региональной безопасности [Blackwill, Robert D и др. 2016].

Итак, проблема оценки потенциала военного компонента ШОС и определения направления эволюции этой организации приобретает существенное значение для России в контексте сегодняшней непростой политической ситуации, влияет на определение форм сотрудничества с самой организацией, а также отношений со странами-членами ШОС с учетом политических конфигураций в системах региональной коллективной безопасности Евразии.

Решению данной проблемы будут способствовать мониторинг и анализ особенностей военного сотрудничества в рамках ШОС, что позволит определить тенденции в эволюции организации. В этом контексте важным показателем следует считать динамику проведения совместных военных учений стран-членов ШОС.

Цель данной статьи - на основе анализа организационных-институциональных форм военно-технического сотрудничества в формате ШОС, особенно динамики, масштабов и направленности совместных военных учений, выяснить тенденции в развитии международных правовых аспектов военного сегмента этой региональной международной организации, перспективы ее военно-политической трансформации, а также сформулировать рекомендации относительно учета указанных факторов в

военно-техническом сотрудничестве России со странами-членами ШОС.

История и особенности развития ШОС достаточно активно изучаются в России, Китае и странах ЦА. Приоритетами являются экономическое сотрудничество и политический диалог, а также политика отдельных стран-членов ШОС. Однако проблематика безопасности со времен основания организации остается наиболее дискуссионной и политически ангажированной в научных кругах как ее стран-членов, так и в публикациях американских и западноевропейских специалистов.

Относительно выбранного в статье объекта исследования – военно-технического сотрудничества ШОС, то системные исследования в историографии отсутствуют. В большинстве научных исследований по проблематике ШОС многосторонние военные учения преимущественно упоминаются лишь как иллюстрация антитеррористической политики этой международной организации [Азизов 2018:69].

Датой образования Шанхайской организации сотрудничества как международной организации считается 15 июня 2001. За год, 7 июня 2002, главы государств-основателей ШОС (Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан) приняли на саммите в Санкт-Петербурге «Хартию ШОС», в первой статье которой обязались развивать «многопрофильное сотрудничество с целью поддержки и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе», совместно противодействовать «терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях», а также «поощрять эффективное региональное сотрудничество в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной ... и иных сферах общих их интересов». Документ стал юридическим фундаментом для перевода в

практическую плоскость безопасности сотрудничества стран-членов ШОС, первым проявлением которого было решение о создании Региональной антитеррористической структуры (далее - РАТС) как постоянно действующего органа организации. В его задачи, среди прочего, было отнесено и «содействие в подготовке и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений»¹.

Мир тогда осмысливал трагические последствия терактов 11 сентября 2001 в США, следил за началом объявленной президентом Дж. У. Бушем-младшим «мировой войны с терроризмом», и страны-члены ШОС должны были продемонстрировать свои возможности в реагировании на новую угрозу. На этом фоне 6-12 августа 2003 в приграничных районах Казахстана и КНР состоялись первые военные учения ШОС, названные «Взаимодействие - 2003». Инициативу проявил Китай. Решение о проведении учений юридически оформили коллективным меморандумом министерств обороны государств-членов ШОС от 29 мая 2003, в котором целью маневров провозгласили «укрепление взаимного доверия и сотрудничества между вооруженными силами государств-членов ШОС в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»².

Военные учения в формате ШОС течение почти трех последующих лет не проводились. Москва демонстрировала, что в вопросах региональной безопасности она опирается на силовой потенциал ОДКБ. А в военном сотрудничестве с КНР на тот момент Россия предпочитала двусторонний формат.

Одним из значимых военных учений в рамках ШОС стала «Мирная миссия - 2007», проведенная 9-17 августа 2007 на полигоне «Чебар-Куль» (Челябинская область, Россия). В маневрах, масштабы которых, по

¹ О совместном антитеррористическом учении «Тянь-Шань», проводившемся в рамках ШОС // Официальный сайт РАТС ШОС. Новости. – 2006. – 26.08 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ecrats.com/ru/rats_activity/counterterrorist_trainings/1343 (дата обращения 20.02.2020).

² Совместное антитеррористическое командно-штабное учение «Иссык-Куль – Антитеррор – 2007» // Официальный сайт РАТС ШОС. Новости. – 2007. – 01.06 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ecrats.com/ru/rats_activity/counterterrorist_trainings/1359 (дата обращения 22.02.2020).

оценкам специалистов, «заметно вышли за рамки антитеррористических операций» [Голобоков 2010: 149], приняли участие военные подразделения пяти армий (России, Китая, Казахстана, Таджикистана и Киргизии) и группа узбекских штабных офицеров. На учениях присутствовали военные наблюдатели из Ирана и Монголии, тогда как просьбы американской стороны о допуске своих военных экспертов на маневры были отклонены.

Официально учения были представлены как «антитеррористические», но количество, качество привлеченных сил и уровень руководства дают основания оценить их скорее, как отработка военной операции против регулярной армии. Масштаб задействованных войск - 6,5 тыс. военных, 138 единиц воздушной и более 1 тыс. единиц наземной боевой техники, которые по сценарию маневров «после получения информации о действиях крупной группы террористов и проведения политических консультаций должны начать боевые действия против врага» для «нейтрализации и уничтожения террористов, которые захватили населенный пункт с целью создания на этой территории суверенного государства»¹.

Стало ясно, что наряду с совершенствованием методов противодействия терроризму в формате учений ШОС отрабатывается развертывание на значительное расстояние собственных подразделений быстрого реагирования, проверяет боеготовность новых образцов вооружения, демонстрирует как внутри КНР, так и на международной арене растущие технические, финансовые и организационные возможности армии.

Учения «Мирная миссия - 2009» вновь проводились на двусторонней российско-китайской основе. В них приняли участие 3 тыс. военнослужащих, около 300 единиц

наземной техники и свыше 40 самолетов и вертолетов. Россия была представлена десантно-штурмовой ротой и мотострелковым батальоном Дальневосточного военного округа (на момент учений), а также военно-транспортными самолетами Ил-76, фронтовыми бомбардировщиками Су-24, штурмовиками Су-25, истребителями Су-27 и вертолетами Ми-8. Активная фаза учений состоялась на полигоне Таонянь на северо-востоке Китая².

Учения под уже хорошо известным логотипом «Мирная миссия - 2012» состоялись в июне 2012 на полигоне «Чорух-Дайрон» с участием ведущих стран ШОС с небольшим количеством военнослужащих, но с презентацией новой техники. Российские вооруженные силы представляли лишь 350 военных (мотострелковый батальон с и так расположенной в Таджикистане 201-й военной базы, который продемонстрировал в действии новинку российского ОПК - командно-разведывательный бронированный автомобиль «Тигр»). С российской авиабазы «Кант» (Киргизия) к месту учений прилетели и отстрелялись по «условным террористам» несколько фронтовых бомбардировщиков Су-24³. Участие Китая в учениях было также скромнее предыдущих «Мирных миссий».

О проведении следующих учений «Мирная миссия - 2014» в Китае договоренность была достигнута в апреле 2012 г. на заседании министров обороны стран-членов ШОС в Пекине.

9 июня 2017 года после двухгодичной процедуры вступления Индия и Пакистан стали полноправными членами ШОС.

С 22 по 29 августа 2018 г. на полигоне в Чебаркуле Челябинской области прошло совместное военное антитеррористическое командно-штабное учение вооруженных сил государств - членов Шанхайской

¹ В Китае стартовали антитеррористические учения стран-членов ШОС // Kazakhstan Today. Интернет-портал. - 2007. - 06.08 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://news.gazeta.kz> (дата обращения 25.02.2020).

² «Мирная миссия - 2009» пройдет в России и Китае // Оружие России. Информационное агентство. - 2009. - 15.07 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.arms-expro.ru> (дата обращения 24.02.2020).

³ Учения ШОС «Мирная миссия - 2012» стартуют в Таджикистане // РИА «Новости». - 2012. - 08.06 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ria.ru/defense_safety; Совместное учение вооруженных сил государств-членов ШОС «Мирная миссия - 2012» // Министерство обороны Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.stat.structure.mil.ru/mission/practice>.

организации сотрудничества «Мирная миссия – 2018»¹.

В учении приняли участие органы военного управления, подразделения сухопутных войск и авиация вооруженных сил Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Киргизской Республики, Российской Федерации, Народно-освободительной армии Китайской Народной Республики (КНР), а также Республики Индия, Исламской Республики Пакистан. Представители Республики Узбекистан присутствовали на учениях в качестве наблюдателей. Всего в учениях «Мирная миссия — 2018» принимало участие около 3 тысяч военнослужащих стран-участниц ШОС и более 500 единиц техники, в том числе авиационной.

От российской стороны на учение привлечены мотострелковые и артиллерийские подразделения уральского танкового соединения, а также группировка авиации Центрального военного округа, группировки военно-транспортной и дальней авиаций Главного командования Воздушно-космических сил. Всего от РФ задействовано более 1300 военнослужащих, около 330 единиц вооружения и военной техники, в том числе 37 авиаединиц.

Аналитики в области международного права зачастую противопоставляют ШОС блоку НАТО. Рассмотрим отличия этих структур ниже.

Военная энциклопедия трактует понятие военно-политический блок как «рассчитанный на длительный период военно-политический союз нескольких государств, создаваемый обычно в мирное время и предусматривающий координацию политических, экономических и военных действий» [DavidSvarin 2016:129-140]. «Большая Советская энциклопедия» уточняет, что военно-политический блок создается для «общих действий ради решения общих политических, экономических и военных задач» [Yongquan Li 2018:94-99].

Если принять указанные дефиниции как неоспоримые и окончательно взвешенные,

такие определения в целом отражают организационную сущность ШОС. У членов ШОС есть много «общих политических, экономических и военных задач», которые можно решать только совместными усилиями. В частности, Россия явно нуждается в военно-политической стабильности в Средней Азии, но не может ее надежно обеспечить собственными усилиями, а ее местные союзники по ОДКБ являются скорее потребителями, чем создателями безопасности (последнее особенно касается Таджикистана и Киргизии). В то же время гарантировать ее совместно с мощным Китаем является вполне реальным. Китай же, в свою очередь, хотел бы видеть в Центральной Азии и России надежно защищенный «стратегический тыл» с солидными запасами сырья, энергоносителей и даже технологий, который согласно классическим китайским военным доктринам нужно «беречь, защищать и охранять» от всех противников. Опираясь на формат ШОС, государствам-участникам значительно легче бороться с исламским экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом, за что отвечает упомянутая РАТС. Однако главы государств-членов ШОС продолжают подчеркивать, что военно-политическим блоком данная организация не является. Хотя взаимодействие в сфере военно-промышленного комплекса между членами ШОС находится на высоком уровне.

Индия является крупным импортером российской военной техники, и этот импорт превышает 60 процентов. Чтобы обеспечить полную работоспособность своей военной техники и военных платформ, Индия использует возможности Индийско-российской межправительственной комиссии по-военному и военно-техническому сотрудничеству. Это обеспечивает надежную поддержку исправности российского оборудования в период после продажи. Для экономии времени и обеспечения быстрой доступности некоторых необходимых компонентов важно, чтобы Индия производила

¹ Учения ШОС «Мирная миссия – 2018» стартуют в Таджикистане // РИА «Новости». – 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://ria.ru/20180822/1526977543.html> (дата обращения 26.02.2020).

их на месте. Страна также должна иметь возможность обслуживать различные военные платформы и оборудование. При этом Индия подчеркнула необходимость принятия Россией либерального подхода в отношении передачи технологии для производства компонентов основных оборонных платформ, чтобы они всегда гарантированно поддерживали эксплуатационную готовность. Сегодня Индия занимается производством и обслуживанием некоторых новых военных платформ. Однако военно-техническое сотрудничество в области исследований и разработок, производства и обслуживания систем вооружения и платформ после продажи необходимо и дальше развивать и укреплять.

Сейчас успешно развиваются различные двусторонние проекты. К ним относятся местное производство танков Т-90 и самолетов Су-30-МКИ, поставка самолетов МиГ-29-К и вертолетов Камов-31 и Ми-17, модернизация самолетов МиГ-29 и поставка многоствольной ракетной пусковой установки «Смерч». В целом у обоих государств есть ясность относительно усиления партнерства, и они успешно приступили к разработке одной из самых обсуждаемых в мире ракетных систем BrahMos. Это совместное предприятие НПО «Машиностроение» Российской Федерации и Индийской организации оборонных исследований и разработок (DRDO), которые производят одну из самых быстрых крылатых ракет в мире. Индия закупает в РФ авиационную технику и агрегаты к ней, являясь крупнейшим из иностранных государств эксплуатантом отечественных истребителей МиГ-29К/КУБ, Су-27 и Су-30МКИ [Рахимов, Курылев 2018: 133].

Помимо самолетов, Индия использует многоцелевые российские вертолеты Ми-17В (экспортный вариант Ми-8) и противолодочные Ка-28. В ближайшие годы в стране развернется сборка более 200 многоцелевых вертолетов Ка-226Т. Россия также рассчитывает выиграть тендер на поставку ста многоцелевых истребителей. В конкурсе участвует РСК «МиГ», предлагая проект сверхманевренного

самолёта МиГ-35. Из сухопутной техники лидеры продаж в Индию — танки Т-72 и Т-90.

Важной вехой военно-технического сотрудничества с Индией стало подписание контракта на поставку пяти полковых комплектов (десяти дивизионов) зенитного ракетного комплекса (ЗРК) С-400 «Триумф» стоимостью более \$5 млрд (около 330 млрд рублей). Сделка была заключена во время визита президента РФ Владимира Путина в Нью-Дели в начале октября 2018 года.

Переговоры о продаже ЗРК продолжались около трёх лет. Основные условия были согласованы весной 2018 года. Сделке всячески пытались помешать Соединённые Штаты, предлагая индийцам приобрести ЗРК Patriot Рас-3, который уступает С-400 по ряду характеристик.

Также Вашингтон грозил применить санкции в соответствии с законом СААТСА («О противодействии противникам Америки посредством санкций»), который позволяет вводить ограничительные меры против государств, заключающих крупные оружейные сделки с Россией.

Документ даёт право США замораживать активы «нарушителей» и блокировать транзакции в долларах. По информации The Economic Times, американские власти пользуются такой возможностью. Газета утверждает, что Соединённые Штаты заблокировали денежные переводы из Индии в РФ на сумму более \$2 млрд.

В связи с этим контракт на поставку С-400 Москва и Дели заключили в рублях. Как отметил в беседе с RT главный редактор журнала «Экспорт вооружений» Андрей Фролов, сделка по «Триумфу» стала самой крупной в недолларовом эквиваленте в новейшей истории России. По его словам, РФ и Индия будут рассчитываться посредством биржевых механизмов или по бартерной схеме. Первый комплект С-400 Нью-Дели должен получить до конца 2020 года.

Согласно недавно опубликованному докладу, между Китаем и Россией в последнее время устанавливаются все более тесные отношения в сфере обороны и

безопасности, и это ставит перед США новые сложные проблемы.

Доктор Ричард Вайц, старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа при Хадсоновском институте в Вашингтоне, поясняет в своем докладе, что китайско-российское военное партнерство основано на поставках вооружений, совместных военных учениях и «других формах взаимодействия, включая встречи, совместные декларации и обмены военными специалистами».

«Москва поддержала военные амбиции Пекина, предоставив Народно-освободительной армии КНР (НОАК) современные платформы вооружений, – пишет Вейц. – Эти поставки оружия значительно усилили боевую мощь ПВО Китая, его потенциал в сфере противокорабельных операций и другие критически важные возможности. В частности, они привели к увеличению способности НОАК угрожать иностранным флотам и авиации в водах и воздушном пространстве вблизи китайской границы.

«В последнее время, – пишется далее в докладе, – батареи зенитно-ракетных комплексов С-400 и истребители Су-35, которые Россия продала НОАК, получили возможность поражать беспилотные летательные аппараты, самолеты и баллистические ракеты почти над всей западной частью Тихого океана. В то же время, совместные учения и другие формы взаимодействия позволили китайским военнослужащим позаимствовать ценные навыки у более опытных российских коллег.

Дальнейшее расширение сотрудничества в оборонной сфере между двумя великими евразийскими державами «сделало бы эти страны еще более грозными военными противниками для США и их союзников». Чтобы подготовиться к подобному сценарию, говорит Вейц, США и другим странам НАТО следует включать в свои планы «возможные чрезвычайные обстоятельства военного характера в будущем, когда Китай или Россия могут воспользоваться конфликтом между США другим членом этого неофициального альянса, чтобы достичь тех или иных преимуществ в ущерб Америке».

Например, если Россия и НАТО вступят в открытое военное противостояние в Европе, Китай может предпринять «оппортунистическую агрессию» в Азии. То же самое, утверждает автор доклада, Москва может начать в Восточной Европе в случае конфликта между Китаем и Соединенными Штатами.

За последние десятилетия мировая политология обогатилась новыми понятиями и терминами, которые существенно расширили спектр организационных вариантов межгосударственного сотрудничества. В первую очередь это касается собственно понятие «военно-политического блока». Учитывая мобильность, молниеносность и чрезвычайно ускоренную разрушительную составляющую нынешних вооруженных конфликтов в условиях потенциальных уничтожающих возможностей современных вооружений, к уже упомянутым выше признакам военно-политической блоковости стоит добавить:

- наличие в рамках союзников по блоку надгосударственных юридически обязывающих документов о их обязательное вступление в войну при агрессии против одного из членов альянса извне;

Указанные документы должны четко определять ситуации, когда вступает в действие механизм автоматического выполнения партнерами по блоку своих союзнических обязательств в военной сфере, включая даже возможный перечень таких третьих стран, против которых механизм не может быть применен. В рамках ШОС такого документа не принималось и в повестке дня он не стоит.

- наличие надгосударственных военно-управленческих институтов штабного уровня с полномочиями оперативного управления военными формированиями всех членов блока в условиях кризисных ситуаций;

Такой орган должен по образцу Комитета объединенных штабов НАТО разработать совместные согласованные планы возможных боевых операций всех союзных армий в стандартных кризисных ситуациях и иметь полномочия на их введение в действие с правом отдавать соответствующие приказы

командирам соответствующих рангов всех союзных войск в интересах общей победы. В системе ШОС создание такого штаба даже не предвидится.

- наличие единственного в пределах всего блока общеизвестного и распространенного, хотя бы в командной среде войск, языкового пространства, которое бы дало возможность командованию всех уровней управлять войсками путем отдачи однозначно понятных подчиненными команд, гарантировать оперативную соединенность штабов;

- внедрение во всех категориях высокотехнологического оружия единой системы распознавания «свой-чужой» с единой системой соответствующих кодов;

В условиях современных передовых армий такая система в общеплощадном масштабе функционировала и присутствует только в альянсах, где четко идентифицируемый «старший», который в одиночку эту систему формирует, поддерживает, и в случае необходимости централизованно меняет. А государства-члены альянса ниже рангом, будучи в большей степени не создателями, а потребителями блочной безопасности, не имеют права что-то в ней менять.

- создание подчиненных над государственным органам управления коллективных частей и соединений быстрого реагирования (их еще называют войсками постоянной готовности) с полномочиями находиться вступать на территорию любого члена альянса без дополнительного согласования этого вопроса с высшим местным политическим руководством указанной страны-члена блока в случае кризисных ситуаций;

- правовую формализацию механизма военного взаимодействия государств-членов блока в кризисных ситуациях.

Последнее очень важно в рамках применения международного права потому, что в предыдущие эпохи доминирования в мировой политической системе имперских государств абсолютного монархического или диктаторского типа все внешнеполитические вопросы замыкались в конце концов на правителей, которые могли принимать внешнеполитические решения, не

согласовывая их с параллельно действующими высшими органами представительной, законодательной или судебной власти. Однако в большинстве стран нынешнего мира такое невозможно, а следовательно, полномочия высшего политического руководства государства для их немедленного реагирования на кризисные ситуации должны быть не только четко прописаны в принятых местными законодателями законах, но и согласованы с законами других членов альянса. А это требует формирования постоянно действующих соответствующих межпарламентских ассамблей, советов или других аналогичного уровня полномочий органов надгосударственного уровня (по типу Парламентской Ассамблеи НАТО). При отсутствии таких органов вполне возможны крайне неприятные для единства и стабильности блока ситуации: один из членов альянса расценил какие-то действия третьей стороны (например, ультиматум и объявление всеобщей мобилизации) как агрессию и начал принимать соответствующие меры военного реагирования (до передислокации войск из территории союзника) - а другие союзники по блоку указанную ситуацию войной не считают.

В современном международном политикуме появился еще один вариант почти блочных, неформализованных союзнических отношений, который дипломатично называют сейчас «стратегическим партнерством». Такие «государства-партнеры» также договариваются о «координации политических, экономических и военных действий», также в ситуации могут прибегнуть к «совместным действиям ради решения общих политических, экономических и военных задач». И даже обещают все это делать, но не обязывают себя к этому юридической формализацией. Такие союзники, как правило, обещают не вступать в третьи блоки и альянсы, направленные против другого «стратегического партнера». Могут даже «партнерскую» военную базу у себя разместить. Однако защищать такого «стратегического партнера» до последнего,

при любых условиях и даже рискуя собственным существованием себя не обязывают.

Что касается ШОС то, если посмотреть на официальные документы обозначенной организации, то все прописанные в них взаимные обязательства стран-членов вполне вписываются в принципы «стратегического партнерства», но явно не дотягивают до параметров военно-политического блока. О чем, кстати, главы указанных стран не устают постоянно заявлять, подчеркивая, что ШОС - это универсальная международная организация нового типа, которая в вопросах взаимной безопасности и обороны по степени кооперации и интеграции занимает промежуточное место между военным блоком (по типу НАТО) и формализованным институтом регулярных безопасности консультационных совещаний.

Возможным представляется оценить ШОС, как оформленное на официальном уровне межгосударственное многостороннее сообщество стратегических партнеров, специфика которого заключается именно в многосторонности стратегического партнерства, в то время как в прошлом мировая политика знала только зафиксированные в документах феномены двустороннего стратегического партнерства. Но оценивая перспективы дальнейшего военно-политического сближения членов ШОС с возможностью перерастания обозначенной организации в военно-политический блок по типу «азиатского анти-НАТО», как на том настаивают в том числе отдельные российские политологи [Рахимов 2018: 46-50], можно уверенно оценить как нереальные. Во всяком случае в нынешних условиях и на ближайшие десятилетия.

В этом плане реальными видятся прогнозы о продолжении в новых исторических условиях уже классических вариантов внешнеполитической военной стратегии стран-членов ШОС. Китай, придерживаясь принципов показательной внеблоковости, будет и в дальнейшем расширять военно-политическое сотрудничество на международной арене исходя из правила: «Максимум -

Стратегическое партнерство». А Россия будет стараться поддерживать свое военно-политическое доминирование на постсоветском пространстве через систему ОДКБ.

Политика КНР по реализации военного сотрудничества с Россией в течение двух последних лет приобрела новый ракурс. Китай стремится сохранить систему военных учений в рамках ШОС как фактор усиления военно-политической составляющей этой региональной организации в целом и как очевидную возможность удерживать в ней лидерство. В то же время Россия больше интересуется Китай в качестве партнера для проведения военно-морских учений на двусторонней основе. Параллельное развитие военного сотрудничества двух стран и в рамках ШОС, так и за ее пределами используют как аргумент в политической риторике: официально обе страны заявляют, что ШОС не является военно-политическим блоком, а все формы сотрудничества соответствуют принципам стратегического партнерства.

Выводы и рекомендации:

1. Анализ проведенных под эгидой ШОС антитеррористических учений дает основания утверждать, что со времени оформления ШОС как международной организации коллективной безопасности в ее пределах сложилась система регулярных военных учений. Хотя официально все они имеют антитеррористическую направленность, однако объективно можно выделить две разновидности учений. К первому типу относятся собственно антитеррористические учения служб безопасности и спецподразделений вооруженных сил стран-участниц, во время которых отрабатываются сценарии нейтрализации и ликвидации локальных террористических актов. Ко второму типу относятся оперативно-тактические учения «Мирная миссия», которые предусматривают отработку сценариев борьбы с крупными «незаконными военными формированиями». Учения обоих типов имеют как командно-штабной этап, так и активную фазу с применением стрельб. Процесс планирования и руководства учениями со стороны РАТС, нормативно-

правовая база и реалии взаимодействия силовых ведомств стран-членов ШОС свидетельствуют, что военное сотрудничество в рамках ШОС постепенно приобретает институциональный характер. Однако специальных структур, занимающихся именно военным планированием и управлением в составе ШОС, не существует.

Динамика военных учений «Мирная миссия» в рамках ШОС имеет волнообразный характер, подъемы и спады в этом процессе определяются преимущественно политической конъюнктурой не только в регионе, но и на глобальном уровне. В период, когда организация имела тенденцию расширения и привлечения к партнерству других стран, в том числе импортеров вооружения и военной техники, обучение имели большой масштаб. Сегодня официальный статус ШОС отрицает его трансформацию в военно-политический блок. Это как раз и привлекает ряд стран к сотрудничеству с этой организацией, а ведущим игрокам ШОС позволяет участвовать через механизмы многостороннего партнерства в решении региональных проблем.

2. Военное сотрудничество России, Китая и стран ЦА в рамках ШОС в течение последних пяти лет стало существенным фактором, влияющим на военно-политическую обстановку в регионе, и индикатором имеющихся межгосударственных противоречий.

3. В России наибольшую заинтересованность в активизации военного сотрудничества ШОС имеют отдельные военно-политические круги, которые надеются на создание в организации коллективных сил реагирования по типу ОДКБ, или на интеграцию ОДКБ и ШОС в сфере безопасности. Однако позиция других членов организации не позволит реализовать

эти сценарии по многим причинам. Движущей силой военного сотрудничества ШОС сейчас является Китай. Его подход к учениям достаточно осторожен: он рассматривает их как реальный плацдарм для тренировки собственных ВС и их присутствия в регионе, но с военно-стратегической и геополитической точек зрения ставка делается прежде всего на двусторонние учения.

4. В информационном пространстве российские и китайские СМИ прилагают существенные усилия к освещению результатов военных учений. В то же время заметны противоречия между официальной информацией оборонных ведомств и министерств иностранных дел стран-членов ШОС и теми ключевыми сообщениями, которые закрепились в мировых СМИ по оценке учений и перспектив трансформации ШОС. Такая ситуация обычно считается признаком информационной войны. В данном случае это может свидетельствовать о том, что основные «игроки» в ШОС - Россия и Китай - ситуативно заинтересованы именно в асимметричном информационном воздействии на политический истеблишмент США и стран Запада.

5. Нельзя полностью исключать того, что в случае осложнения военно-политической обстановке в АТР и в ЦА проведения военных учений «Мирная миссия», которые являются традиционными, может стать катализатором усиления военного компонента системы коллективной безопасности ШОС.

6. На официальном уровне руководство России и Китая заявляет, что ШОС не является и не будет военно-политическим блоком. Соответственно, это позволяет привлекать к сотрудничеству с ШОС другие страны, в том числе имеющие нейтральный статус и имеющие даже противоположные интересы в военно-политической сфере.

Библиографический список

- Blackwill, Robert D.; Campbell, Kurt M.* Xi Jinping on the Global Stage: Chinese Foreign Policy Under a Powerful but Exposed Leader. Council on Foreign Relations' Special Report № 74. 2016. URL: <http://www.cfr.org/china/xi-jinping-global-stage/p37569>
- David Svarin.* The construction of 'geopolitical spaces' in Russian foreign policy discourse before and after the Ukraine crisis *Journal of Eurasian Studies* // Volume 7, Issue 2, July 2016. P. 129-140.

- Li, Ziguo.* Meetings between Xi and Putin boost China Russia ties. ChinaNetwork Television, 11 May, 2014. URL: <http://english.cntv.cn/2014/11/05/ARTI1415181746091225.shtml>
- Rashid Alimov.* The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia // *Journal of Eurasian Studies*, Volume 9, Issue 2, July 2018. P. 114-124.
- Silvana Malle.* Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behaviour // *Journal of Eurasian Studies*. - Volume 8, Issue 2, July 2017. P. 136-150.
- Yongquan Li.* The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? // *Journal of Eurasian Studies*. Volume 9, Issue 2, July 2018. P. 94-99.
- Азизов К.А.* Расширение ШОС как фактор укрепления региональной безопасности // *Вестник Таджикского национального университета*. 2018. № 6. С. 68-71.
- Голобоков, А. С.* КНР и военные контакты в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества // *Ойкумена*. 2010. № 4. С. 149.
- Лавров В.С.* Статус и деятельность Шанхайской организации сотрудничества: международно-правовой аспект: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10.- Москва, 2008. 198 с.
- Курылев К.П., Савичева Е.М.* *Содружество Независимых Государств* // Учебно-методическое пособие для бакалавров и магистров направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История» / Москва, 2010. (2-е издание, переработанное и дополненное).
- Рахимов К.Х.* Правовые проблемы обеспечения и укрепления международной безопасности: терроризм, экстремизм и наркоугроза // *Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук*. - 2018. № 9. С. 241-250.
- Рахимов К.Х.* Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) как международная межправительственная организация // *Евразийский юридический журнал*. - 2018. № 1 (116). С. 46-51.
- Рахимов К.Х., Курылев К.П.* Роль ШОС в обеспечении безопасности Центральной Азии /. – [научная монография.]: Издательские решения, Москва. 2018. – 202 с.
- Семенов А.А.* Трансформация внешней политики Китая // В сборнике: *Восточная Азия и изменения глобального миропорядка Доклады, представленные на V международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН*. 2018. С. 21-27.
- Фадеева И.А.* Современное состояние и перспективы развития экономического сотрудничества в ШОС: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14. - Москва, 2013. - 23 с.
- Холикназар Худоберди.* Вклад республики Таджикистан в становление и развитие шанхайской организации сотрудничества (1996-2014 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.15 / Холикназар Худоберди; [Место защиты: Таджикский национальный университет]. - Душанбе, 2015
- Цзя Ю.* Анализ энергетической дипломатии Китая и энергетическое сотрудничество Китая и России // *Теории, и проблемы политических исследований*. 2017. Т. 6. № 4А. С. 121-133.
- Цю Сяофэнь.* Взаимодействие Китайской Народной Республики и Российской Федерации в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Цю Сяофэнь; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»], 2018. 173 с.
- Чжан Вэй.* Информационные аспекты деятельности шанхайской организации сотрудничества: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Чжан Вэй; [Место защиты: ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова], 2017. 220 с.

Сведения об авторе: Рахимов Комрон Хакимджонович – аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов, эксперт Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС) Москва, Россия (e-mail: rahimov_k93@mail.ru).

References

- Azizov K.A.* Rasshirenie SHOS kak faktor ukrepleniya regional'noj bezopasnosti // Vestnik Tadzhijskogo nacional'nogo universiteta. 2018. № 6. S. 68-71.
- Golobokov, A. S.* KNR i voennye kontakty v ramkah SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva // Ojkumena. 2010. № 4. S. 149.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv // Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov napravlenij podgotovki «Mezhdunarodnye otnosheniya», «Politologiya», «Istoriya» / Moskva, 2010. (Izdanie 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe)
- Lavrov V.S.* Status i deyatel'nost' SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva: mezhdunarodno-pravovoj aspekt: dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.10.- Moskva, 2008. 198 s.
- Rahimov K.H.* Pravovye problemy obespecheniya i ukrepleniya mezhdunarodnoj bezopasnosti: terrorism, ekstremizm i narkougroza // Vestnik Tadzhijskogo nacional'nogo universiteta. Seriya social'no-ekonomicheskikh i obshchestvennyh nauk. - 2018. № 9. S. 241-250.
- Rahimov K.H.* SHanhajskaya Organizaciya Sotrudnichestva (SHOS) kak mezhdunarodnaya mezhpripravitel'stvennaya organizaciya // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. - 2018. № 1 (116). S. 46-51.
- Rahimov K.H., Kurylev K.P.* Rol' SHOS v obespechenii bezopasnosti Central'noj Azii / – [nauchnaya monografiya.]: Izdatel'skie resheniya, Moskva, 2018. – 202 s.
- Semenov A.A.* Transformaciya vneshnej politiki Kitaya // V sbornike: Vostochnaya Aziya i izmeneniya global'nogo miroporyadka Doklady, predstavlennye na V mezhdunarodnoj konferencii molodyh vostokovedov v Institute Dal'nego Vostoka RAN. 2018. S. 21-27.
- Fadeeva I.A.* Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ekonomicheskogo sotrudnichestva v SHOS: avtoreferat dis. ... kandidata ekonomicheskikh nauk: 08.00.14. - Moskva, 2013. - 23 s.
- Holiknazar Hudoberdi.* Vklad respubliki Tadzhiqistan v stanovlenie i razvitie shanhajskoj organizacii sotrudnichestva (1996-2014 gg.): dissertaciya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.15 / Holiknazar Hudoberdi; [Mesto zashchity: Tadzhijskij nacional'nyj universitet]. - Dushanbe, 2015
- Czya YU.* Analiz energeticheskoy diplomatii Kitaya i energeticheskoe sotrudnichestvo Kitaya i Rossii // Teorii, i problemy politicheskikh issledovanij. 2017. T. 6. № 4A. S. 121-133.
- Cyu Syaofen'.* Vzaimodejstvie Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Rossijskoj Federacii v ramkah SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva: dissertaciya ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.04 / Cyu Syaofen'; [Mesto zashchity: FGAOU VO «Rossijskij universitet druzhby narodov»], 2018. 173 s.
- CHzhan Vej.* Informacionnye aspekty deyatel'nosti shanhajskoj organizacii sotrudnichestva: dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.10 / CHzhan Vej; [Mesto zashchity: FGBOU VO Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova], 2017. 220 s.

About the author: Rahimov Komron Khakimdzhonovich – graduate student of the Department of International Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), expert at the Center for Research in Post-Soviet Countries (CIPS) (e-mail: rahimov_k93@mail.ru).

Новая стратегия Европейского Союза в Центральной Азии и её влияние на евроазиатскую интеграцию

Л.С. Колесникова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается новая и старая стратегии Европейского союза по Центральной Азии в сравнении. Регион Центральной Азии является одним из наиболее динамично развивающихся регионов мира с выгодным геополитическим положением. Растущее участие региона Центральной Азии в глобальных экономических процессах приводит к усилению сотрудничества между двумя регионами, так же их взаимодействие по отношению к инициативе Китая «Один пояс – один путь», одним из крупнейших экономических инициатив в регионе, может дать Центральной Азии возможность не только выйти на новый уровень участия в общемировых процессах, но и в целом превратить регион в одно из ключевых звеньев в мировых экономических процессах. В виду растущей значимости региона возникла необходимость разработки отдельного документа, который регулировал бы сотрудничество регионов, что было сделано в 2007 г., до этого Европейский союз долгое время не имел единого документа, где были бы указаны основные сферы и описаны основные механизмы сотрудничества двух регионов. Однако по ряду причин успешно реализовать стратегию 2007 г. ввиду ряда причин не получилось и было принято решение о создании новой стратегии. Для этого Европейский союз сделал «работу над ошибками», а наиболее успешные компоненты старой стратегии, дополненные новыми механизмами, были включены в стратегию 2019 г. В статье рассматривается новая стратегия Европейского союза по Центральной Азии через призму сравнения со стратегией 2007 г. для того, чтобы выделить общее, различное, какие были сделаны выводы ЕС из опыта реализации предыдущего документа, как Евросоюз планирует реализовывать новую стратегию и какое влияние будет оказано на евразийскую интеграцию в результате применения нового документа.

Ключевые слова: стратегия Европейского союза, Центральная Азия, сотрудничество, сферы взаимодействия, Брюссель, ресурсы, безопасность.

New EU Strategy for Central Asia and its Impact on Eurasian Integration

L.S. Kolesnikova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the new and the old European Union's strategies for Central Asia. The one of the most dynamically developing regions in the world is the Central Asia region, which has beneficial geopolitical position. The growing participation of Central Asia in global economic processes, which influences over cooperation between the two regions, and the Chinese initiative "Belt and Road", the one of the largest economic initiatives in the Asia region can give to Central Asia the opportunity to reach a new level of participation in global process and to turn the region into the one of the key links in world economic process. In the light of the foregoing, there was the necessity to develop a document, which can regulate the cooperation between two regions and in 2007 the EU strategy on Central Asia was adopted. Earlier the European Union had not for a long times such document, which could describe the main area and mechanisms of cooperation. However, the realization of its strategy was problematically due to a a lot of reasons and it was decided to adopt a new strategy. The result of EU's "gap analysis", the most successful components of the old strategy, which was supplemented by new mechanisms of realization, were included in the new document "The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership". In this article the new strategy of the European Union for Central Asia was considered through the prism of comparison with the strategy of 2007 in order to highlight the common, different conclusions of the EU from the experience of implementing the previous document, how the EU

plans to implement the new strategy and what impact will be exerted on the Eurasian integration as a result of the application of the new document.

Keywords: EU strategy, Central Asia, cooperation, field of cooperation, Brussels, resources, security.

Введение

Европейский Союз не является основным игроком в регионе Центральной Азии (ЦА), потому что основными игроками в регионе являются – Китай, Россия и Соединенные Штаты Америки. Так же конкуренцию Евросоюзу в регионе могут составить Турция, Япония, Южная Корея и некоторые арабские страны. Центральная Азия так же никогда не была в зоне жизненно важных интересов ЕС и в центре внешнеполитической повестки дня. Таким образом, Центральная Азия появилась впервые в официальных документах лишь в 2003 г. («Стратегия безопасности Европейского Союза»). Однако, регион Центральной Азии важен для Евросоюза прежде своим географическим положением. С этой точки зрения регион расположен в выгодном, геостратегическом местоположении, где есть большие запасы энергоресурсов и доступность рынка, так же важность региона для ЕС в плоскости обеспечения безопасности.

Таким образом, актуальность данного исследования исходит из необходимости оценить европейский подход и конкретные интересы ЕС в сотрудничестве с Центральной Азией посредством оценки недостатков старой стратегии 2007 г. для Центральной Азии и того, как Евросоюз устранил их в новом документе и какие дальнейшие шаги предполагаются для укрепления позиций Европейского Союза в регионе.

В рамках данной статьи для полного понимания нужды принятия новой стратегии Европейского Союза для Центральной Азии имеет место необходимость рассмотреть первую стратегию ЕС для региона и разобрать ее приоритетные направления, а так же факторы, которые повлияли на претворение этого документа на практику и в целом оценить успешность реализации этой бумаги для последующего сравнения с новой стратегией и оценке того, какие выводы Европейский союз сделал

относительно недостатков старой стратегии 2007 г., какие новшества принес в новый документ, как будет и будет ли проводится «работа над ошибками» и какие новые направления, программы и механизмы возможны в рамках принятого Брюсселем документа.

Стратегия 2007

Первая стратегия «Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства»¹ была принята в 2007 г. после расширения ЕС на восток, когда страны постсоветского пространства оказались непосредственно у его границ.

Цели Евросоюза в регионе, обозначенные в стратегии 2007 г., следующие: обеспечение стабильности и безопасности стран региона; в рамках выполнения «Целей развития тысячелетия» оказание помощи в сокращении бедности и повышению уровня жизни в регионе; содействовать развитию регионального сотрудничества в регионе и между странами региона и самим Евросоюзом (ключевыми сферами сотрудничества были обозначены: энергетика, транспорт, образование и окружающая среда)².

Особенностями первой стратегии Евросоюза были: охват только пяти республик регионов, приоритетными сферами сотрудничества между ЕС и Центральной Азией определены: обеспечение безопасности, верховенства закона, прав человека и эффективного управления, реализацию проектов в сфере образования, интенсификацию инвестиций и торговли, энергетику и транспорт, охрану окружающей среды и водопользование, формирование стабильного межкультурного диалога.

¹ The EU and Central Asia: Strategy for New Partnership. Council of the European Union, Brussels, 31 May 2007. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10113_2007_init_en.pdf

² Штайнмайер Ф.В. Новые основы партнерства: ЕС и Центральная Азия. // Казахстанская правда. 30 июня 2007. - 6 стр.

Цели Евросоюза в регионе были обозначены следующие: обеспечение стабильности и безопасности стран региона; в рамках выполнения «Целей развития тысячелетия» оказание помощи в сокращении бедности и повышению уровня жизни в регионе; содействовать развитию регионального сотрудничества в регионе и между странами региона и самим Европейским Союзом (ключевыми сферами сотрудничества были обозначены: энергетика, транспорт, образование и окружающая среда)¹.

Недостатками данной стратегии можно назвать отсутствие конкретизированных позиций (в стратегии старались охватить все и сразу), не были прописаны какие-то конкретные инструменты реализации поставленных в документе целей и отсутствие непосредственной заинтересованности стран Центральной Азии в инициативах и целях стратегии Евросоюза (складывалась ситуация, когда страны ЦА начинали совместные программы разного характера не для конечной цели получения каких либо изменений в обществе, а для получения материальной помощи). Таким образом, складывалась ситуация, когда при общей привлекательности европейской стратегии для Центральной Азии и активности Евросоюза в этом направлении, её полное воплощение в жизнь не удалось даже притом, что в документ четыре раза вносились поправки и дополнения с целью добиться желаемой эффективности, но инициативы и проекты все так же не имели позитивных результатов.

Тем не менее, нельзя однозначно говорить ни о том, что Стратегия 2007 г. была провальной, но и успешной ее назвать трудно. Главным достижением документа «Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства» можно назвать проведение политических и межведомственных консультаций и диалогов, а так же финансирование проектов Евросоюза в Центральной Азии.

Например, ЕС является финансовым донором программ по содействию развитию в период с 2007 по 2018 гг. примерный объем финансирования составил порядка 2 млрд. евро. Ведущей программой Европейского Союза в регионе являются две программы – «ВОМСА» (содействие регулированию на границах) и «САДАР» (предотвращение распространения наркотических веществ в регионе). Так же в рамках содействия развитию образовательной сферы в регионе в период с 2014-2019 гг. Евросоюз выделил на программу «ERASMUS+» порядка 115 млн. евро.

Стоит сказать о том, что четыре основных направления, что были заявлены в стратегии 2007 г., так же присутствуют в новой стратегии 2019 г. Так одной из главных сфер сотрудничества Евросоюза с регионом Центральной Азии в обеих стратегиях можно назвать энергетическую сферу. К 2019 г. выросла потребность стран ЕС в энергоресурсах, так как с 2007 г. произошло сокращение производства энергетических ресурсов внутри Европейского Союза, в результате чего произошли изменения на европейском нефтяном и газовом рынке. В 2014 г. произошел спад цене на углеводороды по всему миру из – за чего возросла конкуренция между Российской Федерацией, Норвегией и Алжиром, которые были основными поставщиками Евросоюза. Так же в этот период на рынок энергоресурсов Европы зашли США со своим сжиженным газом, который хоть и занимает небольшую долю, однако по заявлению Д. Трампа от 6 июля 2017 г. к 2020 г. планируется увеличение экспорта до 96 млрд. куб. м. Таким образом, перед Европейским Союзом стал перед необходимостью диверсифицировать импорт энергоресурсов², именно поэтому в новой стратегии 2019 г. энергетическая

¹ EU: Ministers Approve Bloc's Central Asia Strategy // Eurasianet.org. – URL: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/pp061807.html>

² Mazneva E., Donahue P., Shiryayevskaya A. Germany, Austria Tell U.S. Not to Interfere in EU Energy // Bloomberg. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-06-15/u-s-toughens-stance-on-russian-gas-as-engie-defends-new-pipe>

сфера сотрудничества была так же выделена как одна из приоритетных.

Не менее важной сферой сотрудничества, которая так же обозначена и в старой, и в новой стратегии Евросоюза по Центральной Азии, является обеспечение безопасности и борьба с терроризмом. В последние 10 лет изменилась ситуация с очагами нестабильности в близлежащих к Центральной Азии регионах, на момент принятия стратегии 2007 г. проблемной точкой был Афганистан, но в последние годы очаг напряженности переместился в Сирию. Оба региона оказались под непосредственной террористической угрозой, потому что именно эти два региона лидируют по показателям присоединения населения к террористическим группировкам. После ряда терактов в странах ЕС, были усилены меры и механизмы по ограничению и контролю над этими процессами, а так как район Центральной Азии находится в непосредственной близости к этим двум странам, он имеет большой потенциал для в этом вопросе для ЕС. В вопросе обеспечения безопасности – большой интерес есть с обеих сторон, так как и Центральная Азия оказалась под сильным влиянием радикального ислама. Таким образом, не только ЕС, но и Центральная Азия имеют заинтересованность в сохранении стабильности в регионе и не допущении возникновения новой точки напряженности или повышения террористической активности в регионе Центральной Азии.

Еще одной сферой пересечения интересов Центральной Азии и Европейского Союза является транспорт и инфраструктура. Как было сказано выше, регион Центральной Азии имеет весьма выгодное расположение, одна из причин чего – транзитный потенциал региона. Центральная Азия, в перспективе, может стать связующим звеном между Евросоюзом и Китаем, который является одним из самых крупных торговых партнеров ЕС. Китай так же, в свою очередь заинтересован в том, что бы использовать транзитный потенциал региона для дальнейшего развития торговли с Европейским Союзом и уже делает первые

шаги в этом направлении (в рамках стратегии «Один пояс, один путь»).

В то же время для самой Центральной Азии развитие этого направления, новые инфраструктурные и транспортные проекты означают расширяющийся доступ на мировые рынки. Так же стоит сказать, что для Европейского союза регион Центральной Азии является огромным рынком сбыта, однако то уровень торговли, который сейчас имеет место быть очень далек от потенциально возможного уровня, который прогнозируется аналитиками, так же есть заинтересованность в развитии инфраструктуры и логистики в Центральной Азии не только у самих государств Евросоюза, но и у европейского бизнеса.

Одним из главных достижений стратегии 2007 г., несмотря на то, что реализовать ее в полной мере так и не удалось, одним из главных её достижений можно назвать то, что она помогла Европейскому Союзу «закрепить» свое присутствие в регионе с помощью ряда реализуемых программ, которые стали своеобразными «метками» присутствия в регионе (например: образовательные программы такие как «ERASMUS+», а так же «BOMCA» и «CADAP», о которых говорилось выше). Однако, к примеру, не был воплощен в жизнь «Проект энергетического коридора», который помог бы связать Евросоюз и Центральную Азию.

Одной из ключевых проблем реализации каких-либо проблем в регионе, в том числе и в рамках стратегий Европейского Союза в Центральной Азии, является набор так называемых «демократических недостатков», которые наблюдаются во всех странах региона, а именно: недостаток демократических реформ, проблемы экономического развития, ущемление прав свободы слова и совести, ущемление прав оппозиции и правозащитников. А в свою очередь, на Европейский Союз оказывается давление со стороны различных правозащитников и правозащитных органов и поэтому налаживание диалогового процесса для Евросоюза затруднено, в виду необходимости соблюдать интересы не только свои и своего партнера, а так же и третьих лиц. Так же на реализацию новых

проектов помощи и развития диалога оказывает влияние то, что в своих внешнеполитических шагах зачастую Евросоюз руководствуется правилом, когда объемы предоставляемой помощи и финансирования и инвестиций прямо пропорционально реализации конкретных демократических реформ и проектов. Так же во внешнеполитической картине мира у Европейского Союза, стоит отметить, имеются более приоритетные направления для налаживания диалога, такие как Ближний Восток, Африка, Кавказ и т.д.

Руководящие органы Евросоюза задумались над пересмотром Стратегии 2007 г. еще в 2016 г., когда была принята «Глобальная стратегия ЕС», что вызвало необходимость скорректировать внешнеполитические действия в соответствии с новым документом и адаптировать их к новым реалиям, где Европейский Союз стремится к укреплению позиций на международной арене и обновлению механизмов взаимодействия с иными участниками международных отношений¹. В таком положении дел Центрально – азиатское направление хоть и не является ключевым, но, тем не менее, представляет большой интерес для ЕС.

Новая стратегия 2019 г. «Евросоюз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства»

В июле 2019 г. в Бишкеке на региональной встрече министров иностранных дел Европейского Союза и Центральной Азии была официально представлена Новая стратегия ЕС по Центральной Азии: «Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства»², которая была принята 15 мая 2019 г. Так же параллельно со встречей министров в Бишкеке прошел первый «Форум ЕС – Центральная Азия» - формат регулярных встреч и совещаний

между представителями двух регионов. Этот формат может стать эффективным механизмом реализации новой стратегии ЕС.

Целью новой стратегии можно назвать формирование более сильного, современного и всеобщего партнерства со странами Центральной Азии для того, чтобы регион развивался как устойчивое, стабильно развивающееся, и тесно взаимосвязанное экономическое и политическое пространство.

Сотрудничество будет основываться на уроках, извлеченных из прошлого опыта взаимодействия ЕС с регионе, учитывая опыт реализации прежней стратегии и включая «Глобальную стратегию внешней политики и политики безопасности Евросоюза», «Новый европейский консенсус по вопросам развития», «Стратегию ЕС по соединению Европы и Азии» и «Стратегию ЕС по Афганистану», а также руководствоваться повесткой дня Организации Объединенных Наций в области «Устойчивого Развития на период до 2030 года».

Важной отличительной чертой новой стратегии должна стать ее однородная структура и эффективность реализации для чего предполагается в рамках реализации документа тщательнее согласовывать политику всех стран внутри Евросоюза и с иными многосторонними институтами, более тщательное контролирование исполнения региональных инициатив, продвигать информационное сопровождение всех инициатив Брюсселя в Центрально – азиатском регионе, так же в новой стратегии Европейский Союз более четко определил собственные национальные интересы как в регионе, так и в целом. Рассматривая планы Европейского Союза, в частности, стоит отметить, что планируется прорабатывать механизмы структурных барьеров на пути региональной торговли и инвестиций, оказывать содействие вступлению стран региона в ВТО (тех, что еще не вступили) и продвигать развитие взаимных связей между странами в отдельности и между странами и международными организациями.

¹ Council Conclusions on the EU strategy for Central Asia. Council of European Union. Brussels, 19 June 2017. 6 p.

² The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. Joint Communication To The European Parliament And The Council. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communicatio_n_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf

Ключевым отличием новой стратегии 2019 г. от старой стратегии 2007 г. можно назвать инвестирование в развитие сферы образования и молодежи. В ниже следующей таблице приведены обозначенные в старой и новой стратегиях ключевые сферы деятельности ЕС в регионе (см. Таблицу 1).

Особое внимание к образованию и программам в культурной и научно –

исследовательских сферах – новый стратегический курс для Евросоюза.

В сравнении со старой стратегией 2007 г. новый документ в основном декларирует усиление поддержки и сотрудничества в уже обозначенных ранее областях (угрозы безопасности, права человека и т. д.), но при этом приоритетом обозначается именно инвестирование в развития образования.

Таблица 1.

Основные различия стратегий 2007 и 2019 гг. в сферах сотрудничества	
Стратегия 2007 г.	Стратегия 2019 г.
Реагирование на угрозы безопасности	Сотрудничество в решении общих проблем безопасности
Охрана прав человека	Продвижение демократии, верховенства закона и прав человека
Содействие экономическому развитию	Расширение партнерства с целью экономических преобразований
Содействие развитию транспортной и энергетической инфраструктуры	Развитие межрегиональной торговли и увеличение инвестирования в регион
Содействие обеспечению охраны окружающей среды	Обеспечение устойчивости к изменениям окружающей среды, климата и водных ресурсов
	Оказание поддержки устойчивому развитию и сотрудничеству
	Повышение инвестирования в инновации, культуру, науку и молодежь

Новая стратегия ЕС по Центральной Азии зиждется на трех дополняющих друг

друга и тесно переплетающихся основных сферах сотрудничества: \

1. «Партнерство в целях устойчивости» - продвижение демократии, защите прав человека и верховенстве закона, решение вопросов миграции. Так же Брюссель намерен продвигать соблюдение принципов Парижского климатического соглашения и усилить работу в направлении решения экологических проблем.	2. «Партнерство ради процветания» - повышение конкурентоспособности регионального бизнеса, создание привлекательной инвестиционной среды, способствование увеличению научного потенциала региона и способствование вступлению в ВТО всех оставшихся стран региона.	3. «Интенсивная совместная работа» - укрепление политического диалога, расширение участия гражданского общества в принятии решений.
---	--	---

В рамках этих трех сфер сотрудничества в новой стратегии ЕС можно выделить несколько ключевых направлений программ поддержки для Центральной Азии: социально – экономическое развитие; распространение правопорядка и правоспособности; расширение сотрудничества посредством интегрированного управления границами; расширение сотрудничества в сфере защиты окружающей среды, энергетики, использования природных и водных ресурсов, а так же в области реагирования на быстропротекающее изменение климата; создание новых рабочих мест для растущего молодого населения региона и создание новых рабочих мест с помощью содействия развитию малых и средних предприятий; борьба с организованной преступностью, торговлей наркотиками и людьми; профилактика и регулирование медицинского аспекта использования и употребление наркотиков; повышение конкурентоспособности региона; содействие региональному обмену деловой средой; расширение межрегиональной торговли и связь этой торговли с глобальной производственно – сбытовой цепочкой⁷.

Разбирая новую стратегию Европейского Союза, можно сделать следующие выводы. Яркой чертой новой стратегии можно назвать стремление Евросоюза наладить то, что в документе обозначено как «non – exclusive partnership» со странами Центральной Азии. Таким образом, ЕС официально предполагает, что его взаимодействие с регионом будет открыто для сотрудничества с третьими партнерами, включая Россию и Китай, но и с другими соседними странами, международными организациями и банками развития. С другой стороны, ЕС дает понять, что не хочет вступать в геополитическую конкуренцию и соперничество с основными акторами в регионе, а вместо этого предпочитает сотрудничать там, где это возможно. Поэтому стоит сделать вывод о том, что Европейский Союз будет не противостоять,

а содействовать региональным инициативам интеграции в регионе, но в рамках своих интересов в Центральной Азии, а так же в границах, заявленных в новой стратегий, положений и приоритетов.

Новая стратегия 2019 г. отражает более точное представление Евросоюза о регионе, его потенциале, его многогранности и ожиданий от будущего партнерства, важности для ЕС и будущих перспективах сотрудничества. В этой связи ЕС многократно заявлял и подтвердил в новом документе, что он уважает национальные стратегии развития, ожидания и интересы каждого из своих партнеров в регионе Центральной Азии и что он будет стремиться к углублению своего взаимодействия и активизации сотрудничества с заинтересованными сторонами для достижения общих целей. ЕС учел в своей новой стратегии предпринятые в некоторых странах шаги по устранению «камней преткновения» (особенно в вопросах прав человека и демократии, недавний ветер перемен в странах Центральной Азии) – в частности в Узбекистане и Казахстане. Уход к программам инициатив и инвестиций в область образования, культуры и науки, как приоритетных сфер сотрудничества между двумя регионами, Евросоюз рассматривает как дополнительную возможность выразить в очередной раз свою приверженность поощрению местной народной демократии (что было «проблемным вопросом» в реализации старой стратегии) и разработать дополнительные общие правила взаимодействия.

⁷ Laumulin M. The EU's Incomplete Strategy for Central Asia//Carnegie Europe. – URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/80470>

Библиографический список

- Boonstra J., Tsertsvadze T.* Implementation and review of the European Union-Central Asia Strategy: Recommendations for EU action. European Parliament Think Tank, 2016. P. 4
- Kilybayeva P., Ibrayeva A., Mametay M.* The EU Strategy For Central Asia – 2019: Goals, Challenges and Prospects // Concorde. 2015. №5. 49 – 53 p.
- Акишев У.У.* Энергетический потенциал и энергетическая инфраструктура республик Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 1. С. 829-845
- Ахмедов Х.Т., Смолик Н.Г.* Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 1 С. 854 – 866
- Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж.* Интеграционный потенциал постсоветского пространства за четверть века: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. №2. С. 52 – 63
- Дубовцев Г.Ф.* Военная интеграция Евросоюза: «милитаризация» или большая ответственность за обеспечение безопасности? // Европейский Союз: десять лет после Маастрихта. - Алматы. - 2002. - С. 14-15.
- Зайцева Е.А.* Вопросы безопасности Центрально – азиатского региона на современном этапе // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 5. С. 1241 – 1249
- Касенов У.Т.* Безопасность Центральной Азии. - Алматы, 1998, - 36-39 стр.
- Малышева Д.Б.* Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. №2. С. 259-272
- Чэн Г., Чэнь Л., Дегтерев Д.А., Чжао Ц.* Значение стратегии «Один пояс, один путь» для Китая и Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 1. №2. С. 77-88
- Экономические аспекты интеграционных процессов: опыт Европейского союза /Под ред. М.С. Ашимбаева. -Алматы: КИСИ, 2003, - 21-22 стр.

Сведение об авторе: Колесникова Лариса Сергеевна, магистр в области международных отношений, РУДН (1032160065@rudn.ru).

References

- Boonstra J., Tsertsvadze T.* Implementation and review of the European Union-Central Asia Strategy: Recommendations for EU action. European Parliament Think Tank, 2016. P. 4
- Kilybayeva P., Ibrayeva A., Mametay M.* The EU Strategy For Central Asia – 2019: Goals, Challenges and Prospects // Concorde. 2015. №5. 49 – 53 p.
- Akischev U.U.* Energeticheskiy potencial i energeticheskaay infrasructura respUBLIC Centralinoy Asii // Politicheskie issledovaniya. 2019. Т. 2. № 1. S. 829-845
- Anmetov H.T., Smolik N.G.* Respublica Uzbekistan v integracionnih issledovaniyah na postsovetском prostranstve // Politicheskie issledovaniya. 2019. Т. 2. № 1 S. 854 – 866
- Grebenchikov S.F., Toktamisov S.J.* Integracionni potencial postsovetского prostranstva za chetvert' veka // Vestnik Rossiiskogo universiteta drujbi narodov. Seria: Istorია Rossii. 2013. №2. S. 52 – 63
- Duborcev G.F.* Voennaya integraciya Evrosouza: “militarizaciya” ili bol'shaya otvetstvennost' za obespechenie bezopasnosti? // Evropeiskii souz: desyat' let posle Maastrichta. – Almati. – 2002. – S. 14-15.
- Zaycev E.A.* Voprosi bezopasnosti Central'no-aziatskogo regiona na sovremennom etape // Politicheskie issledovaniya. 2019. Т. 2. № 5. S. 1241 – 1249
- Kasenov U.T.* Bezopasnost' Central'noy Asii. – Almati, 1998, - 36 – 39 str.
- Malisheva D.B.* Postsovetская Central'naya Asiya i Afganistan kak sphere peresecheniya interesov crupnich asiatskikh sgosudarstv // Vestnik Rossiiskogo universiteta drujbi narodov. Seria:Mezhdunarodnie otnosheniya. 2018. Т. 18. №2. S. 259-272

Chen G., Chen' L., Degterev D.A., Chjao C. Znachenie strategii „Odin poyas – odin put“ , dlya Kitaya i Evrasii // Vestnik Rossiiskogo universiteta drujbi narodov. Seria: Mezdunarodnie otnosheniya. 2019. T. 1. №2. S. 77-88

Ekonomicheskie aspekty integratsionnykh processov: opyt Evropeiskogo souza / Pod red. M.S. Ashimbaeva. – Almati: KISI, 2003, - 21-22 str.

About author: Larisa S. Kolesnikova, Master of International Relations, RUDN University (1032160065@rudn.ru).

Торгово-экономическое сотрудничество Республики Казахстан с КНР и влияние этого на развитие интеграции в формате ЕАЭС

Д.С. Беделадзе, Д.В. Белоусова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается современное положение казахстанско-китайского сотрудничества в области торговли и экономики, а также анализируется их последующее развитие в рамках интеграции Китайской Народной Республики в Евразийский экономический союз. Учитывая тот факт, что Казахстан является членом и основателем экономического союза с 2015 г. - участие Китая в данной экономической организации создает новый виток для взаимодействия между правительствами обеих стран. Помимо этого, важную роль играет и геополитическая близость рассматриваемых государств, поскольку усиление роли КНР на региональном уровне создает благоприятные возможности для реализации двусторонних проектов. При этом стоит отметить усиление взаимодействия в инвестиционном секторе, что с учетом появления такого инструмента как Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций – усиливает сложившуюся кооперацию в экономической среде. Таким образом, описанные изменения позволяют проследить динамику относительно дальнейшего развития торгового сектора, выявить и изучить возможные риски в осуществлении финансового взаимодействия, а также на основе имеющихся данных проанализировать последующие изменения в торгово-экономическом сотрудничестве как рассматриваемых стран в частности, так и на их развитие в рамках ЕАЭС. Причем казахстанское и китайское правительства активно сотрудничают на уровне транснациональных корпораций, что в совокупности с ростом прямых китайских капиталовложений в Евразийский экономический союз создает условия для изучения характера двусторонних связей КНР и Республики Казахстан в экономической среде. В статье рассматривается влияние интеграции Китая в ЕАЭС на ситуацию в казахстанско-китайских отношениях на данный момент и, за счет ориентации на современные процессы - выделяются превентивные риски, которые могут быть отмечены в будущем.

Ключевые слова: ЕАЭС, Казахстан, сотрудничество, КНР, интеграция, экономический сектор, торговля, Один пояс - один путь, ТНК, АБИИ, Шелковый путь

Trade and economic cooperation of the Republic of Kazakhstan with China and its impact on the development of integration in the EAEU format

D.S. Bedeladze, D.V. Belousova

Abstract. The article examines the current situation of Kazakh-Chinese cooperation in the field of trade and economy and analyze their subsequent development in the framework of the integration of China in the Eurasian Economic Union. Given the fact that Kazakhstan has been a member and founder of the economic union since 2015, China's participation in this economic organization creates a new round for interaction between the governments of both countries. In addition, the geopolitical proximity of the states under consideration plays an important role, since the strengthening of the role of China at the regional level creates favorable opportunities for the implementation of bilateral projects. At the same time, it is worth noting the strengthening of cooperation in the investment sector, which, taking into account the emergence of such a tool as the Asian Bank of Infrastructure Investments, strengthens the existing cooperation in the economic field. Thus, the described changes allow us to trace the dynamics regarding the further development of the trade sector, identify and study possible risks in the implementation of financial interaction, and also, on the basis of available data, analyze the subsequent changes in trade and economic cooperation of the countries in particular, and their development in EAEU framework. Moreover, the Kazakh and Chinese governments are actively cooperating at the level of transnational corporations, which, together with the growth of direct Chinese investment in the Eurasian Economic Union, creates conditions for studying the nature of bilateral relations between the PRC and the Republic of Kazakhstan in the economic environment. The article discusses the impact of China's

integration into the EAEU on the situation in Kazakh-Chinese relations now and, by focusing on modern processes, identifies preventive risks that may be noted in the future.

Keywords: EAEU, Kazakhstan, cooperation, China, integration, economic sector, trade, the One belt - one road, TNCs, АІІВ, Silk Road.

Введение

Китайская Народная Республика и Республика Казахстан представляют собой довольно крупных игроков мировой арены, что в связи с близким расположением государств предопределило развитие их отношений в последующие годы. Более того, несмотря на имевшиеся противоречия относительно спорных территорий, торгово-экономическое сотрудничество между государствами наоборот представляется одним из наиболее динамичных и благоприятных. С того момента, как КНР обрела независимость Казахстан стал одним из главных стратегических партнеров страны не только в торговой сфере, но и по совокупному объему инвестиций.

При этом стоит отметить, что несмотря на положительные характеристики, данное партнерство подвергается изменениям в связи с интеграцией Китая в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Более того, особого внимания заслуживает и развитие

российско-казахстанских и российско-китайских отношений, поскольку оба государства представляют собой одних из ключевых партнеров для Российской Федерации и усиление кооперации РК и КНР также серьезно затронет российскую сторону. В связи с этим анализ ситуации на современном этапе позволит более точно определить дальнейший вектор развития данного сотрудничества и предположить, как вступление Китая в ЕАЭС повлияет на российскую экономику.

Текущая ситуация в экономическом и торговом секторах казахстанско-китайского сотрудничества.

Так, по данным Главного таможенного управления КНР 11 сентября 2019 г. Министерство сельского хозяйства РК (МСХ РК) и Главное таможенное управление КНР (ГТУ КНР) подписали несколько протоколов¹ по инспекционным, карантинным и ветеринарно-санитарным требованиям.

Дата	Между кем	Суть протокола
12.11.2019	МСХ РК и ГТУ КНР	Протокол по фитосанитарным требованиям к экспортным партиям пшеничной кормовой муки из Республики Казахстан в Китайскую Народную Республику
01.10.2019	МСХ РК и ГТУ КНР	Протокол об инспекционных, карантинных и ветеринарно-санитарных требованиях к свинине, экспортируемой из Казахстана в Китай
23.09.2019	МСХ РК и ГТУ КНР	Протокол по инспекции, карантину и ветеринарно-санитарным требованиям, предъявляемым к шерстяному сырью, экспортируемому из РК в КНР
23.09.2019	МСХ РК и ГТУ КНР	Протокол о ветеринарно-санитарных требованиях к молочной продукции, экспортируемой из РК в КНР
26.02.2019	МСХ РК и ГТУ КНР	Протокол по инспекционным, карантинным и ветеринарно-санитарным требованиям по утиному мясу, экспортируемому из Китайской Народной Республики в Республику Казахстан

Таблица 1. Документы между МСХ РК и ГТУ КНР за 2019 год по данным МСХ РК.

В том числе и «Протокол общего таможенного управления», которое включает в себя не только требования относительно ряда направлений их экспортной и импортной политик, но и вопросы по усилению

сотрудничества в области защиты прав интеллектуальной собственности, что знаменует собой новый виток развития данной кооперации.

¹ Сайт главного управления таможни КНР. URL: <http://english.customs.gov.cn/search/search> (дата обращения: 08.02.2020).

Более того, анализ данных сайта Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан, показывает, что за 2019 г. между МСХ РК и ГТУ КНР было подписано 5 протокольных документов¹ относительно описанных требований, что больше чем было отмечено за 2018 г.

Помимо этого, на открытии 6-го заседания Казахстанско-китайского делового совета президент Казахстана К.-Ж. Токаев сообщил², что вложения КНР в республику составили около 20 млрд долл. прямых инвестиций, главными из которых выделяются транспортный сектор, инфраструктура, финансовая и страховая деятельность, а также нефтегазовая, строительная и горнодобывающая отрасли. Причем подобная динамика отмечается не только в области инвестиционного партнерства, но и в их внешней торговле. Причем анализ данных за 2019 г. показывает, что товарооборот между данными странами в 2018 г. значительно увеличился. По сравнению с прошлогодними данным товарооборот КНР и РК вырос на

11,4%, составив тем самым 12 млрд долл. США³.

В соответствии с данными Международной торговой статистики ВТО можно отметить следующую тенденцию⁴. Так, несмотря на благоприятные показатели относительно товарооборота, торговый баланс за предыдущие годы оставляет надежду на лучшее. Суть состоит в том, что данные отражают достаточно спорную динамику. Проблема заключается в резком уменьшении торгового баланса на 50%, что говорит о сокращении экспорта и импорта товаров и услуг на момент 2018 г. и то, насколько удачными были шаги обоих государств в преодолении данного вопроса – будут отражать в себе данные последующих годов. Вместе с тем, нельзя говорить об этом как о серьезной проблеме, поскольку торговый баланс не представляет собой всю экономику и указывает лишь на необходимость более комплексного подхода к торговому сектору в казахстанско-китайских отношениях.

	2014	2015	2016	2017	2018
Торговый баланс между КНР и РК	2,968,027	2,592,294	3,487,242	5,185,752	2,797,027

Таблица 2. Данные по торговому балансу между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан (2014-2018 г.)

При этом в соответствии с информацией UN Comtrade Database заметно, что на момент 2018 г. Китай импортировал из Казахстана товаров на сумму 8,5 млн долл., в то время как Казахстан 5,4 млн долл., что отражает благоприятную динамику с позиции внешней торговли обеих стран. Об этом свидетельствует и подписание в ноябре 2019 г.

представителями обеих государств Меморандума о продвижении товаров казахстанского производства в провинции Хубэй.

Действительно, на протяжении последних десятилетий, Китайская Народная Республика стала для Казахстана одним из самых крупных партнеров в области внешней торговли,

¹ База данных документов между МСХ РК и ГТУ КНР на официальном сайте Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан. URL: <https://moa.gov.kz/ru/documents/427> (дата обращения: 08.02.2020)

² Речь президента Казахстана Касым-Жомарт Токаева на открытии 6-ого заседания Казахстанского делового совета на официальном сайте президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-otkrytii-6-go-zasedaniya-kazahstansko-kitaiskogo-delovogo-

<soveta#/upload/annonce/1642333f854788f1833be64a62494b56.JPG> (дата обращения: 07.02.2020)

³ Казахстан и Китай за год нарастили товарооборот на 11% до \$ 12 млрд URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/11/kazahstan-i-kitay-za-god-narastili-tovarooborot-na-11-do-12-mlrd> (дата обращения: 07.02.2020)

⁴ Данные Международной торговой статистики ВТО по торговому балансу между КНР И РК за 2014-2018 г. URL:

https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c398%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 08.02.2020)

поскольку уже к июлю 2019 г. товарооборот уже превысил 8 млрд. долл. Причем стоит отметить, что увеличивается как экспорт, так и импорт, что не могло не отразиться в целом на совокупном объеме продаж. Рассматривая основные направления, представляется очевидным, что для казахстанского экспорта базовыми отраслями торговли являются нефтегазовые продукты, руда и редкоземельные металлы. Не исключением является и сельская продукция, а пшеница стала одной из основных поставляемых в Китай зерновой культурой составив 550 тыс. тонн в прошлом году.

Импорт все же растет не столь быстро по сравнению с данными предыдущего года (на 14,2%). Хотя стоит отметить и то, что импорт из Китая гораздо более диверсифицирован. Так, он в большей степени представлен электронной техникой, строительными материалами, электрооборудованием, трубами и определенными запчастями.

Инфраструктурные инвестиции и их влияние на экономическое сотрудничество РК и КНР.

Но если показатели в торговом сегменте характеризуются достаточно благоприятно, то нельзя исключать сотрудничество РК и КНР в области инфраструктуры и предоставляемые на инфраструктурные проекты инвестиции. Главы государств уже не раз утверждали, что казахстанская программа развития «Нұрлы жол» гармонично сопряжена с китайским проектом «Один пояс, один путь» [Гаспарян 2019: 1280-1291], а уже в апреле 2019 г. Н. Назарбаев подписал договор о реализации 55 проектов для Казахстана на сумму 27,6 млрд долл., в числе которых такие объекты как горно-химико-металлургический комплекс в Жамбылской области, сухой порт в Хоргосе, строительство солнечной, ветровой и ветряной электростанций, модернизация Тургусунской ГЭС-1, реконструкция Шымкентского НПЗ, вхождение Шанхайской фондовой биржи и Фонда Шёлкового пути в МФЦА и другие⁶. Что касается остальных проектов, то в данный момент они находятся на стадии подготовительной работы и требуют дополнительных инвестиций (например, завод

по переработке опасных нефтяных отходов и создание биохимического кластера).

Причем по итогам заседания Китайско-казахстанского делового совета в сентябре 2019 г., инициатива «Один пояс, один путь» была отмечена как одна из важнейших программ в рамках современных отношений обеих стран, в связи с чем сопряжение программ ожидается приоритетным вектором взаимодействия стран на ближайшие 2020-2021 гг. Все это подкрепляется словами К.-Ж. Токаева о привлечении в Казахстан уже более 300 млрд долл. прямых инвестиций, что делает страну лидером по данному показателю во всем центрально-азиатском регионе.

Безусловно, подобная ситуация благоприятно сказывается на финансовом и торговом секторах, позволяя тем самым создать порядка 23 тыс. рабочих мест для граждан Казахстана, в рамках реализации данных проектов [Гаспарян 2019: 1280-1291]. Но несмотря на это, подобное сотрудничество имеет и свои негативные аспекты. Так, заметно, что КНР активно вкладывает собственные денежные и финансовые ресурсы в экономику РК, соответственно увеличивается и доля Китая в Казахстанской экономике увеличивая тем самым активность китайского капитала. В совокупности с предоставлением дешевых кредитов и контролем над рядом нефтегазовых и горнорудных объектов подобная ситуация в значительной степени может поставить РК в зависимое от Китая положение. Причем под вопросом находится и желание Китая минимизировать издержки по поддержанию своего продвижения в Центральной Азии, которое за счет расширения рынка сбыта китайских товаров создает барьеры для Казахстана, не позволяя ему реализовать потенциал в обрабатывающем секторе.

Проблема заключается также в том, что дальнейшая сырьевая направленность экспорта РК создает негативную тенденцию для страны и может привести в дальнейшем к застою национальной экономики страны. Однако подобная ситуация отмечается не только в казахстанско-китайских отношениях, поэтому не удивительно, что несмотря на имеющиеся негативные аспекты, оба

⁶ Что значит Китай для Казахстана? Цифры и факты URL:

https://forbes.kz//process/expertise/chto_znachit_kitay_dlya_kazahstana/? (Дата обращения: 08.02.2020)

государства продолжают активно заключать ряд коммерческих соглашений по новым проектам. При этом подобные проблемы носят вполне объективный характер и осознаются руководством обоих государств. Это хорошо отражается в развитии промышленных производств, что создает условия для эффективной реализации приграничных торговых возможностей и позволяет сократить издержки от расширения осуществляемой торговли [Экономические стратегии ЕАЭС 2018].

Вместе с тем подобное усиление КНР на региональном поле обращает внимание Казахстана на изменение имеющихся механизмов взаимодействия. Это происходит потому что за счет китайской интеграции и усиления страны на международной арене - появляются новые торговые потоки и, желание Казахстана их использовать вынуждает правительство РК пересматривать имеющуюся инвестиционную и торговую политики ради обеспечения больших торговых потоков.

Причем отдельного внимания заслуживает и тот факт, что несмотря на значительное присутствие Китайской Народной Республики в регионе – инвестиции, которые оказывает государство не являются жесткой «долговой ловушкой». В первую очередь торговый оборот, как и экономическое положение Казахстана - зависят от успешной импортной

и экспортной политик, а судя по показателям – взаимные экономическое сотрудничество осуществляется весьма благоприятно для обеих сторон [Зуенко 2018б 118-132]. Более того, подобное увеличение инвестиций прямо отражается и на росте заключаемых с казахстанскими компаниями договоров и меморандумов о сотрудничестве, как на государственном уровне, так и между частными компаниями.

В том числе следует добавить, что инвестиции в инфраструктуру стали одним из ключевых инструментов ведения Китаем внешнеполитической деятельности и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций также отразился на данной кооперации. Помимо того, что в 2015 г. Республика Казахстан официально вступила в АБИИ, 12 декабря 2019 г. АБИИ предоставит долговое финансирование проекта в области энергетики. Сам проект заключается в разработке, строительстве и эксплуатации ветровой электростанции мощностью 100 МВт в Южном Казахстане и при этом, она станет крупнейшей электростанцией подобного типа в центральноазиатском регионе⁷. Дополнительно, по своей сути это первый проект финансируемый АБИИ в Казахстане, что свидетельствует об углублении инвестиционной политики Китая в отношении республики.

PROJECT NAME	BY SECTOR	Kazakhstan
Kazakhstan: Zhanatas 100 MW Wind Power Plant Approval Date: Dec. 12, 2019 READ MORE	SECTOR Energy	REGION Kazakhstan

Рисунок 1. Данные с официального сайта АБИИ по оказанию финансирования проекту в области энергетики в Республике Казахстан

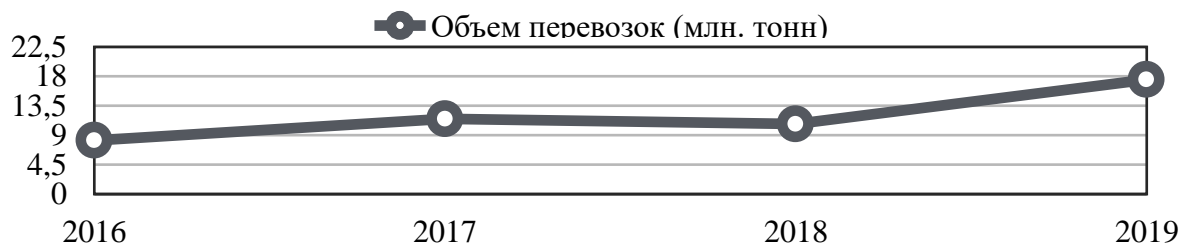
Наконец, стоит отметить и то, что подобное усиление сотрудничества заставляет соседние страны также быть более вовлеченными в осуществление внешнеторговой деятельности как с Казахстаном, так и с Китаем. В первом случае,

страна обладает значимым географическим положением, а активизация страны на геополитической арене, с учетом стабильной кооперации с такими крупными игроками глобального поля, как КНР и Россия – заставляет другие страны углублять свое

⁷ Официальные данные сайта АБИИ по финансированию Казахского энергетического проекта. URL:

https://www.aiib.org/en/projects/approved/2019/_download/kazakhstan/Kazakhstan-100-MW-Zhantatas-Wind-Power-Project.pdf (дата обращения: 04.02.2020)

сотрудничество с республикой ради странам на уровне работы по совместным

удержания своих позиций в рамках изменяющегося баланса сил на региональном уровне [Курьлев, Мартыненко 2018: 1937-1948].

Во-втором случае, КНР уже не первый год отображает стабильный рост относительно экономической динамики. Более того, его вовлеченность в глобальную экономику несмотря даже на такие факторы как «торговая война с США» - вынуждают соседние страны центральноазиатского региона создавать больше торговых и финансовых связей для достижения своих экономических интересов.

Таким образом становится очевидно, что расширение казахстанско-китайской кооперации одновременно в экономическом, торговом и инвестиционном секторах не только способствует взаимному росту обоих государств, но также укрепляет их положение на рынке и коренным образом влияет на экономики соседних стран. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что инвестиционная политика КНР в казахстанские проекты и инфраструктуру, продолжает набирать высокие темпы, но в таком случае остается открытым вопрос - как именно данная кооперация будет развиваться в свете новых событий, а именно – интеграции Китая в Евразийский экономический союз.

Как интеграция Китая в ЕАЭС отразится на сотрудничестве с Казахстаном и Россией.

Безусловно, данный аспект представляется весьма актуальным, поскольку уже 30 мая 2019 г. Парламент Казахстана ратифицировал соглашение о сотрудничестве ЕАЭС с Китайской Народной Республикой.

Как это повлияет? В первую очередь, это прямым образом отразится на инициативе «Один пояс – один путь», которая выгодна вторым в СНГ. Китай является вторым торговым партнером Казахстана в мире.

торговым проектам, а для Казахстана – станет новым витком в казахстанско-китайском сотрудничестве. Причем анализируя то, как Китай предпочитает вести свою деятельность на мировой арене, вряд ли стоит ожидать ослабление сложившегося двустороннего формата между государствами. В условиях сопряжения ЭПШП и «Нурлы мол» разработан ряд индустриальных проектов, а именно 51 проект, по 25 из которых уже подписаны соглашения общей суммой в 23 млрд долларов [Хан Ма 2016: 86-90]. При этом изменения в торговом обороте КНР с другими странами так же не окажет негативного влияния на РК. Скорее наоборот, ситуация показывает, что при развитии инициативы «Один пояс – один путь» положение Казахстана может усилиться одновременно по нескольким направлениям.

В первую очередь, повышается уровень политической координации между Китаем и Казахстаном, а именно степень сопряжения государственных стратегий. Главы государств стран, премьер-министры неоднократно осуществляли взаимные визиты.

Во-вторых, это содействие беспрепятственной торговли, улучшение торгово-экономической структуры. За первые полгода 2019 г. по сравнению с 2018 торговля между странами выросла на 31,2%¹. Объем продаж в Китай составил 4,6 млрд долларов. Стоит отметить, что Казахстан входит в десятку мировых экспортеров высококачественной пшеницы. В 2018 г. Китай импортировал пшеницу, семена подсолнечника и др. сельскохозяйственную продукцию казахстанского производства, общий объем которых превысил 500 тыс. т. Казахстан является первым торговым партнером Китая в Центральной Азии, и

¹ Данные Торговой статистики ООН по экспорту и импорту между КНР и РК. URL:

<https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 07.02.2020)

Также развитие инициативы «Один пояс – один путь» позволяет ускорить и улучшить транспортно-логистическую сеть. На данный момент имеется прямое сообщение между 6-ю городами Китая и Казахстана, 5 постоянных встречных контрольно-пропускных пунктов, 5 трансграничных нефтегазопроводов, 2 трансграничной железнодорожной ветки и 1 международный центр приграничного сотрудничества.

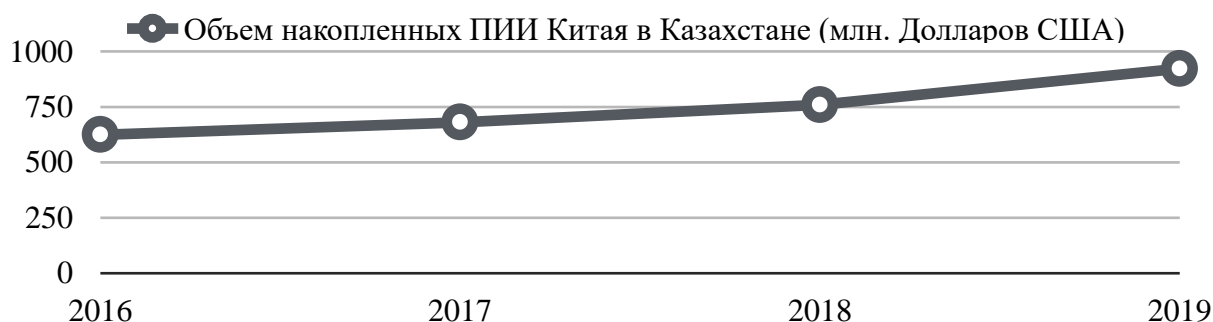
В 2018 г., число прошедших через территорию Казахстана транзитных товарных рейсов из Китая в Европу превысило 1800, что составило более 60% от общего числа в тот же период. Такие транзитные перевозки принесли казахстанской стороне доход в размере 3-х млрд долларов США.

Развитие транспортно-логистической сети позволит Казахстану не только увеличить количество транзитных перевозок, но и позволит стать при этом одним из основных транзитных центров для Китая. С другой стороны, это предполагает строительство новой транспортной инфраструктуры, что благоприятно влияет не только на развитие придорожного бизнеса, но и требует инвестиций, а как показывают реалии инвестиционное сотрудничество стран уже представляет собой одну из крупнейших отраслей их взаимного партнерства. Наконец, договоренности о проектах в рамках

важным элементом представляется сопряжение ряда транспортных стратегий стран ЕАЭС с Экономическим поясом Шелкового Пути, что лишь подтверждает позитивный характер последующего развития казахстанско-китайского сотрудничества.

Вместе с тем под вопрос ставится казахстанско-китайское и казахстанско-российское взаимодействие в экономике, поскольку Казахстан представляет собой одного из важнейших ключевых стратегических игроков как для России, так и для Китая, что прямо приводит к столкновению их торговых интересов [Курылев, Мартыненко 2019: 1937-1948]. Помимо этого, как говорилось выше сопряжение происходит в контексте развития экономической интеграции и двусторонних отношений Казахстана и КНР при сохранении членства Казахстана в ЕАЭС. Помимо этого, переориентирование государств на приоритеты ЭПШП происходит не только на основе укрепления их двусторонних отношений с КНР, но и в формате многосторонних организаций [Сапир, Сидорова 2015: 212-224].

В рамках механизмов сотрудничества Китая со многими странами Россия не обладает возможностью своевременно отслеживать двусторонние и многосторонние. Стоит отметить, что КНР продолжает

ЭПШП, которые могут составить конкуренцию скромным инвестиционным возможностям ЕАЭС. Таким образом, Россия и Казахстан – две «несущие» конструкции ЕАЭС – становятся естественными конкурентами в стремлении выиграть от сопряжения с китайским ЭПШП за счет своего географического положения и дипломатического потенциала [Трокаль 2019: 1078-1084].

наращивать экономическое присутствие в странах ЕАЭС за счет постоянного роста прямых капиталовложений, что способствует большему привлечению инвестиций в производство и инфраструктурную систему, что активно дополняет имеющиеся проекты в рамках казахстанско-китайского двустороннего партнерства. Основными получателями прямых капиталовложений китайских ТНК являются Казахстан и Россия. Львиная доля китайских ПИИ в странах ЕАЭС

традиционно сосредоточена в Казахстане [Экономические стратегии ЕАЭС 2019: Экономические стратегии ЕАЭС].

По итогам 2015 г. объем накопленных ПИИ Китая в Казахстане составил 21 млрд долл. (82% от всех накопленных китайских ПИИ в ЕАЭС). Для китайских компаний, инвестирующих в экономику Казахстана, наиболее привлекательными являются топливный комплекс (добыча нефти и газа), а также транспортировка углеводородов по магистральным трубопроводам. В совокупности данные отрасли привлекли около 98% китайских инвестиций.

Другие секторы казахстанской экономики привлекли незначительный объем инвестиций от китайских ТНК. На финансовый сектор, цветную металлургию и оптовую и розничную торговлю приходится в общей сложности около 1% всего объема накопленных прямых инвестиций Китая в Казахстане. В то же время, стоит отметить, что сопряжение ЕАЭС с

инициативой «Один пояс – один путь» создает определенные риски для Казахстана, в числе которых отсутствие в государстве эффективных программ, которые могут поспособствовать более плавному вхождению Казахстана в новый виток развития инвестиционных и торговых отношений с Китаем. Причем вопрос стоит не только в том, насколько постепенным будет данный процесс, но и в том, насколько успешно Казахстан будет успевать за динамично-развивающимся азиатским соседом.

Практически со всеми экономическими партнерами у Казахстана просматривается улучшение динамики внешней торговли. Если же возвращаться к России, то страна по-прежнему является ведущим торговым партнером Казахстана на международном рынке, несмотря на экономическое сближение республики со странами Европейского союза и Китаем [Курылев, Станис 2015: 13-18].

	2017	2018	2019
За 9 месяцев 2019 года товарооборот России с Казахстаном	11803,7	13 374,8	14 051,1
Экспорт России в Казахстан за 9 месяцев	8529,3	9 448,6	9 967,7
Импорт России из Казахстана за 9 месяцев	3274,4	3 926,2	4 083,3
Доля Казахстана в экспорте России	2,9210 %	2,6717 %	3,2314 %

Таблица 3. Динамика внешней торговли России с Казахстаном в 2017-2019 гг. (млн. долларов)

Таким образом, анализ инвестиционных вложений в совокупности с инициативой «Один пояс – один путь» позволяют улучшить экономические связи Республики Казахстан с КНР. Об этом свидетельствуют позиции государственных лидеров стран, которые неоднократно заявляли, о совместном развитии ЕАЭС, а также о необходимости еще

большого сближения в экономической сфере и поддержания дружеских союзнических отношений, о чем свидетельствуют многочисленные торгово-экономические соглашения, заключаемые между странами. Кроме того, осуществляется поддержка таких отношений на уровне межгосударственных

экономических организаций [Курылев, Рахимов 2016: 88-94].

Наличие данной тенденции свидетельствует о том, что страны представляют друг для друга не только стратегических партнеров, но и ближайших союзников в политической сфере, а их отношения развиваются последовательно и успешно. Российская Федерация и Китайская Народная Республика заинтересованы в развитии добрососедских экономических и политических отношений друг с другом, это создает возможности развития и обеспечения безопасности, роста экономики и благосостояния граждан обеих стран.

Заключение

Рассматривая торгово-экономическое сотрудничество республики Казахстан с КНР, стоит сказать о том, что данное сотрудничество приобретает более динамичный характер. Казахстан и КНР являются важными экономическими партнерами друг для друга, что можно проследить из динамики роста уровня товарооборота стран. Анализ структуры экспорта и импорта стран позволяет судить о степени положительной динамики взаимного обмена между странами. Так можно проследить стремительное увеличение объемов импорта Китаем продукции сельского хозяйства, в особенности пшеницы из Казахстана, и увеличение объемов казахстанского экспорта нефтегазовой продукции.

Немаловажной и прибыльной областью торгово-экономического сотрудничества двух стран остаются транспортные перевозки. Казахстан является главным транзитным государством на пути перевозок товаров из Китая в Европу, что приносит двум государствам хороший доход и благоприятно влияет не только на развитие придорожного бизнеса, но и инвестиционного сотрудничества в целом. Таким образом благодаря совместным усилиям правительств и предприятий двух стран состояние торгово-экономических отношений являются благоприятными.

При этом нельзя исключать и тот факт, что несмотря на благоприятное влияние интеграции КНР в ЕАЭС на казахстанско-китайские отношения, подобное вхождение несет за собой определенные риски. В том числе это отражается на российско-казахстанских и российско-китайских взаимоотношениях. Более того, подобное усиление Китая в еще одном региональном институте создает опасения относительно быстрых темпов роста КНР в глобальной экономике, что в совокупности с рисками сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь» создает для Казахстана и России необходимость проводить свою внешнеполитическую деятельность с оглядкой на своего соседа при условии если оба государства намерены и далее играть ключевые роли в данном сотрудничестве.

Библиографический список

- Гаспарян К.* Участие Казахстана в инициативе Китая «Один пояс-один путь». // Постсоветские исследования. 2019. Т.2. №5. С.1280-1291.
- Зуенко И.Ю.* Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014-2017). // Институт Дальневосточного отделения РАН. 2018. № 1(99). С. 118-132.
- Курылев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Курылев К.П., Рахимов К.Х.* ЕАЭС как новый тип интеграции на пространстве СНГ: проблемы и перспективы развития // Вестник Таджикского национального университета. 2016. №3-6. С. 88-94.
- Курылев К.П., Станис Д.В.* Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы. // Современная наука. 2015. №2. С. 13-18.
- Сапир Е.В., Сидорова Е.А.* О перспективах формирования Евразийской экономики знаний на пространстве евразийского экономического союза. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т.15. №3. С. 212-224.

- Трокаль Т.В.* Основные аспекты современного политико-экономического сотрудничества между Россией и Казахстаном. // Постсоветские исследования. 2019. Т.2. №3. С. 1078-1084.
- Хан Ма.* Концепции «Один пояс-один путь» и «Евразийская интеграция». Краткое содержание концепции «Один пояс – один путь». // Наука и практика Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2016. №3(23). С. 86-90.
- Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции // РУДН. 2018. - 382 с.

Сведения об авторе: Беделадзе Дарья Сергеевна – магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: darya-bedeladze@mail.ru); Белоусова Дарья Витальевна – магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: dariabeloys@yandex.ru).

References

- Gasparyan K.* Uchastie Kazaxstana v iniciative Kitaya «Odin poyas-odin put». // Postsovetskie issledovaniya. 2019. Т.2. №5. S.1280-1291.
- Zuenko I.Yu.* Odin «Poyas», dva puti: vospriyatie kitajskix integracionnyx iniciativ v Rossii i Kazaxstane (2014-2017). // Institut Dalnevostochnogo otdeleniya RAN. 2018. № 1(99). S. 118-132.
- Kurylev K.P.* Marty`nenko E.V, Rossijsko-kitajskoe e`konomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta «odin poyas, odin put». Faktor EAES i ShOS. // Voprosy nacionalnyx i federativnyx otnoshenij. 2019. Т. 9. № 11 (56). S. 1937-1948.
- Kurylev K.P.* *Raximov K.X.* EAES kak novyj tip integracii na prostranstve SNG: problemy i perspektivy razvitiya // Vestnik Tadzhijskogo nacionalnogo universiteta. 2016. №3-6. S. 88-94.
- Kurylev K.P.*, *Stanis D.V.* Process razvitiya evrazijskoj integracii: istoriya, sovremennye problemy i perspektivy. // Sovremennaya nauka. 2015. №2. S. 13-18.
- Sapir E.V.*, *Sidorova E.A.* O perspektivax formirovaniya Evrazijskoj ekonomiki znaniy na prostranstve evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. Т.15. №3. S.212-224.
- Trokal T.V.* Osnovnye aspekty sovremennogo politiko-ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdou Rossiej i Kazaxstanom. // Postsovetskie issledovaniya. 2019. Т.2. №3. S.1078-1084.
- Хан Ма.* Концепции «Один пояс-один путь» и «Евразийская интеграция». Краткое содержание концепции «Один пояс – один путь». // Наука и практика Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2016. №3(23). С. 86-90.
- Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции // РУДН. 2018. - 382 с.

About the author: Bedeladze Daria Sergeevna – Master of International Relations, RUDN University (e-mail: darya-bedeladze@mail.ru); Belousova Daria Vitalevna – Master of International Relations, RUDN University (e-mail: dariabeloys@yandex.ru).

ЗАПАДНЫЙ ФЛАНГ СНГ

Роль и место постсоветского пространства во внешней политике Республики Беларусь: концептуальные основы

А.П. Косов

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Витебск, Беларусь

Аннотация. С момента обретения независимости Республика Беларусь, как и другие страны СНГ и постсоветского пространства в целом, решает чрезвычайно важную и сложную задачу рыночной трансформации своей экономики при одновременном интегрировании в мировое хозяйство. Мировая практика свидетельствует, что по мере вовлечения национально-хозяйственного комплекса в мировую экономику все более важным в выборе экономической стратегии становится внешнее воздействие. В результате государство вынуждено регулировать хозяйственную жизнь внутри страны с учетом процессов, происходящих в мировом хозяйстве. Государственная политика концентрируется на приспособлении национального хозяйства к новой системе международных отношений, которые сегодня функционируют иначе, чем в эпоху биполярности. Слишком много вызовов и проблем, политическая классификация которых затруднена либо невозможна вовсе, осложняют глобальную внешнеполитическую повестку. В этой связи, очевидно, что в одиночку Республике Беларусь будет крайне сложно адаптироваться к указанным процессам. Что же касается внешнеполитических угроз, то наиболее здравым с военно-политической точки зрения представляется сохранение военного сотрудничества с РФ и дальнейшее углубление интеграции в рамках Союзного государства России и Беларуси. Белоруссия относится к разряду сравнительно небольших государств. В составе СССР на долю республики приходилось 1% территории, 3,5% населения и занятых в народном хозяйстве, и 4,4% валового общественного продукта. Несмотря на свои малые размеры, Белоруссия занимает чрезвычайно выгодное географическое положение в центре Европы. Ее территория находится на пересечении железнодорожных и автомобильных магистралей, систем нефте- и газопроводов, систем связи, водных и воздушных транспортных маршрутов между промышленно развитой Западной Европой и богатой природными ресурсами Азией. В условиях значительного ослабления политической и хозяйственной роли России как правопреемницы СССР, а также в связи с активным продвижением НАТО и Евросоюза на восток Белоруссия играет исключительно важную роль в качестве буфера на пути евроатлантических структур, действующих с дальним прицелом в отношении РФ. В рамках данного исследования автор проводит анализ многовекторной внешней политики Беларуси в контексте ее участия в ЕАЭС, Союзном государстве России и Беларуси, в рамках двусторонних отношений между РБ и странами постсоветского пространства.

Ключевые слова: Республика Беларусь, Россия, страны постсоветского пространства, внешняя политика, сотрудничество, геополитика.

The role and place of the post-Soviet space in the foreign policy of the Republic of Belarus: conceptual foundations

A.P. Kosov

Vitebsk State University named after P.M. Masherova
Vitebsk, Belarus

Abstract. Since gaining independence, the Republic of Belarus, like other CIS countries and the post-Soviet space as a whole, has been solving the extremely important and difficult task of market transformation of its economy while integrating into the world economy. World practice shows that as the national economic complex is involved in the global economy, external influence becomes more and more important in choosing an economic strategy. As a result, the state is forced

to regulate economic life within the country, taking into account the processes occurring in the world economy. State policy focuses on adapting the national economy to a new system of international relations, which today operate differently than in the era of bipolarity. Too many challenges and problems, the political classification of which is difficult or impossible at all, complicate the global foreign policy agenda. In this regard, it is obvious that it will be extremely difficult for the Republic of Belarus to adapt to these processes alone. As for foreign policy threats, the most sensible from a military-political point of view seems to be maintaining military cooperation with the Russian Federation and further deepening integration within the Union State of Russia and Belarus. Belarus belongs to the category of relatively small states. In the USSR, the republic accounted for 1% of the territory, 3.5% of the population and employed in the national economy, and 4.4% of the gross social product. Despite its small size, Belarus occupies an extremely advantageous geographical position in the center of Europe. Its territory is located at the intersection of railways and highways, oil and gas pipelines, communication systems, water and air transport routes between industrially developed Western Europe and Asia rich in natural resources. Given the significant weakening of the political and economic role of Russia as the successor of the USSR, as well as in connection with the active advancement of NATO and the European Union to the east, Belarus plays an extremely important role as a buffer on the path of Euro-Atlantic structures operating with a long-term aim towards Russia. In this study the author analyzes the multi-vector foreign policy of Belarus in the context of its participation in the EAEU, the Union State of Russia and Belarus, in the framework of bilateral relations between Belarus and the countries of the former Soviet Union.

Keywords: The Republic of Belarus, Russia, post-Soviet countries, foreign policy, cooperation, geopolitics.

Обретение Республикой Беларусь суверенитета в начале 1990-х гг. поставило перед страной задачу выхода на мировую арену в качестве полноправного субъекта международного права. Уже на конец января 1992 г. Беларусь признали более 70 государств. До конца марта 1992 г. Минск установил дипломатические отношения с 30 государствами. К началу 1993 г. Беларусь признали свыше 100 государств мира, а дипломатические отношения были установлены с более чем 80 странами [Улахович 2009: 78–79]. В связи с этим первоочередной задачей белорусского руководства стала разработка концептуальных основ внешней политики Беларуси. Конституционно-правовой основой белорусской внешней политики стали: Декларация Верховного Совета БССР «О государственном суверенитете БССР» от 27 июля 1990 г.¹, Заявление Верховного Совета Республики Беларусь «О принципах

внешнеполитической деятельности Республики Беларусь» от 2 октября 1991 г.², Конституция Республики Беларусь, принятая 15 марта 1994 г., а затем измененная и дополненная 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.³, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Президентом Республики Беларусь в ноябре 2010 г.⁴ (предыдущие редакции приняты в июле 1995 г. и июле 2001 г.), Военная доктрина Республики Беларусь (Закон Республики

¹ Декларация Вярхоўнага Савета Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі аб дзяржаўным суверэнітэце Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі: Прынята на першай сесіі Вярхоўнага Савета БССР дванацатага склікання 27 ліпеня 1990 г. Мінск: Беларусь, 1990. 23 с.

² О Заявлении Верховного Совета Республики Беларусь «О принципах внешнеполитической деятельности Республики Беларусь»: постановление Верховного Совета Республики Беларусь, 2 окт. 1991 г., № 1114-ХІІ // Ведомости Верховного Совета Республики Беларуси. 1991. № 30. Ст. 528.

³ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея, 2007. 48 с.

⁴ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (Указ Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 [Электронный ресурс] // Минский городской исполнительный комитет. URL: <https://minsk.gov.by/share/2010/12/15/concept.shtml> (дата обращения: 17.03.2018).

Беларусь от 20.07.2016 № 412-3)¹ (предыдущие редакции были приняты в декабре 1992 г. и январе 2002 г.) и другие документы, принятые органами власти Республики Беларусь.

В 1990 г., объявивши о государственном суверенитете, союзные республики стали расширять свои полномочия во внешнеполитической сфере в обход центра. Так, 18 августа 1990 г. был подписан Договор между БССР и РСФСР о политическом, экономическом и культурном сотрудничестве. В декабре 1990 г. начал действовать Договор об основах отношений между Беларусью и Украиной. А в начале 1991 г. Верховный Совет БССР ратифицировал Договор о сотрудничестве между Беларусью и Казахстаном [Беларусь у сацыяльна-эканамічных... 2007: 154–155].

26 сентября 1991 г. министр иностранных дел П.К. Кравченко в своем выступлении на 46-й сессии ГА ООН сформулировал восемь направлений внешней политики Беларуси. Среди основных внешнеполитических приоритетов он назвал взаимодействие с другими союзными республиками в процессе создания единого экономического пространства и нового союза суверенных государств².

Дальше события по дезинтеграции Советского Союза развивались с небывалой скоростью. Как известно, 8 декабря 1991 г. руководители Беларуси, России и Украины в Беловежской пуще договорились об упразднении СССР и создании СНГ. 10 декабря Верховный Совет Республики Беларусь, как и законодательные органы России и Украины, ратифицировал подписанные С.С. Шушкевичем, Б.Н. Ельциным и Л.М. Кравчуком документы. А 21 декабря 1991 г. руководители одиннадцати бывших советских республик в

Алма-Ате подписали протокол о создании СНГ. Однако с самого начала своего создания оно оказалось в перманентном кризисе. Большинство государств-участников сделали все возможное, чтобы ограничить потенциал Содружества, не допустить его трансформацию в наднациональное образование [Беларусь у сацыяльна-эканамічных... 2007: 159]. Многие в руководстве новых независимых государств (ННГ), образовавшихся на постсоветском пространстве, отдавали приоритет сотрудничеству с другими странами мира, а не взаимоотношениям с бывшими «братскими» республиками.

В Беларуси активное участие в обсуждении концептуальных основ внешней политики принимали политические партии и движения Беларуси. Одни партии настаивали на европейском выборе страны, другие – видели перспективу в «восстановлении СССР и тесном сближении с Россией» [Шадурский 2011: 33]. В первой половине 1990-х гг. часть белорусского политического истеблишмента, как и в других ННГ, находясь под влиянием политики «атлантизма», рассчитывала на развитие равноправных отношений с Западом [Беларусь у сацыяльна-эканамічных... 2007: 163]. Например, в 1992–1993 гг. националисты добивались выхода Беларуси из состава СНГ и создания альтернативного Балтийско-Черноморского союза в составе Беларуси, Латвии, Литвы, Украины и Эстонии. В частности, руководитель БНФ З.С. Позняк требовал вывода страны из состава СНГ (в лучшем случае он допускал возможность сохранения ею статуса ассоциированного члена Содружества) и был категорически против сближения с Россией [Тихомиров 2014б: 36]. Свое требование выхода из Содружества националисты, во-первых, мотивировали потенциальной угрозой со стороны России, подверженной имперским амбициям, белорусскому суверенитету. Во-вторых, они утверждали, что союз Беларуси с Российской Федерацией обострит отношения Минска с другими постсоветскими государствами [Тихомиров 2014а: 25].

¹ Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 20 июля 2016 № 412-3 [Электронный ресурс] // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: http://www.mil.by/ru/military_policy/doktrina/ (дата обращения: 17.03.2018).

² Выступление министра иностранных дел П. Кравченко на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Советская Белоруссия. 1991. 5 октября. С. 1.

Однако, несмотря на стремление части белорусской политической элиты сблизиться с Западом, Беларусь не отказалась от пророссийской внешнеполитической ориентации. В первые годы независимости одной из причин этого была неуверенность многих белорусских политиков, находившихся у власти, в том, сможет ли страна существовать самостоятельно. При этом, как отмечал впоследствии П.К. Кравченко, в белорусско-российских отношениях «с самого начала все развивалось неправильно: с другими странами мы выстраивали дипломатические отношения, а здесь... У России до нас руки не доходили, в Беларуси тоже считали: со «своими» как-нибудь разберемся. Москва еще не воспринималась как заграница» [Кравченко 2006: 303]. Правительство В.Ф. Кебича всячески стремилось наладить тесное сотрудничество с Москвой, особенно в торгово-экономической и валютно-финансовой сфере. Сам экс-премьер, вспоминая первую половину 1990-х гг., вполне позитивно оценивает действия России в отношении Беларуси, подчеркивая, что российское руководство всегда шло навстречу Минску. По его словам, республика получала энергоносители по очень низким ценам, а расплачивалась за них с большим опозданием [Кебич 2008: 340]. Имевшиеся неудачи, в частности срыв объединения денежных систем Беларуси и России В.Ф. Кебич объяснил политическими играми элит двух стран [Кебич 2008: 378, 380–386].

Начало нового этапа во внешней политике Беларуси связано с приходом к власти А.Г. Лукашенко. При нем Минск окончательно отказался от политики «атлантизма». В качестве основы внешнеполитического курса все отчетливее стал декларироваться принцип многовекторности, который был впервые официально озвучен А.Г. Лукашенко 19 октября 1996 г. на первом Всебелорусском собрании. Глава белорусского государства отметил: «С учетом нашего геополитического положения единственно эффективной может быть только многовекторная, сбалансированная внешняя политика. Она предполагает в первую

очередь поддержание добрых отношений с соседними государствами» [цит. по: Шадурский 2011: 33].

Одним из первых свидетельств переориентации страны на международной арене стал разработанный еще во второй половине 1994 г. в Министерстве иностранных дел документ «Основные направления внешнеполитической деятельности Республики Беларусь», где ведущим элементом внешнеполитической стратегии назывались отношения с РФ [Улахович 2009: 113]. В целом, в 1994–1998 гг. в МИД Беларуси было разработано несколько проектов концептуальных документов относительно формирования и реализации внешней политики страны, в которых подчеркивалась ключевая роль Беларуси в СНГ, а также говорилось о возобновлении широкомасштабного сотрудничества с Российской Федерацией [Улахович 2009: 123–124].

Обращение к принципу многовекторности во внешней политике Беларуси по времени совпало с активизацией интеграционных процессов с Россией, что привело к созданию Союзного государства (СГ). По справедливому мнению профессора В.Г. Шадурского, ускоренная интеграция с Россией не в полной мере согласовывалась с декларируемым принципом многовекторности. На его взгляд, следование этому принципу предполагало стремление уменьшить зависимость страны от доминирующих центров силы, желание диверсифицировать внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность [Шадурский 2011: 34].

Начавшееся во второй половине 1990-х гг. белорусско-российское сближение, когда Беларусь выступала в качестве «мотора» интеграции, можно охарактеризовать как период романтизма в двусторонних отношениях, связанный с подходами к сотрудничеству А.Г. Лукашенко и Б.Н. Ельцина. Однако приход в Кремль В.В. Путина перевел белорусско-российские отношения на прагматичные рельсы. Он дал понять, что не собирается отказываться от интеграции с Беларусью, но подходы к ней будет выстраивать, исходя из разности

геополитических потенциалов сторон. Другими словами, Москва не была готова последовательно проводить принцип равенства в белорусско-российских отношениях в рамках созданного Союзного государства. Это вынудило руководство Беларуси существенно изменить внешнеполитическую стратегию страны. Поэтому с 2000-х гг. началась поэтапная практическая реализация принципа многовекторности: Минск намного активнее стал развивать отношения с целым рядом стран мира, а в центре внимания оказалась торгово-экономическая составляющая внешней политики. Свидетельством новых внешнеполитических акцентов стали слова М.М. Хвостова, занимавшего в 2001–2003 гг. пост министра иностранных дел, о том, что «...углубление равноправного партнерства с Российской Федерацией – важное, однако отнюдь не единственное направление белорусской внешней политики. Не меньшее внимание мы уделяем укреплению взаимовыгодных отношений с государствами – участниками СНГ, развитию конструктивного взаимодействия с европейскими партнерами и международными организациями...» [Хвостов 2002: 6]. Тем не менее отказываться от тесного сотрудничества с РФ и другими ННГ Минск не собирался. В соответствии с основными положениями «Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг.» внешнеполитическая деятельность страны предусматривала «активную интеграцию Беларуси в мировое сообщество и, прежде всего, интеграцию с Россией и другими странами СНГ, с которыми исторически сложились социально-экономические и культурные связи, а также с государствами дальнего зарубежья» [цит. по: Улахович 2009: 221]. Строительство Союзного государства оставалось одним из внешнеполитических приоритетов Минска¹. О приоритетном значении для Беларуси отношений с Россией и странами

¹ Владимир Макей: Интеграция России и Беларуси нужна нашим странам и народам: [беседа с министром иностранных дел Республики Беларусь / записал Михаил Цылько] // Союзное государство. 2012. № 9/10. С. 10–15.

Содружества неоднократно говорилось в многочисленных заявлениях и выступлениях А.Г. Лукашенко. По его словам, союз с Россией отвечает коренным интересам всего белорусского народа². Единение Беларуси и России – это исторический выбор белорусов [Лукашенко 2006]. А Союзное государство – это «катализатор и своего рода масштабная лаборатория глубокой интеграции». Президент Беларуси даже назвал СГ предметом особой гордости. С его точки зрения: «Интеграционные наработки в рамках Союзного государства позволили разумно и с уверенностью применять их в более широком, многостороннем формате»³. Согласно А.Г. Лукашенко, даже при всех недостатках СГ имеет «очень продвинутую степень интеграции». При этом он признал факт торможения данного проекта, что вызывает к жизни новые интеграционные форматы⁴. Поэтому в 2011 г. Президент Беларуси энергично поддержал идею В.В. Путина по созданию на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС)⁵. В белорусском экспертном сообществе новый интеграционный проект получил неоднозначную оценку. Подавляющее большинство экспертов позитивно восприняло решение создать ЕАЭС, обратив внимание на имеющиеся риски и сложности на пути реализации данного проекта. Например, как подчеркивал профессор О.Г. Буховец из БГЭУ, на успешный процесс постсоветской

² Доклад Президента Республики Беларусь А. Лукашенко на втором Всебелорусском народном собрании // Советская Белоруссия. 2001. 18 мая. С. 3.

³ Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции – статья в газете «Известия» / А. Г. Лукашенко [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <http://www.president.gov.by/press127193.html#doc> (дата обращения: 22.12.2011).

⁴ Лукашенко: при активном развитии ЕЭП проект Союзного государства, может быть, и растворится // Naviny.by. 18.11.2011. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2011/11/18/ic_news_112_380896 (дата обращения: 03.09.2016).

⁵ Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции – статья в газете «Известия» / А. Г. Лукашенко [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <http://www.president.gov.by/press127193.html#doc> (дата обращения: 22.12.2011).

интеграции все больше начинают работать факторы общей истории, сходство менталитета, общие культурно цивилизационные «коды» [Буховец 2012: 25]. Правда, реалии сегодняшнего дня на примере российско-украинских отношений показывают нам, что на постсоветском пространстве все обстоит намного сложнее. Анализируя работу ЕАЭС спустя три года после его создания, эксперты отмечают, что ключевой проблемой Евразийского экономического союза по-прежнему остаются барьеры и изъятия. На сегодняшний день, по мнению экспертов, разное соотношение государственного и частного секторов в экономиках стран-участниц ЕАЭС, а также слабая диверсифицированность экономик создают проблему совмещения интересов и способов их защиты. Поэтому государства-члены

блокируют интеграционные решения, нарушающие статус-кво в важных, с точки зрения занятости населения, доли в ВВП и обеспечения доходной части бюджета, секторах экономики. Для решения имеющихся проблем необходима политическая воля всех государств-членов [Турарбекова, Семак, Довгань 2017: 31].

Прозападные же политические силы и аналитики восприняли идею создания Евразийского экономического союза как очередной этап «имперского экспансионизма» России в регионе, закамуфлированного под идею евразийской интеграции.

Таким образом, Республика Беларусь выступает одним из активных игроков на постсоветском пространстве, ратующим за более тесное сотрудничество ННГ как на двусторонней, так и многосторонней основе.

Библиографический список

- Беларусь у сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных працэсах 1946–2006 гг. / навук. рэд. М.П. Касцюк. Мінск: Беларуская навука, 2007. 215 с.
- Буховец О.Г. Европейская и евразийская интеграция: вчера, сегодня, завтра // Белорусский экономический журнал. 2012. № 2. С. 15–26.
- Кебич В.Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра. Минск: Парадокс, 2008. 480 с.
- Кравченко П.К. Беларусь на распутье, или правда о Беловежском соглашении: записки дипломата и политика. М.: Время, 2006. 456 с.
- Лукашенко А. Единение – это наш исторический выбор // Беларуская думка. 2006. № 2. С. 3–11.
- Тихомиров А.В. Белорусские внешнеполитические приоритеты в контексте участия в интеграционных процессах: взгляды власти и общества // Современные евразийские исследования: научный журнал / под ред. Ю.Г. Голуба. Саратов, 2014. Вып. 1. С. 24–30.
- Тихомиров А.В. Внешняя политика Республики Беларусь в 1991–2011 гг. Минск: Право и экономика, 2014. 278 с.
- Турарбекова Р., Семак Е., Довгань Е. Евразийский экономический союз: интеграция между идеальным и реальным. Экспертный доклад. Минск, 2017. 40 с.
- Улахович В.Е. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2005 гг.). Минск: Харвест, 2009. 352 с.
- Хвостов М. Внешняя политика Республики Беларусь: прагматизм в отстаивании национальных интересов // Беларусь в мире. 2002. № 3. С. 6–12.
- Шадурский В.Г. Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2011) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2011. № 3. С. 31–36.

Сведения об авторе: Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова (email: alekos1979@mail.ru).

References

- Belarus' u sacyyal'n-a-ekanamichnyh i gramadska-palitychnyh pracesah 1946–2006 gg. / navuk. red. M.P. Kaschyuk. Minsk: Belaruskaya navuka, 2007. 215 s.

- Buhovec O.G.* Evropejskaya i evrazijskaya integraciya: vchera, segodnya, zavtra // Belorusskij ekonomicheskij zhurnal. 2012. № 2. S. 15–26.
- Kebich V.F.* Iskushenie vlast'yu: iz zhizni prem'er-ministra. Minsk: Paradoks, 2008. 480 s.
- Kravchenko P.K.* Belarus' na rasput'e, ili pravda o Belovezhskom soglashenii: zapiski diplomata i politika. M.: Vremya, 2006. 456 s.
- Lukashenko A.* Edinenie – eto nash istoricheskij vybor // Belaruskaya dumka. 2006. № 2. S. 3–11.
- Tihomirov A.V.* Belorusskie vneshnepoliticheskie priority v kontekste uchastiya v integracionnyh processah: vzglyady vlasti i obshchestva // Sovremennye evrazijskie issledovaniya: nauchnyj zhurnal / pod red. YU.G. Goluba. Saratov, 2014. Vyp. 1. S. 24–30.
- Tihomirov A.V.* Vneshnyaya politika Respubliki Belarus' v 1991–2011 gg. Minsk: Pravo i ekonomika, 2014. 278 s.
- Turarbekova R., Semak E., Dovgan' E.* Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: integraciya mezhdru ideal'nym i real'nym. Ekspertnyj doklad. Minsk, 2017. 40 s.
- Ulahovich V.E.* Formirovanie osnov vneshnej politiki Respubliki Belarus' (1991–2005 gg.). Minsk: Harvest, 2009. 352 s.
- Hvostov M.* Vneshnyaya politika Respubliki Belarus': pragmatizm v otstaivanii nacional'nyh interesov // Belarus' v mire. 2002. № 3. S. 6–12.
- Shadurskij V.G.* Formirovanie konceptual'nyh osnov vneshnej politiki Respubliki Belarus' (1991–2011) // Vesnik Belaruskaga dzyarzhaj'naga universiteta. Ser. 3, Gistoryya. Filasofiya. Psihologiya. Palitalogiya. Sacyyalogiya. Ekanomika. Prava. 2011. № 3. S. 31–36.

About the author: Kosau Aliaksandr P. – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of Postgraduate Course, Associate Professor of the Department of General History and World Culture, Vitebsk State University after named P.M. Masherov (email: alekos1979@mail.ru).

**Экономическое развитие Донецкой Народной Республики
(конец 2019 – начало 2020 гг.)**

Т.В. Трокаль

Российский Новый Университет (РосНОУ), Москва, Россия

Аннотация. Целью данной статьи является краткий экономический обзор основных сфер промышленности в Донецкой Народной Республике на период конца 2019-начала 2020 гг. В результате вооруженного конфликта на юго-востоке Украины в мае 2014 г. была провозглашена независимость Донецкой Народной Республики. На территории этой, никем не признанной в мире республике, находится большое количество предприятий металлургической, химической, машиностроительной, топливно-энергетической и предприятий других отраслей промышленности. В условиях постоянной угрозы возобновления полномасштабных военных действий в республике со стороны Украины, в условиях непрекращающейся экономической блокады руководству республики приходится решать многочисленные проблемы экономического, социального и юридического характера. В статье приводится краткий исторический обзор начала формирования экономики ДНР, перечисляются ведущие отрасли экономики республики и их основные предприятия, делается общий обзор промышленного развития республики по итогам 2019 г. В статье перечислены основные политико-экономические проблемы, стоящие перед экономикой Донецкой Республики на сегодня и пути их решения. В работе делается вывод, что большую помощь в решении многих экономических проблем республики может оказать Российская Федерация, тем более что Донецкая Республика даже с учетом ущерба от военных разрушений 2014-2015 гг. располагает внушительным промышленным потенциалом, и при условии внешней помощи, инвестирования в реальный сектор экономики имеет шанс активно развиваться. Экономические показатели ДНР за 2019 г., имеющие положительный характер, являются подтверждением данного вывода.

Ключевые слова: Донецкая народная республика, отрасли экономики, угледобывающая промышленность, металлургия, машиностроение, химическая промышленность, топливно-энергетический комплекс, завод, комбинат, промышленный центр, торговля, транспортная сфера, рынок труда, индекс потребительских цен, экономическая блокада.

Economic development of the Donetsk people's Republic (the end of 2019-beginning of 2020)

T.V. Trokal

Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia

Abstract. The purpose of this article is a brief economic overview of the main areas of industry in the Donetsk people's Republic for the period of late 2019-early 2020. As a result of the armed conflict in the South-East of Ukraine, the independence of the Donetsk people's Republic was declared in May 2014. This Republic, which is not recognized by anyone in the world, is home to many metallurgical, chemical, machine-building, fuel and energy enterprises and other industries. In the face of the constant threat of resumption of full-scale military operations in the Republic from Ukraine, in the face of the ongoing economic blockade, the Republic's leadership has to solve numerous problems of an economic, social and legal nature. The article provides a brief historical overview of the beginning of the formation of the DPR economy, lists the leading sectors of the economy of the Republic and their main enterprises, and provides an overview of the industrial development of the Republic by the end of 2019. The article lists the main political and economic problems facing the economy of the Donetsk Republic today and ways to solve them. The work concludes that a great help in solving many economic problems of the Republic could render to the Russian Federation, the more that the Donetsk Republic even with the damage from the ravages of war 2014-2015 has considerable industrial potential, and provided foreign aid and investment in the real sector of the economy has a chance to develop. The DPR's economic indicators for 2019, which are positive, confirm this conclusion.

Keywords: Donetsk people's Republic, economic sectors, coal mining, metallurgy, mechanical engineering, chemical industry, fuel and energy complex, plant, combine, industrial center, trade, transport sector, labor market, consumer price index, economic blockade.

Донецкая народная республика была провозглашена на территории Донецкой области Украины 7 апреля 2014 г. 12 мая 2014 г. была провозглашена её независимость, не признанная до нынешнего момента ни одним государством в мире. В результате активных боевых действий 2014-2015 гг. украинские войска смогли восстановить контроль над значительной частью территории бывшей Донецкой области Украины, и в настоящий момент под контролем ДНР остаются её центральные и южные районы — этот примерно треть первоначальной территории Донецкой области. Для этой территории изначально была характерна довольно высокая степень промышленного развития и урбанизации.

Основные отрасли экономики ДНР — химическая промышленность, добыча угля, металлургия, машиностроение.

Губительное влияние на экономику ДНР оказывают военные действия и постоянные провокации на линии разграничения с Украиной, а также введённая правительством Порошенко в начале 2017 года транспортная блокада, которая привела к разрыву традиционных, установленных ещё во время СССР, экономических, торговых и социальных связей.

В самом начале вооружённого конфликта, в 2014 году был сделан важный шаг по формированию собственной экономики ДНР — были созданы Банк ДНР и Почта Донбасса. В 2015 г. в ДНР появились первый финансовый гос. бюджет и своя собственная налоговая система. В том же году доходы местных бюджетов и установленные республиканским правительством налоги наполнили бюджет республики ДНР на 53%, остальные 47% составила внешняя гуманитарная помощь, в основном из России. В апреле 2015 г., в соответствии с указом главы правительства ДНР А.Захарченко, «Почта Донбасса» и Центральный республиканский банк ДНР приступили к официальным регулярным выплатам пенсий и пособий гражданскому населению.

В сентябре 2015 г., после неудачных попыток правительства ДНР ввести собственную денежную единицу, основной расчётной валютой в республике стал российский рубль. После начала боевых действий в ДНР происходил постепенный переход промышленных предприятий из украинской юрисдикции под юрисдикцию республики. С 1 марта 2017 г. в результате длительной торговой блокады ДНР и ЛНР со стороны Украины в ДНР было введено внешнее республиканское управление на всех промышленных предприятиях, до того работавших на основе украинского экономического и налогового законодательства. С этого момента все поступающие с них налоги стали направляться в бюджет ДНР. Госсектор также играет важную роль в экономике Донецкой республики.

В ДНР в период 2014-2015 гг. сформировались свои собственные органы власти, своя судебная система, была налажена система выдачи собственных документов. В ДНР на сегодняшний момент действует 21 министерство.

В настоящий момент в состав ДНР входят:

- 13 городов республиканского значения;
- 4 района республиканского значения;
- 8 городов районного значения;
- 66 поселков городского типа;
- 360 сельских населенных пунктов.

Основными отраслями экономики Донецкой республики являются:

- металлургия;
- добыча каменного угля и сырья для металлургической промышленности
- коксохимия и химия;
- горное и промышленное машиностроение;
- производство стройматериалов;
- пищевая промышленность.

Города и районы, контролируемые правительством ДНР, до вооружённого конфликта с Украиной обеспечивали примерно 45 % от общего объёма

промышленного производства бывшей Донецкой области.

Основными промышленными центрами в ДНР на сегодняшний момент являются:

- Горловско-Енакиевский промышленный район (туда входят г. Енакиево, Горловка, Кировская, Ждановка);
- Донецкий промышленный центр (туда входят г. Донецк, Макеевка, Харцызск, Ясиноватая);
- Шахтёрско-Снежнянский промышленный район (Торез, Снежное, Шахтёрск);
- Отдельный посёлок городского типа Новый Свет Старобешевского района (там находится крупнейшая в ДНР Старобешевская ГРЭС).

Основные промышленные предприятия республики на конец 2019 г.

Металлургический комплекс республики на сегодняшний момент представлен 21 предприятием, в числе которых наиболее крупные:

1. Торезский завод наплавочных твёрдых сплавов.
2. Харцызский сталепроволочный-канатный завод.
3. Харцызский трубный завод.
4. Юзовский металлургический завод.
5. Донецкий металлургический завод.
6. Енакиевский коксохимпром.
7. Енакиевский металлургический завод.
8. Макеевский металлургический завод.
9. Ясиновский коксохимический завод.

Машиностроительный комплекс республики в настоящий момент представлен 39 предприятиями, в числе которых наиболее крупные:

1. Горловский машиностроительный завод.
2. Горловский энергомеханический завод
3. Донецкий экспериментальный ремонтно-механический завод.
4. Донецкий энергозавод.
5. Донецкгормаш.
6. Донпромкабель.
7. Донецкий электротехнический завод.

8. Донецкий завод «Продмаш».
9. Донецкий завод «Электроисточник».
10. Донецкий филиал ООО «Авиатех».
11. Зуевский энергомеханический завод.
12. Макеевский завод «Факел».
13. Ясиноватский машиностроительный завод.
14. Торезский электротехнический завод и др.

Топливо-энергетический комплекс республики на сегодняшний момент представлен 12 предприятиями, основными из которых являются:

1. Макеевуголь.
2. Зуевская ТЭС.
3. Старобешевская ТЭС
4. Шахта им.А.Ф.Засядько
5. Шахта Комсомолец.
6. Донецкая угольная энергетическая компания.
7. Торезантрацит.

Химический комплекс республики представлен 26 предприятиями, основными из которых являются:

1. Завод «Факел».
2. Концерн «Стирол»
3. Донецкхим
4. Завод «Донпласт».

Промышленность стройматериалов в ДНР в настоящий момент представлена 23 предприятиями, основными из которых являются:

1. Объединение «Цемент Донбасса»
2. Докучаевский флюсо-доломитный комбинат.
3. Донецкий завод стройматериалов.
4. Камнеобрабатывающий завод «Гранит».
5. Строительная компания Донецка.
6. ООО Торезский карьер.

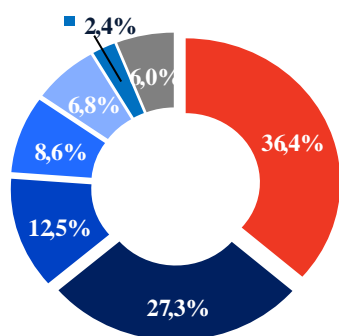
Лёгкая промышленность республики к настоящему моменту представлена 14 предприятиями. Пищевая промышленность представлена 58 предприятиями (Горловский и Енакиевский мясокомбинаты, Еленовский комбинат хлебопродуктов, Амвросиевский хлебозавод, Донецкие комбинаты, Макеевский комбинат детского питания, Ясиноватский хлебозавод и др.).

Необходимо отметить что большая часть предприятий ДНР были созданы на базе предприятий с участием государственного и

частного капитала Украины во время их юридического перехода под внешнее республиканское управление в марте 2017 г. Среди таких предприятий: гос.предприятие «Донецкгормаш», гос.предприятие «Энергия Донбасса», в составе которой Зуевская и Старобешевская ТЭС, гос.предприятие «Силур» и т.д. Ко всему этому привела экономическая блокады Украины.

Общий обзор промышленного развития республики по итогам 2019 г.

В общей структуре реализации промышленной продукции 62% относится к продукции перерабатывающей промышленности, 27,3% – услуги предприятий по поставкам электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха (в том числе 23 % приходится на предприятия по производству, передаче и распределению электроэнергии), примерно 9% – приходится на добывающую промышленность и разработку карьеров (в том числе на добычу каменного угля – 8,6%), 1,7% – на работу предприятий водоснабжения, канализации, предприятий по переработке отходов. По сравнению с 2018 годом доля перерабатывающей промышленности повысилась на 2,2 процентных пункта. Доля поставки электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха уменьшилась на 1,1 процентный пункт. В структуре отраслей перерабатывающей промышленности лидирует металлургическое производство и производство готовых металлических изделий с долей 36,4% в общем объеме реализованных изделий промышленной продукции 12,5% – производство пищевых продуктов, табачных изделий и напитков, 6,8% – производство кокса и широкого ассортимента продуктов нефтепереработки (рис. 1).

По темпам роста объемов реализации перерабатывающей промышленности в 2019 г. в сравнении с 2018 г. в республике лидирует машиностроительная отрасль – в 1,5 раза больше рост чем в 2018 г. (общая доля в структуре реализации продукции за 2019 год составила 36,4%). Произошло также значительное увеличение в текстильном производстве, производстве кожи и изделий из кожи и других материалов – на 22,6%, в производстве резиновых и пластмассовых изделий также значительный рост на 20,2%, в пищевой промышленности рост на 13,6%, в изготовлении изделий из древесины, производстве бумаги и полиграфической деятельности – на 8,3%.

Сфера финансов

В конце октября 2014 г. Министерство финансов ДНР начало регистрацию банков и финансовых организаций на территории республики. Руководство республики проинформировало предпринимателей о необходимости зарегистрироваться в налоговых органах ДНР на правах субъекта предпринимательской деятельности и платить налоги. В начале октября 2014 г. в республике был создан собственный Национальный банк.

В конце ноября 2014 г. глава ДНР А. Захарченко подписал постановление по которому рынки и торговые комплексы Донецка отныне переходили под государственный контроль. Это была необходимая мера для стабилизации экономического положения в республике.

В начале 2015 г. руководством ДНР была осуществлена попытка перехода на бивалютную систему денежных расчетов, с одновременным использованием и украинской денежной единицы (гривны) и российского рубля. Позже руководством республики была предпринята неудачная попытка перейти на собственную денежную единицу

В начале сентября 2015 г. финансовая система ДНР окончательно перешла на расчеты в российской валюте.

Сфера частного предпринимательства

При изучении реестра юридических лиц, работающих в Донецкой Народной Республике, можно прийти к выводу о росте их общего количества с 188 в 2015 г. до 220 в

конце 2019 г. При этом произошёл рост как предприятий с государственной долей собственности (в 2 раза), так и рост предприятий акционированного капитала (на 36 %).

Проводя анализ нормативно-правового регулирования деятельности корпоративного сектора экономики Донбасса, необходимо отметить двойственный характер её отношений. Предприятия, зарегистрированные как юридические лица на территории ДНР, продолжают осуществлять предпринимательскую деятельность как юридические лица и ДНР и Украины одновременно, или как юр. лица ДНР и РФ одновременно. В республике много предприятий имеют статус резидентов Российской Федерации, а реальное место расположения имущественного комплекса – ДНР.

В современных условиях, когда экономика Донецкой Народной Республики (ДНР) начинает возрождаться, а по некоторым отраслям заметен стабильный рост, особое значение приобретает поддержка предпринимательства как ключевого фактора и приоритета социально-экономического развития страны. При этом особая роль отводится развитию малого и среднего предпринимательства, которое может сыграть решающую роль в росте экономики, развитии и модернизации всех отраслей и сфер жизнедеятельности республики.

Внутренняя торговля

По итогам 2019 г. общий товарооборот розничной торговли увеличился на 17,1% (в сопоставимых ценах) по сравнению с 2018 г. Розничный товарооборот предприятий-юридических лиц в 2019 г. увеличился на 15,5% по сравнению с 2018 г. Объем оптового товарооборота предприятий в 2019 г. увеличился на 4,9% в сравнении с 2018 г.

Услуги

Предприятиями, главным видом экономической деятельности которых является предоставление услуг, в 2019 г. было реализовано услуг на 5,5% больше в сравнении с 2018 г. Наибольший удельный вес (43,7%) в общем объеме реализованных услуг приходился на услуги транспортных

предприятий, предприятий складского хозяйства, почтовой и курьерской деятельности. Объем услуг, предоставленных населению в 2019 г. увеличился на 11,7% в сравнении с 2018 годом (36,1%) от общего объема реализованных услуг.

Рынок труда

В 2019 г. индекс реальной заработной платы к 2018 г. составил 109,6%. Средняя заработная плата штатных работников в 2019 г. увеличилась на 17,4%, в том числе в промышленности – рост на 12,1%, в сфере транспорта, складского хозяйства, почтовой и курьерской деятельности – на 12,2%, в сельском, лесном и рыбном хозяйстве рост составил 13,4%, в строительстве – на 14,3%, в сфере оптовой и розничной торговли – на 15,3% в сфере образования - на 29,8%, в здравоохранении – 27,2%. Среднесписочная численность штатных работников в 2019 г. уменьшилась на 1% и составила 350,4 тыс. чел.

Индекс потребительских цен

Индекс потребительских цен в декабре 2019 г. составил 100,3%, за 2019 г. – 104,4%. Индекс потребительских цен на продовольственные товары составил 100,5%, на непродовольственные товары – 99,9%, на услуги – 99,9%. Индекс цен на промышленную продукцию в декабре 2019 года по сравнению с ноябрём 2019 года составил 99%, за 2019 г. в целом – 99,2%.

Транспортная сфера

Автомобильный транспорт является основным видом перевозки грузов. Динамично развивающаяся сфера грузоперевозок, свидетельствует о росте экономической активности. По итогам января 2020 г. автотранспортные предприятия, осуществляющие перевозку грузов на коммерческой основе, перевезли в 1,6 раза больше грузов (88,9 тыс. т) по сравнению с сопоставимым периодом 2019 г., а общий грузооборот транспорта увеличился на 29,5%. Основным фактором, повлиявшим на существенное увеличение объема грузоперевозок в январе 2020 г. стал рост оптового и розничного товарооборота и объема реализованных услуг.

В январе 2020 г. увеличилось количество перевозок:

- пассажирскими автобусами (с учетом перевозок, выполненных физическими лицами предпринимателями) перевезено на 12,8% больше (8,6 млн. пассажиров);
- городским электротранспортом было перевезено на 3% больше пассажиров (6,3 млн. пассажиров), в том числе трамвайным электротранспортом перевезено пассажиров на 30,1% больше;
- троллейбусным электротранспортом перевезено пассажиров на 14% меньше. Пассажирооборот автомобильного транспорта вырос на 5,8% и составил 129,9 млн. пассажиро-км.

Основные экономические проблемы республики ДНР на сегодняшний момент и пути их решения

Перед экономикой ДНР на сегодняшний момент наиболее остро стоят следующие проблемы:

1. Политическая неопределенность со статусом государственности, постоянная попытка уголовного преследования представителей органов власти ДНР со стороны властей Украины, постоянные военные провокации со стороны украинских войск и вооружённых формирований, дипломатическая изоляция.
2. Недостаточно развитая институциональная среда, недостаточная урегулированность отношений собственности предприятий на территории республики (многие из которых зарегистрированы в Украине), постоянная экономическая блокада территории, сложности с импортом сырья и комплектующих для промышленности, сложности и ограничения на экспорт собственной продукции, низкий уровень использования основных производственных фондов, низкий платежеспособный спрос собственного населения и низкая производительность труда.
3. Географическая приближенность наиболее важных с экономической точки зрения предприятий к возможным очагам

военных действий на границах республики.

4. Основные отрасли экономики Донбасса (металлургическая, машиностроительная, топливно-энергетическая, химическая и т.д.) являются ресурсоёмкими и поэтому нуждающимися в больших объемах ресурсов (как материальных, так и финансовых), государственного участия в подготовке квалифицированных производственных кадров, контроля за соблюдением требований экологического законодательства, развития технологий, а также в государственной поддержке и помощи при поиске рынков, сбыта производимой продукции и наличия необходимых объёмов государственных заказов.

Возможные решения данных проблем:

1. Работа с собственниками предприятий по их внедрению в экономику Республики, помощи в развитии внешнеэкономических отношений с РФ.
2. Замена российским рынком продукции части иностранных производителей на продукцию ДНР, техническая помощь предприятий РФ, которая заключается, например, в размещении заказов на машиностроительных и других предприятиях ДНР.
3. Техническая и финансовая помощь со стороны РФ по внедрению на республиканских предприятиях современных технологий управления для производства продукции, конкурентоспособной как на внутреннем рынке ДНР, так и за рубежом.
4. Повышение уровня использования собственных производственных мощностей для объединения с предприятиями РФ.
5. Упрощение режима торговли с РФ, Луганской народной республикой, дальнейшее внедрение в финансово-кредитную систему РФ, расширение возможностей Центрального Республиканского банка ДНР с возможностью передачи функции финансового обслуживания другим государственным банкам республики.

б. Дальнейшее развитие государственных корпораций в ДНР. Особенность развития подобных предприятий позволяет решать серьёзные стратегические задачи.

Экономика Донецкой Народной Республики на сегодня находится в очень сложном состоянии, осложнённом условиями неопределённого политического статуса территории, а также угрозой продолжения активных военных действий со стороны Украины. Развитию экономики ДНР, кроме последствий военных действий, юридических, экономических и

политических противоречий, препятствует критическое нарушение старых связей с Украиной и предприятиями РФ по поставкам источников сырья, поставкам кокса, рынкам сбыта готовой продукции и прочего. Все эти связи должны быть заново сформированы, для чего потребуется полностью изменить принципы работы промышленных предприятий ДНР.

Однако Республика даже с учетом ущерба от разрушений обладает серьёзным промышленным потенциалом, и при условии внешнего инвестирования в реальный сектор экономики имеет шанс активно развиваться.

Библиография

- Ашурков О.А., Кавыришина В.А., Приходченко М.С.* Перспективы формирования государственной регуляторной политики в сфере хозяйственной деятельности в ДНР // Вестник Института Экономических исследований 2019, № 3 (15). С 134-149.
- Половян А.В., Синицына К.И.* Инструмент оценки бизнес-среды Донецкой Народной Республики // Вестник Института Экономических исследований 2019, № 3 (15). С 5-12.
- Хистева Е.В.* Корпоративный сектор экономики Донецкой Народной Республики: состояние и проблемы // Вестник Института Экономических исследований 2019, № 1(13). С 89-94.
- Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / коллектив авторов ГУ «Институт экономических исследований» в рамках сотрудничества с Институтом народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук; под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы; Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики. Государственное учреждение «Институт экономических исследований». – Донецк, 2017. – 84 с.

Сведения об авторе: Трокаль Тарас Владимирович – к.и.н., старший преподаватель колледжа Российского Нового Университета (e-mail: taras142@mail.ru).

References

- Ashurkov O.A., Kavyrshina V.A., Prihodchenko M.S.* Perspektivy formirovaniya gosudarstvennoj regulyatornoj politiki v sfere hozyajstvennoj deyatel'nosti v DNR // Vestnik Instituta Ekonomicheskikh issledovaniy 2019, № 3 (15). S 134-149.
- Polovyan A.V., Sinicyna K.I.* Instrument ocenki biznes-sredy Doneckoj Narodnoj Respubliki // Vestnik Instituta Ekonomicheskikh issledovaniy 2019, № 3 (15). S 5-12.
- Histeva E.V.* Korporativnyj sektor ekonomiki Doneckoj Narodnoj Respubliki: sostoyanie i problemy // Vestnik Instituta Ekonomicheskikh issledovaniy 2019, № 1(13). S 89-94.
- Ekonomika Doneckoj Narodnoj Respubliki: sostoyanie, problemy, puti resheniya: nauchnyj doklad / kolektiv avtorov GU «Institut ekonomicheskikh issledovaniy» v ramkah sotrudnichestva s Institutom narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya Rossijskoj akademii nauk; pod nauch. red. A.V. Polovyana, R.N. Lepy; Ministerstvo obrazovaniya i nauki Doneckoj Narodnoj Respubliki. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Institut ekonomicheskikh issledovaniy». – Doneck, 2017. – 84 s.

Author information: Trokal ' Taras Vladimirovich – Ph.D. in History, senior lecturer of the College of the Russian New University (e-mail: taras142@mail.ru).

Украина во внешней политике Д. Трампа

В.Н. Канарова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен внешнеполитический курс США, а конкретно Дональда Трампа, по отношению к Украине – одному из главных игроков Восточной Европы, от внутреннего положения которого зависит не только расстановка сил и общее положение стран Восточной Европы, но и внешнеполитический курс Соединенных Штатов. После прихода к власти Трампа внешнеполитический вектор по отношению к украинскому государству был изменен и начался все больше изучаться исследователями. В статье проводится контент-анализ основных стратегий Соединенных Штатов за срок президентства Трампа, благодаря которым исследуется важность украинского государства во внешней политике. Также проводится анализ СМИ, в которых Дональд Трамп – нынешний Президент США, резко высказывается об Украине. Автором рассматривается история украинско-американских отношений и нынешнее положение двустороннего сотрудничества. На черед таких событий, как импичмент Трампа, украинский скандал по делу Байдена, победа Зеленского на выборах в Украине и предстоящие выборы Президента в США, носят актуальный характер рассмотрения украинско-американских отношений в векторе внешнеполитического курса Трампа и изучения Украины, как фактора внутривнутриполитической борьбы в США. Современный диалог Трампа и Зеленского находится под пристальным вниманием СМИ, политиков, исследователь и автор не мог не уделить этому конкретное внимание. В заключении автор подводит итоги, акцентируя внимание, на основные изученные тезисы в статье, а именно, важности Украины во внешнеполитической стратегии Дональда Трампа, анализу двустороннего сотрудничества и диалога украинского и американского Президентов, после череды произошедших событий.

Ключевые слова: Украина, США, Д. Трамп, США, выборы, внешняя политика.

Ukraine in the Foreign Policy of D. Trump

V.N. Kanarova

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with US foreign policy, namely Donald Trump, in relation to Ukraine - one of the main players in Eastern Europe, on whose internal position not only the balance of power and the general situation of the countries of Eastern Europe depend, but also the foreign policy of the United States. After Trump came to power, the foreign policy vector in relation to the Ukrainian state was changed and more and more researchers began to study it. The article presents a content analysis of the main strategies of the United States for the term of the presidency of Trump, thanks to which the importance of the Ukrainian state in foreign policy is investigated. It also analyzes the media in which Donald Trump, the current President of the United States, speaks sharply about Ukraine. The author examines the history of Ukrainian-American relations and the current situation of bilateral cooperation. On a series of events such as the impeachment of Trump, the Ukrainian scandal in the Baiden case, Zelenskiy's victory in the elections in Ukraine and the upcoming presidential election in the United States, are relevant in considering Ukrainian-American relations in the foreign policy vector of Trump's and studying Ukraine as a factor in the political struggle in USA. The modern dialogue between Trump and Zelenskiy is under the scrutiny of the media, politicians, the researcher and author could not help but pay concrete attention to this. In conclusion, the author sums up, focusing on the main theses studied in the article, namely, the importance of Ukraine in the foreign policy of D. Trump, the analysis of bilateral cooperation and dialogue between the Ukrainian and American Presidents, after a series of events.

Key words: the Ukraine, USA, D. Trump, US presidential election, foreign policy.

На «феномене-Украина» в большей или меньшей степени строится внешняя политика США в Восточной Европе. От украинского игрока, который стал неустойчивым после «революции достоинства» зависит европейский порядок и устойчивая ситуация во всей Европе. Не станет удивлением то, что Соединенные Штаты хотят сотрудничать с Украиной, ведь это одно из постсоветских государств, которое уже выведено с под «российского крыла». Ведь, «Кто контролирует Украину, тот командует Восточной Европой» [Курьлев 2013: 22].

дипломатических контактов в 1992 г. [Кучеренков 2014: 50].

Начальный этап отношений между странами был не столь конкретный, прослеживались сложности в установлении украинско-американских отношений. На новый этап сотрудничества страны вышли в 1996 г., внедряя американскую публичную дипломатию на просторах Украины.

Слово «Украина» часто было запечатлено в Стратегиях Национальной Безопасности США. Кроме того, с каждым годом интерес США к Украине во внешнеполитическом векторе возрастал: это

Таблица 1.

Контент-анализ стратегий США

Запрос – слово «Украина»		
Исследуемые документы	Частота	Ссылка на документы
1. Стратегия Национальной Безопасности США 2017 г.	1	http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf
2. Стратегия Национальной Безопасности администрации Трампа 2018 г.	1	http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/25d788de-9e45-4c6d-acb6-d4e98f89845c/WP14-2018-GarciaEncina-Trump-Administration-National-Security-Strategy.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=25d788de-9e45-4c6d-acb6-d4e98f89845c
3. Национальная Стратегия Обороны США 2018 г.	2	https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf
4. Национальная Стратегия Разведки США 2019 г.	0	https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/National_Intelligence_Strategy_2019.pdf

История украинско-американских отношений начинается с получения Украины независимости в 1991 г.¹. США после распада СССР были обеспокоены возможным перерождением России, поэтому был выработан курс на сближение с постсоветскими странами для «зачищения» этой идеи в ближайших государствах к РФ.

Сотрудничество между Украиной и США начинается с признания Украины, как самостоятельную ячейку международных отношений и установления

прослеживается в период президентства В. Ющенко и «оранжевой революции», период президентства П. Порошенко и «революции достоинства», а с приходом к власти Дональда Трампа в 2016 г. Украина стала неотъемлемой частью внешнеполитического курса 45 американского Президента.

Был проведен контент-анализ основных стратегий США за период президентства Д. Трампа (которые доступны на оф. сайтах) для исследования места украинского государства во внешнеполитическом курсе США.

Объект исследования – слово «Украина», которое используется или не используется в разных стратегиях США.

¹ Акт проголошення незалежності України [Электронный ресурс] від 24.08.1991, N 38, ст.502 // Сайт Верховна Рада України. – Режим доступа: http://gska2.rada.gov.ua/site/postanova/akt_nz.htm (дата обращения 19.02.2020)

Метод – данное исследование проводилось методом количественного контент-анализа и обрабатывалось с помощью программы Yoshikoder¹.

Единицей анализа в данном исследовании стало – слово.

Результаты исследования: Исходя из проанализированных стратегий США, можно сделать выводы, что Украине уделяется внимание в них, кроме того, в тексте американцы акцентируют внимание на помощи украинскому государству, поддержанию там демократии и устранению российской угрозы. Можно сделать вывод, что внешнеполитический курс Трампа сосредоточен на поддержание демократии в Украине, устраняя распространение российского влияния.

Но стоит и сказать о том, что в последние годы президентства Петра Порошенко, интерес США к Украине упал. Это объясняется неспособностью и нежеланием украинской стороной полноценно осуществлять реформы, выполнять поручения, различные задачи американской стороны, а также из-за невозможности самостоятельно прекратить украинский очаг возгорания конфликта на Донбассе.

Если рассматривать политику Трампа по отношению к новому Президенту Украины – В. Зеленскому, то здесь тоже неоднозначно. Начать, пожалуй, стоит с украинского скандала по делу Байдена, который разгорелся весной 2019 г. Предыстория: для начала стоит отметить, что Байден младший – это сын кандидата в Президенты в США 2020 г. Дж. Байдена. Началось все в 2014 году при предыдущем украинском правительстве, когда сын Дж. Байдена – Хантер, вошел в совет директоров украинской энергетической фирмы Burisma Holdings². Во второй президентский срок Б. Обамы, отношения с Украиной курировал Дж. Байден. После в сети появились

новости, что фирма Burisma Holdings и её совет директоров «отмывают» деньги. В ходе расследования не было найдено достойных доказательств, но дело было передано, в созданное при поддержке США Национальное антикоррупционное бюро Украины³, где его замяли.

После прихода к власти Зеленского на Украине, Трамп настаивал на том, чтобы дело Байдена возобновилось украинскими властями. Адвокат Трампа – Руди Джулиани лично занялся тем, чтобы донести до украинской ветви власти о необходимости провести очередное расследование по делу энергетической фирмы Burisma Holdings. Украинские власти не начинали расследование и не комментировали ситуацию. Далее последовал отмен визита Р. Джулиани в Киев, отзыв американского посла из Киева М. Йованович и обвинения американской стороной о вмешательстве Украины в выборы Президента США в 2016 г. Также было поставлено условие, если Украина не начнет расследование, то Америка приостановит денежный поток⁴ на военную сферу.

Следующим этапом данного конфликта стал разговор Президентов – Трампа и Зеленского, а именно обнародование в СМИ разговора Президентов, в котором Трамп настоятельно просит Зеленского начать расследование деятельности на Украине Х. Байдена. Отец младшего Байдена обвинил Президента США в давлении на Зеленского для получения компромата на его сына. Был начат процесс импичмента Трампа.

По поводу позиции Трампа после обнародования меморандума звонка, подтвердил, что обсуждал с Президентом Украины деятельность Байдена младшего, аргументируя это тем, что: «Мы не хотим, чтобы наши люди, такие как вице-президент

¹ Yoshikoder - программа для проведения контент-анализа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yoshikoder.sourceforge.net> (дата обращения 19.02.2020)

² Vice President Joe Biden's son joins Ukraine gas company [Электронный ресурс] от 14.05.2014 // BBC News. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/blogs-echochambers-27403003> (дата обращения 20.02.2020)

³ О недостатках создаваемого в Украине антикоррупционного бюро [Электронный ресурс] от 15.10.2014. – Режим доступа: <https://daily.rbc.ua/rus/show/o-nedostatkah-sozdavaemogo-v-ukraine-antikorrupsionnogo-15102014154000> (дата обращения 20.02.2020)

⁴ Трамп: США приостановят финансовую помощь Украине [Электронный ресурс] от 24.09.2019 // BFM.RU. -Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/425351> (дата обращения 20.02.2020)

Байден и его сын, создавали коррупцию уже на Украине»¹.

После 31 октября началась процедура по импичменту ² Трампа Палатой представителей Конгресса США. За резолюцию, в которой прописаны правила проведения импичмента, проголосовали 232 человека за и 196 – против. В декабре были проведены финальные дебаты по импичменту, на котором Трампа обвинили по 2 статьям - «злоупотребление властью» и «препятствование расследованию Конгресса»³. Но уже в феврале этого года обвинения были сняты.

После краткого дискурса о не сложившемся импичменте Д. Трампа, хочется проанализировать «теневую политику»⁴ Белого Дома по отношению к Украине. Аргументируется это тем, что Трамп наряду со своим адвокатом Джулиани разрабатывали политику по отношению к Украине, основываясь на трех выборах – выбора Президента в Украине в 2019 г. и выборы Президента в США 2016 и 2020 гг. Когда весь мир гласил о том, что Россия вмешалась в выборы Президента США в 2016 г., Трамп был уверен, что это напрямую связано с Украиной и враждебными для него украинскими силами (ведь если вспомнить, то Украина поддерживала на выборах Хиллари Клинтон от партии Демократов). После череды мыслей

¹ Trump Acknowledges Discussing Biden in Call With Ukrainian Leader [Электронный ресурс] от 22.09.2019 // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/09/22/us/politics/trump-ukraine-biden.html> (дата обращения 20.02.2020)

² Палат представителей поддержала процедуру импичмента Трампа [Электронный ресурс] от 31.0.2019// РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191031/1560456147.html> (дата обращения 21.02.2020)

³ В Палате представителей Конгресса США проходят дебаты по импичменту [Электронный ресурс] от 18.12.2019 // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7375067> (дата обращения 21.02.2019)

⁴ The New York Times рассказало о "теневой внешней политике" Трампа и Джулиани в отношении Украины [Электронный ресурс] от 29.09.2019 // Фокус. – Режим доступа: https://focus.ua/politics/441159-the_new_york_times_rasskazalo_o_tenevoi_vneshnei_politike_trampa_i_dzhuliani_v_otnoshenii_ukrainy (дата обращения 21.02.2020)

Трампа, Президент США настаивал на расследовании дела младшего и старшего Байденов, пропавших писем Клинтон, которые находятся в украинском сервере и заикнулся на заговоре против него украинской стороной.

Смысл «теневой политики»⁵ один – это желание Трампа переизбраться в кресло Президента США ещё на 4 года, осуществив это с помощью Украины. Трамп хотел уговорить Зеленского в начатии расследования дел Байденов, чтобы устранить одного из возможных конкурентов на выборах 2020 – Дж. Байдена. Как говорится «на войне все средства хороши». Итак, что мы видим, а то, что Дональд Трамп – нынешний Президент США просто пытается устранить возможных конкурентов предвыборной гонки 2020. Украина, как считал Трамп, стала бы ему союзником в этом деле, но ход событий пошел явно не так, как ожидали.

В украинско-американских отношениях с приходом Зеленского прослеживается токсичность⁶. Это обосновывается тем, что у американской стороны пропало желание поддерживать «украинский кейс», но Украина никак не может потерять поддержку США. За последние 5 лет Украина стала ведущей темой для американских СМИ, ибо вовлечена во внутривластный скандал США.

И, наконец, хочется рассмотреть личное отношение Д. Трампа к украинскому государству. Проанализировав российские и американские СМИ были найдены не столь ожидаемые отклики Трампа об Украине, как ожидалось.

Так, например, на GORDONUA.COM есть статья, где, по словам Трампа, Украина

⁵ Американский журналист и писатель Майкл Вайс: «Трамп — это симптом того, что происходит во всем мире» [Электронный ресурс] от 13.11.2019 // Громадское. – Режим доступа: <https://hromadske.ua/ru/posts/amerikanskiy-zhurnalists-i-pisatel-majkl-vajs-tramp-eto-simptom-togo-cto-proishodit-vo-vsem-mire> (дата обращения 21.02.2020)

⁶ Перспектива украинско-американских отношений [Электронный ресурс] от 03.09.2019 // Рамблер. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/politics/42768691-o-perspektive-ukrainsko-amerikanskih-otnosheniy/?updated> (дата обращения 21.02.2020)

названа коррумпированной страной¹. В издании «Звезда» говорится о ненависти Трампа к Украине². Американские источники сообщают о том, что американская сторона осознает, что Украина в их «маневре» была слабой и они признают ошибку выбора³.

Чем же объясняется, данная позиция американской стороны и лично Дональда Трампа: наверное, первым моментом можно выделить – расхождение информации от обоих Президентом по поводу «услуги за услугу» - предоставление Киеву военной помощи в обмен на расследование против Х. Байдена. Трамп категорично отрицает, что требовал от Зеленского подобное, но после «украинского скандала», Президент США пересмотрел программу предоставления финансовой помощи Украине, аргументируя это тем, что предоставление помощи будет зависеть от успехов Украины в борьбе с коррупцией.

Второй причиной могло послужить подозрение Трампа о связях украинского государства с предвыборным штабом Х. Клинтон в 2016 г.⁴, чтобы помешать победе Трампа. Исследователи говорят, что данные причины являются неразумными. Также стоит отметить, что Трамп обеспокоен тем, что финансовую помощь в большинстве

Украине оказывают только США, акцентируя на слабом месте в этом ЕС.

Как известно, сейчас США пребывают в начале предвыборной кампании на пост Президента США. От лица республиканцев, скорее всего, на «первую планку» будет баллотироваться Д. Трамп – нынешний Президент США, а вот от партии демократов список кандидатов велик. Анализируя череду событий перед наступившим 2020 г., можно смело сказать, что Украина стала основной фигурой в предвыборной борьбе и устранении конкурентов Трампа.

Как можно прокомментировать ситуацию самой Украины: в одной из статей издательства Cable News Network было сказано так «Зеленский по-прежнему остается президентом, видимо, способным наблюдать, как эта пуля пролетает мимо него»⁵. Можно сказать, что украинское государство ещё не до конца осознало во что было втянуто. Украина стала для США легкой добычей, но которая прошла против американской системы.

Исходя из этого, можно сделать такие выводы: во-первых, как было сказано, США всегда были заинтересованы в украинском игроке международных отношений, ибо Украина стала вратами с одной стороны в Азию, а с другой – в Европу [Курылев 2013: 21]. Сотрудничество и некое влияние американской стороной на Украину очень выгодно Белому Дому. Во-вторых, после прихода Д. Трампа к лидерскому креслу США, внешнеполитический курс с Украиной подвергся изменениям: отмена финансовой помощи, более скоординированный контроль над выполнением каких-либо обязательств данных украинским правительством, например, поддержание демократии и борьба с коррупцией.

В-третьих, хочется отметить само непонятное отношение Трампа к Украине. С одной стороны он желает с помощью

¹ Трамп об Украине: Почему мы должны давать деньги стране, которая известна как коррумпированная? [Электронный ресурс] от 23.11.2019 // GORDONUA.COM. – Режим доступа: <https://gordonua.com/news/politics/tramp-ob-ukraine-pochemu-my-dolzny-davat-dengi-strane-kotoraya-izvestna-kak-korrumpirovannaya-1448143.html> (дата обращения 21.02.2020)

² WP: Трамп ненавидел Украину с первых дней президентства [Электронный ресурс] от 03.11.2019 // Звезда. – Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/2019113_917-fDG7u.html (дата обращения 21.02.2020)

³ Trump's team thought Ukraine was an easy mark. It was a bad miscalculation [Электронный ресурс] от 21.01.2020 // Cable News Network. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2020/01/21/europe/ukraine-trump-zelensky-impeachment-analysis-intl/index.html> (дата обращения 21.02.2020)

⁴ Киев вмешался в выборы Президента США [Электронный ресурс] от 26.04.2019 // Утро.ру. – Режим доступа: <https://utro.ru/politics/2019/04/26/1398419.shtml> (дата обращения 21.02.2020)

⁵ Trump's team thought Ukraine was an easy mark. It was a bad miscalculation [Электронный ресурс] от 21.01.2020 // Cable News Network. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2020/01/21/europe/ukraine-trump-zelensky-impeachment-analysis-intl/index.html> (дата обращения 21.02.2020)

украинского государства помочь себе в устранении соперника на Президентских выборах 2020, а с другой в СМИ можно видеть не столь хорошие комментарии нынешнего Президента США в сторону Украины.

Можно смело сказать, что Украина – важный элемент внешнеполитического

курса США и в отдельности политики Трампа. Но маневры, которые производятся с ней, не всегда носят положительный характер для самих Штатов, ведь Украина – независимое государство, которое желает продвигать и свои интересы на мировой арене.

Библиографический список

- Анашкина Е.Б.* Украина во внешнеполитических интересах США // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2019. - Т. 49. - № 5. - С. 55-67.
- Ибрагимов А.Г.* Украинский кризис в контексте противостояния между Западом и Россией // Журнал «Постсоветские исследования». – 2019. – Т.2. - №2. – С. 1014-1020.
- Курьлев К.П.* Украина в западных геополитических концепциях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2013. №4. С. 20-31.
- Курьлев К.П.* Украина во внешнеполитической стратегии США // Журнал «Постсоветские исследования». - 2018. - Т. 1. - № 3. - С. 251-259.
- Курьлев К.П., Станис Д.В.* Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривнутриполитической нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.
- Кучеренков А.И.* «Многовекторность» внешней политики Украины: декларации и реальное содержание // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – №2. – С. 48-66.
- Пуртова А.В.* Украинский кризис в оценках экспертно-аналитических центров США и ЕС // Журнал «Постсоветские исследования». – 2019. – Т.2. - №5. – С.1340-1346.
- Хлопов О.А.* Украина во внешней политике США // Современное общество и власть. - 2018. - № 1 (15). - С. 48-53.
- Цветкова Н.А.* Дискурс «цветных революций» // Журнал «Постсоветские исследования». – 2019. – Т.2. - №2. – С. 940-950.
- Чмырева В.А.* Украинский кризис в исследованиях «фабрик мысли» США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – №4. – С. 59-69.
- Чмырева В.А.* Анализ внешнеполитической практики США в отношении Украины (2014-2017 гг.) // Современная научная мысль. - 2018. - № 5. - С. 153-160.
- Шабловский В.С.* Отношения России и НАТО в контексте кризиса на Украине // Журнал «Постсоветские исследования». – 2019. – Т.2. - №2. – С. 1032-1041.
- Ширяев Б.А.* Украинский фактор в российско-американских отношениях // Управленческое консультирование. – 2014. – №9. – С. 24-30.

Сведения об авторе: Канарова Виктория Николаевна, магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: 1032165193@rudn.ru).

References

- Anashkina E.B.* Ukraina vo vneshnepoliteskikh interesakh SShA // SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. - 2019. - T. 49. - № 5. - S. 55-67.
- Ibragimov A.G.* Ukrainskii krizis v kontekste protivostoyaniya mezhdru Zapadom i Rossiei // Zhurnal «Postsovetskie issledovaniya». – 2019. – Т.2. -№2. – S. 1014-1020.
- Kurylev K.P.* Ukraina v zapadnykh geopoliticheskikh kontseptsiyakh // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – №4. – S. 20-31.
- Kurylev K.P.* Ukraina vo vneshnepoliteskoi strategii SShA // Zhurnal «Postsovetskie issledovaniya». - 2018. - T. 1. - № 3. - S. 251-259.

- Kurylev K.P., Stanis D.V.* Etnokonfessional'naya situatsiya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoy nestabil'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
- Kucherenkov A.I.* «Mnogovektornost'» vneshnei politiki Ukrainy: deklaratsii i real'noe sodержanie // Problemy natsional'noi strategii. – 2014. – №2. – S. 48-66.
- Purtova A.V.* Ukrainskii krizis v otsenkakh ekspertno-analiticheskikh tsentrov SShA i ES // Zhurnal «Postsovetskie issledovaniya». – 2019. – T.2. - №5. – S.1340-1346.
- Khlopov O.A.* Ukraina vo vneshnei politike SShA // Sovremennoe obshchestvo i vlast'. - 2018. - № 1 (15). - S. 48-53.
- Tsvetkova N.A.* Diskurs «tsvetnykh revolyutsii» // Zhurnal «Postsovetskie issledovaniya». – 2019. – T.2. - №2. – S. 940-950.
- Chmyreva V.A.* Ukrainskii krizis v issledovaniyakh «fabrik mysli» SShA // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – №4. – S. 59-69.
- Chmyreva V.A.* Analiz vneshnepoliticheskoi praktiki SShA v otnoshenii Ukrainy (2014-2017 gg.) // Sovremennaya nauchnaya mysl'. - 2018. - № 5. - S. 153-160.
- Shablovskii V.S.* Otnosheniya Rossii i NATO v kontekste krizisa na Ukraine // Zhurnal «Postsovetskie issledovaniya». – 2019. – T.2. - №2. – S. 1032-1041.
- Shiryayev B.A.* Ukrainskii faktor v rossiisko-amerikanskikh otnosheniyakh // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2014. – №9. – S. 24-30.

About the author: Kanarova V.N., Master of International Relations, RUDN University (e-mail: 1032165193@rudn.ru).

ПРОБА ПЕРА

Вторая пятилетка ЕАЭС: провалы и достижения, новый курс России

В.А. Тимошня

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются предварительные итоги существования Евразийского экономического союза, дается характеристика основным вызовам и угрозам, которые предстают перед странами-участницами объединения. ЕАЭС практически оформился как торговый союз. Пять лет слишком маленький срок для того, чтобы можно было делать однозначные выводы относительно ЕАЭС. Это связано с тем, что организация пошла по экстенсивному пути развития, похожему на путь Европейского союза, который двигался от «союза угля и стали» до полноценной интеграции почти 50 лет. Оппоненты евразийской интеграции утверждали, что ЕАЭС станет протекторатом Москвы, но Евразийская экономическая комиссия оформилась как орган принятия компромиссных решений, которые формируются на основе позиций всех участников. Исходя из политэкономической логики, необходимо переходить на следующий этап и формировать полноценный экономический союз, который потребует уже политической интеграции. ЕАЭС создавался в тот период, когда Россия только начинала втягиваться в противостояние с США, ЕС и Британией. За 5 лет в Москве развеялись иллюзии о том, что санкции отменят и давление ослабнет. Даже наиболее близкий военно-политический союзник России — республика Беларусь — пытается внедрять концепцию «Хельсинки 2» и предлагает себя в качестве «моста между Востоком и Западом». Это приводит к глубокой прагматизации политики России на всех направлениях. В экономике это проявляется в лоббизме национальных интересов, которые выдавливают конкурентов с российского рынка. Таким образом, в статье дается характеристика и возможный сценарий развития событий вокруг России в рамках данного экономического объединения, а именно новая стратегия страны для стабилизации ситуации внутри организации.

Ключевые слова: ЕАЭС, Россия, новый курс, вызовы и угрозы, экономическая интеграция, достижения, неудачи.

The second five-year plan of the EEU: failures and achievements, the new policy of Russia

V.A. Timoshchenya

Abstract. The article examines the preliminary results of the existence of the Eurasian economic Union and describes the main challenges and threats that the member countries of the Union face. The EEU has practically taken shape as a trade Union. Five years is too short a period in order to be able to make definite conclusions regarding the EAEC. This is because the organization has followed an extensive development path like the path of the European Union, which moved from the "Union of coal and steel" to full integration for almost 50 years. Opponents of the Eurasian integration claimed that the EEU would become a protectorate of Moscow, but the Eurasian economic Commission was formed as a body for making compromise decisions, which are formed based on the positions of all participants. Based on political economic logic, it is necessary to move to the next stage and form a full-fledged economic Union, which will require political integration. The EEU was created at a time when Russia was just beginning to get involved in a confrontation with the United States, the EU and Britain. For 5 years, Moscow has dispelled the illusion that the sanctions will be lifted, and the pressure will ease. Even the closest military and political ally of Russia—the Republic of Belarus—is trying to implement the concept of "Helsinki 2" and offers itself as a «bridge between East and West". This leads to a deep pragmatization of Russia's policy in all areas. In the economy, this is manifested in lobbying for national interests, which squeeze competitors out of the Russian market. Thus, the article provides a description and possible scenario for the development of events around Russia within the framework of this economic Association, namely, the country's new strategy for stabilizing the situation within the organization.

Keywords: EEU, Russia, new deal, challenges and threats, economic integration, achievements, failures.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – новичок среди региональных интеграционных объединений. С 2011 г. он действует как Таможенный союз, а с 2015 г. – как экономический союз. Помимо геополитических целей, союз базируется на конкретной долгосрочной экономической повестке дня. В этом контексте ЕАЭС был создан для того, чтобы помочь государствам-членам максимально эффективно использовать внутрирегиональные экономические связи, модернизировать свои национальные экономики и создать условия, способствующие повышению их глобальной конкурентоспособности. Единый рынок товаров, услуг, капитала и рабочей силы лежит в основе Евразийского интеграционного процесса [Vinokurov 2017: 54-70].

ЕАЭС укреплен дополнительной интеграционной инфраструктурой, в том числе судом ЕАЭС, Евразийским Банком развития, Евразийским фондом стабилизации и развития [Осадчая 2017: 13-14].

Создание ЕАЭС стало крупным достижением для его членов после того, как они неоднократно терпели два интеграционных «фальстарта» в 1990-е и 2000-е годы, а именно Таможенный союз 1995 года и идея Единого экономического пространства 2003 года, но им еще предстоит преодолеть множество препятствий [Кинякин 2017: 7-11].

И, хотя, пять лет – слишком маленький срок, чтобы можно было делать однозначные выводы относительно Евразийского союза, однако тенденции развития уже понятны.

Промежуточными достижениями Евразийской интеграции можно считать:

1. Способность к принятию коллегиальных решений. Евразийская экономическая комиссия оформилась как площадка к принятию коллективных решений, которые формируются на основе позиций всех участников¹;

2. Рост товарооборота. Даже удаленные друг от друга республики наращивают обмен товарами и услугами. Это хорошо видно на примере торговых отношений «Беларусь-Казахстан», «Беларусь-Кыргызстан», «Россия-Армения»²;

3. Способность к расширению. Формирование союзного рынка становится все более благоприятным для новых участников. В перспективе можно ожидать расширение в странах Ближнего Востока и Азии³;

4. Кодификацию. Любой союз — это договорённости, зафиксированные в праве. Принятие Таможенного кодекса ЕАЭС стало важным примером того, как национальные интересы сопрягаются с союзными⁴;

5. Промышленную кооперацию. Восстановление полноценных кооперационных связей – главное условие развития союза. Только промышленный капитал заинтересован в прочных экономических связях, в то время как торговый и экономический капиталы рассматривают союзников преимущественно как место извлечения краткосрочной прибыли.

Что касается новых вызовов перед Россией стоит отметить, что за последние пять лет страна приняла вызовы как

¹ В ЕЭК констатируют сближение позиций по стратегии развития евразийской интеграции // Информационное агентство БЕЛТА URL: <https://www.belta.by/economics/view/v-eeek-konstatirujut-sblizhenie-pozitsij-po-strategii-razvitija-evrazijskoj-integratsii-379730-2020/> (дата обращения: 17.02.2020)

² «Нам придется либо ускорять евразийскую интеграцию, либо останавливать ЕАЭС на уровне торгового союза» // Информационно-аналитическое агентство InBusiness.kz URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/nam-pridetsya-libo-uskorjat-ebrazijskuyu-integraciju-libo-ostanavlivat->

eaes-na-urovne-torgovogo-soyuza (дата обращения: 17.02.2020)

³ Международные связи ЕАЭС: основные направления, перспективы и глобальные тренды // Евразийское движение Российской Федерации: Евразийские исследования URL: <http://eurasian-studies.org/archives/11038> (дата обращения: 17.02.2020).

⁴ Таможенный кодекс Евразийского союза // Правовой портал Евразийского экономического союза URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 (дата обращения: 17.02.2020)

минимум в трёх глобальных вызовах США: на Украине, в Сирии и в Венесуэле¹. Во всех случаях союзники заняли наблюдательную или посредническую позицию, что толкает Москву к выводам о невозможности более тесной внешнеполитической интеграции. Это приводит к глубокой прагматизации внешней политики России на всех направлениях. В экономике это проявляется в лоббизме национальных интересов, которые выдавливают конкурентов с российского рынка. Импортозамещение становится приоритетом для внутренних инвестиций, а сферу военно-промышленного комплекса будут ограждать от кооперации с иностранцами, даже из республик союзников.

На уровне конфигурации власти в России наблюдается рост влияния власти Совбеза, как центра принятия внешнеполитических решений и оформление государственного совета как коллегиального органа по вопросам внутренней политики.

Союзники по ЕАЭС, не смотря на нахождение в близкой орбите коммуникации с высшим руководством России, все больше будут находиться в сфере компетенции Совбеза. Такая конфигурация повышает роль силовиков на внешнеполитическом треке, что приведёт к ещё большей прагматизации евразийской интеграции.

Можно прогнозировать, что в ближайшие годы постсоветское пространство будет выделено в отдельное направление внешнеполитической деятельности, которую начнут рассматривать в Москве с точки зрения стратегической безопасности. Не исключено, что национальные элиты будут воспринимать внешнюю политику России как посягательство на национальные интересы и суверенитет. Этот эффект будет усилен с помощью инфраструктуры влияния, которую разворачивают США, Евросоюз и Великобритания во всех без исключения постсоветских республиках, включая саму Россию, которая, впрочем, последние пять

лет активно пытается зачищать иностранных агентов [Рябов 2018: 5-8].

Национальные элиты республик, с одной стороны, находятся в активном диалоге с западом, который выстраивает медийную, политическую лоббистскую инфраструктуру влияния на внутреннюю политику. С другой стороны, испытывают скрытые и не озвученные фобии перед Москвой.

Но так или иначе национальные элиты придерживаются курса многовекторности, но не готовы к полноценным союзным отношениям. Естественно, любой представитель национальных элит будет опасаться действий России, тем более что опасения активно навлекаются с помощью западной инфраструктуры влияния. Поэтому в России сформировалось прагматическое отношение к любым союзам, ведь повторять опыт СССР и нести ответственность за союзное государство, каким бы союзным оно ни было, больше не намерены. Если национальные элиты решат отколоться и перейти в другой внешнеполитический лагерь, как это сделали украинские или грузинские, это будет неприятно для России, но не смертельно.

Кроме того, стоит выделить субъективные и объективные недостатки евразийской интеграции. Во-первых, ключевым недостатком является неспешность евразийской интеграции. Союзники по ЕАЭС не спешат активизировать свою экономическую политику и продолжают извлекать краткосрочные выгоды из ситуации, когда Москва находится под давлением, а республики сохраняют рабочие отношения одновременно с США, ЕАЭС и Великобританией [Холкина 2015: 10]. Однако, в среднесрочной перспективе России придётся ставить союзников перед выбором, поэтому придётся ускорять евразийскую интеграцию, исходя из понимания, что ключевой игрок — Россия.

Следующим острым вопросом является контрабанда и реэкспорт. Доступ на

¹ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова телеканалу «Russia Today», Москва, 25 декабря 2017 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/

/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3007223?fbclid=IwAR12vSRyusexz_6C65ZfRbdiYXkxixox0ezVgrfL4uIYfSgTo5ZNfhZx6Ao (дата обращения: 17.02.2020)

российский рынок и транзит остаются ключевым бонусом для всех участников ЕАЭС. Такая ситуация не может не вызывать обеспокоенность в Москве, которая будет вынуждена либо укреплять собственную границу, что противоречит идее «единого торгового пространства», либо требовать прозрачности на внешних границах союза¹.

Немаловажным также является и социальное измерение союза, а именно проблема неравноправия граждан. Евразийская интеграция не будет полноценной на уровне народов, пока гражданин любой из республик ЕАЭС не будет в праве выбрать свободное место жительства в любой точке союза. В настоящее время гражданин рассматривается преимущественно как рабочая сила и ему гарантируются права на свободное трудоустройство.

Недостатком также является и отсутствие союзного лобби. До тех пор, пока не будут созданы союзные корпорации национальный лоббизм будет превалировать над союзными интересами. Лоббистом союзной интеграции сможет стать только промышленный капитал².

Так как участники ЕАЭС не готовы к созданию союзной валюты и единого эмиссионного центра, то сохраняется зависимость от глобального финансового рынка. Приняв «Вашингтонский консенсус» и правила глобальной торговли, страны таким образом отказались от финансового суверенитета.

Таким образом, Евразийский союз практически оформился как торговый союз и следующий этап – полноценный экономический союз, который потребует уже политической интеграции, однако переходный этап скорее всего замедлится, после того как будут обеспечены прозрачная внутренняя торговля и свободное движение товаров, капиталов и рабочей силы на

повестке дня встанет создание валютного союза, общего эмиссионного центра, либо валюты. Без союзной валюты Россия вряд ли согласится на единый энергетический рынок, иначе торговать стратегически важным сырьем придётся за доллары США, что откроет широкие возможности для реэкспорта и подорвёт существующий базис российской экономической модели. Однако углублению финансовой интеграции будут сопротивляться национальные элиты республик, так как отказ от современной эмиссии будет казаться им утратой независимости³.

Поэтому если за вторую пятилетку в ЕАЭС не возникнет воли по созданию союзного платежного средства, то евразийскую интеграцию может ждать судьба Союзного государств России и Беларуси, которое развивается уже 20 лет. Сегодня условия по свободному движению товаров и капитала между Россией и Беларусью вышли на максимально высокий уровень и Союзное государство находится в кризисе роста перед необходимостью углубления интеграции. Однако ни на единую валюту, ни на союзные органы власти не согласен в первую очередь Минск. Если сохранятся текущие тенденции в отношениях Москвы и Минска, то экономически Союзное государство растворится в Евразийском союзе и останется как декларативное двустороннее объединение и переговорная площадка высокого уровня [Петрович-Белкин, Абдурашитова, Еремин 2019: 5-7].

Если внутри Евразийского союза возникнут двусторонние альянсы с Россией - подобные Союзному государству, — это будет значительный шаг вперёд. Но магистральное движение России к защите национальных интересов, концентрацию капитала, прагматизацию двусторонних отношений уже остановить невозможно.

¹ Реэкспорт, контрабанда или союзнические договоренности? // Ритм Евразии URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2014-09-02--reeksport-kontrabanda-ili-sojuznicheskie-dogovorennosti-14344diYXkxiox0ezVgrfL4uIYfSgTo5ZNfhZx6Ao> (дата обращения: 17.02.2020)

² Почему в Союзном государстве и ЕАЭС случаются конфликты // Евразия Эксперт URL:

<https://eurasia.expert/pochemu-v-soyuznom-gosudarstve-i-eaes-poyavlyayutsya-konflikty/> (дата обращения: 17.02.2020)

³ Почему единой валюты в ЕАЭС не будет // Информационно-аналитическое агентство InBusiness.kz URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/pochemu-edinoj-valyuty-v-eaes-ne-budet> (дата обращения: 17.02.2020).

Никаких иллюзий в Москве больше не испытывают и любое углубление интеграции с союзниками будет исходить из их самоопределения по отношению к новой политике России.

Библиографический список

- Vinokurov E.* Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. Russian Journal of Economics, 2017, №3. С. 54-70.
- Осадчая Г.И.* Евразийский экономический союз: первые итоги интеграционных процессов. Социологический альманах. 2017. №8. С. 13-14.
- Кинякин А.А.* Евразийский экономический союз: в попытке избежать постсоветской интеграционной path dependence. Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. №4. С. 7-11.
- Рябов А.* Постсоветское пространство: факторы и циклы развития. Россия и новый мир, 2018, №1. С. 5-8.
- Холкина А.А.* Преимущества и недостатки вступления стран-участниц в Евразийский экономический союз. Актуальные вопросы экономических наук. 2015. №46. С. 10.
- Болкунец Д.В.* Состояние и особенности российско-белорусского энергетического сотрудничества. Вестник РУДН, серия Международные отношения, 2014, № 4. С. 5.
- Петрович Белкин О.К., Абдурашитова Э.А., Еремин А.А.* Союзное государство России и Беларуси и ЕС: основные проблемы взаимодействия. // Постсоветские исследования, 2019. Т. 2. №8. С. 5-7.

Об авторе: Тимошенко Вячеслав Андреевич – магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: v.timoshchenya@gmail.com).

References

- Vinokurov E.* Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. Russian Journal of Economics, 2017, №3. S. 54-70.
- Osadchaya G.I.* Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: pervye itogi integracionnyh processov. Sociologicheskij al'manah. 2017. №8. S. 13-14.
- Kinyakin A.A.* Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: v popytke izbezhat' postsovetskoj integracionnoj path dependence. Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2017. №4. S. 7-11.
- Ryabov A.* Postsovetskoe prostranstvo: faktory i cikly razvitiya. Rossiya i novyj mir, 2018, №1. S. 5-8.
- Holkina A.A.* Preimushchestva i nedostatki vstupleniya stran-uchastnic v Evrazijskij ekonomicheskij soyuz. Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk. 2015. №46. S. 10.
- Bolkunec D.V.* Sostoyanie i osobennosti rossijsko-belorusskogo energeticheskogo sotrudnichestva. Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014, № 4. S. 5.
- Petrovich Belkin O.K., Abdurashitova E.A., Eremin A.A.* Soyuznoe gosudarstvo Rossii i Belarusi i ES: osnovnye problemy vzaimodejstviya. // Postsovetskie issledovaniya, 2019. T. 2. №8. S. 5-7.

About the author: Tymoshchenya Vyacheslav Andreevich - Master in International Relations, RUDN University (e-mail: v.timoshchenya@gmail.com).

Конфликт интересов на Южном Кавказе

Н. Скворцова, Д. Абазов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. На протяжении всей истории своего существования Южный Кавказ являлся и является одним из стратегически самых важных регионов мира, где сталкиваются интересы как глобальных, так и региональных держав. Особое значение данного региона также связано с тем, что он является заметным и довольно важным в мировой хозяйственной системе. Он способен вносить свой вклад в мировую экономику. Южный Кавказ располагает огромными запасами нефти и природного газа, что делает его довольно влиятельным игроком на мировой арене. Южный Кавказ помимо всего этого является стратегически важной магистралью между Европой и Азией, как по сухопутному коридору, так и по Каспийскому и Черному морям. В статье также рассматриваются роли ключевых стран и держав в поддержании мира в данном регионе, а также показана их роль и влияние на сам регион. Авторами, показано что на сегодняшний день экономическому развитию региона препятствуют сохраняющиеся конфликты, в первую очередь между Грузией, Абхазией и Южной Осетией, а также между Азербайджаном и Арменией. Все это делает данным регион, как одним из самых важных регионов в геоэкономическом плане, также одним из самых напряженных регионов геополитическом плане.

Ключевые слова: Южный Кавказ, регион, экономический, политический, напряженность, безопасность, проект.

Conflict of Interest in the South Caucasus

N. Skvortsova, D. Abazov

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. Throughout the history of its existence, the South Caucasus has been and is one of the most strategically important regions of the world, where the interests of both global and regional powers collide. The special significance of this region is also since it is noticeable and quite important in the world economic system. It can contribute to the world economy. The South Caucasus has huge reserves of oil and natural gas, which makes it quite an influential player on the world stage. In addition to all this, the South Caucasus is a strategically important highway between Europe and Asia, both along the land corridor and along the Caspian and Black seas. The article also examines the roles of key countries and powers in maintaining peace in this region, as well as shows their role and influence on the region itself. The authors show that today the economic development of the region is hindered by ongoing conflicts, primarily between Georgia, Abkhazia and South Ossetia, as well as between Azerbaijan and Armenia. All this makes this region one of the most important regions in geo-economic terms, as well as one of the tensest regions in geo-political terms.

Keywords: South Caucasus, region, economic, political, tension, security, project.

Южный Кавказ расположен на границе Восточной Европы и Юго-Западной Азии. Исходя из географического положения регион являет собой некую балансирующую границу между Западом и Востоком, Севером и Югом. В пределах Закавказья расположены три суверенных развивающихся государства: Грузия, Армения и Азербайджан, которые некогда были составляющими Советского Союза, но уже на протяжении около 30 лет ведут

независимую внешнюю и внутреннюю политику.

Под конец XX в. произошел распад Советского Союза, который повлек за собой появление новых независимых политических единиц. Большой проблемой оказалось определение статуса и государственных границ бывших советских республик: данный процесс сопровождался вооруженными конфликтами тогда, что продолжает политически нагнетать

ситуацию по сей день, ввиду «замороженного» статуса либо умеренности политических элит стран. Взаимные претензии, накопившиеся за годы членства в СССР и после обретения суверенитета, вполне можно считать камнем преткновения для создания единства и углубления отношений на Южном Кавказе.

На тот период времени Россия потеряла свое бывшее влияние на политические процессы в Закавказье, фактически не имея возможности разработать подходы в отношении бывших союзных республик, и в «кавказскую игру» включились другие государства, имеющие свои интересы, обусловленные особенностями региона.

Геополитическая роль.

Геополитическая ценность Южного Кавказа определяется его географическим расположением, из которого проистекают его потенциал и статус в различных геополитических устремлениях великих мировых держав. В направлении «север – юг» он расположен между двумя наиболее подверженными перестройке, хотя и разной направленности, регионами мира. На севере это постсоветское пространство, где происходят изменения, связанные с формированием нового политического пространства, становлением межгосударственных связей.

На юге Южный Кавказ примыкает к региону Большого Ближнего Востока, который, со своими особенностями, аналогичен «пространству» на севере. На Ближнем Востоке также протекают процессы модернизации, что ввиду исторической особенности региона, а также социальной напряженности является на данный момент одной из главных и труднейших задач мирового сообщества. Это «кипящий котел», который оказывает все большее давление по многим направлениям, и, прежде всего, в юго-западном и северном направлениях, на страны Южного Кавказа и Юго-Восточной Европы и уже через них на другие европейские страны [Гаспарян 2009].

Геоэкономическая роль. Южный Кавказ является также заметным регионом в мировой хозяйственной системе. Его экономический потенциал позволяет

утверждать, что в системе мирового хозяйства регион отнюдь не будет являться пассивным потребителем, но способен вносить свой вклад в мировую экономику, мировой научно-производственный потенциал. Геоэкономическая роль региона определяется его энергетической ценностью. Прежде всего, это касается запасов нефти и газа Каспийского региона – Азербайджана на Южном Кавказе, прикаспийских государств Центральной Азии – Казахстана, Туркменистана, а также Узбекистана. Каспийская нефть и газ призваны к тому же обеспечить диверсификацию поставок углеводородов для Европы.

Геостратегическая значимость. Нельзя не отметить также и геостратегическую значимость Южного Кавказа, прежде всего, в связи с реализуемыми проектами и международными инициативами в сфере обеспечения безопасности и экономики. Таким образом республики попадают в сферу интересов региональных и нерегиональных акторов, которые в свою очередь определяют задачи и значимость стран региона в своих глобальных проектах [Гаспарян 2009].

Турция. Турция издавна является важным и влиятельным игроком в борьбе за Южный Кавказ. Благодаря «соседству» со странами с большими запасами нефти (3/4 от мировых запасов), она заявляет о себе, как о региональном центре энергетики и на первых порах во внешней политике делает акцент на энергетической дипломатии. Доказательством достижения поставленной цели служит ввод в эксплуатацию нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, который позволяет транспортировать каспийскую нефть в турецкий порт, а оттуда та уже поступает в Европу [Офлаз 2013: 5].

Если Турция присоединится к единому рынку ЕС, то это расширяет возможности России. Для России это выгодно тем, что это исключит возможность радикализации турецкого ислама и усиления его влияния вблизи российских границ. Помимо этого, Европейский союз не допустит укрепления позиций националистов. Все это очень положительно скажется на интересах России. Но, нужно учитывать и то, что

дальнейшее сближение Турции с ЕС может очень сильно повлиять на весь Южно-Кавказский регион, закрепляя его все большую оторванность от России и поддерживаемых ею интеграционных проектов. Конечно же Турция получит возможность укрепить свои позиции в Закавказье, а это очень важный шаг на пути к лидерству в регионе. Участие Турции как важного члена НАТО, в европейской политике в области безопасности и обороны, при стремлении России создать единое политико-экономическое пространство в виде ЕАЭС, отвечает интересам российского государства, поскольку создает дополнительные условия для российско-турецкого сотрудничества [Гаджиев 2012: 52-53].

Следующим шагом к укреплению позиций в роли регионального центра энергетики стал трубопровод Баку — Тбилиси — Эрзерум, вошедший в эксплуатацию с 2007 года¹. Так по сообщению государственной трубопроводной компании Турция увеличила импортно-экспортные операции газа, и в доказательство приведено сравнение периода 2017-2018 гг., где ясно видно, что было произведено 2 850 828 000 т нефти в соотношении с 2 551 929 000 т в 2017 г.² Но это лишь экономические интересы Турции, а ведь имеют место быть и стратегические - стремления создать политический союз тюркоязычных государств и идеи пантюркизма, которые в определенной степени определяют и экономические стремления Турции [Сафонкина 2014].

Исламская Республика Иран. Иранская вовлеченность в региональные процессы на Кавказе связана с четырьмя основными опциями: это углубление связей с Арменией, попытки повлиять на ситуацию в Азербайджане, выстраивание

прагматичных отношений с Россией и, по возможности, снижение её роли в регионе Южного Кавказа, а также выдавливание турецкого влияния³.

Последний вектор находит понимание в Москве, где воспринимают политику Эрдогана и ПСР на Кавказе — от «тихой» исламизации до пантюркистских амбиций, - угрозой российским интересам. Существует убеждение, распространенное в американской геополитической школе, что основой иранского могущества является контроль над стратегически важными географическими объектами. В посвящённой Ирану публикации аналитического центра Стратфор говорится, что геополитическими императивами для него являются:

1. Контроль над горными цепями Загрос и Эльбрус, которые охраняют иранский Хартленд с Запада и Севера
2. Контроль над восточной границей до побережья
3. Защита западного побережья Персидского залива;
4. Контроль над различными религиозными и этническими элементами;
5. Создание режима безопасности от потенциальных угроз извне региона, которые могут представлять другие крупные силы⁴.

Европейский Союз и США. Американский геополитик Збигнев Бжезинский утверждал, если Европа и США не предпримут мер для диверсификации доступа к энергии, Европа окажется политически уязвимой. Вот почему Западу необходим доступ к энергоресурсам Каспийского региона, а также Центральной Азии.

Евросоюз, как и остальные «игроки», крайне заинтересован в энергоресурсном потенциале Южного Кавказа. Суть вещей

¹ Южно Кавказский газопровод (ЮКТ), Баку - Тбилиси - Эрзурум. URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/transportirovka-i-khranenie/142156-yuzhno-kavkazskiy-gazoprovod-yukt-baku-tbilisi-erzurum/> (дата обращения: 10.03.2020)

² Turkey: Crude Oil Production. <https://www.ceicdata.com/en/turkey/energy-statistics-crude-oil-production-supply-and-trade/crude-oil-production> (Accessed: 10.03.20)

³ Bulent Aliriza, Jon B. Alterman, Andrew C. Kuchins. The Turkey, Russia, Iran Nexus driving forces and strategies. CSIS, March 2013. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/130318_Flanagan_TurkeyRussiaIran_web.pdf (Accessed: 10.03.20)

⁴ The Geopolitics of Iran: Holding the Center of a Mountain Fortress. Stratfor, December 16, 2011 URL: <https://worldview.stratfor.com/article/geopolitics-iran-holding-center-mountain-fortress> (Accessed: 10.03.2020)

состоит в том, что энергетическая зависимость является сдерживающим фактором в принятии политических решений, следовательно, развязкой этой проблемы может стать альтернативный источник ресурсов [Сэйнсбери 2016]. С распадом Советского Союза и образованием новых республик у Запада появилась альтернатива в качестве стран Центральной Азии и Южного Кавказа. ЕС активно финансировал и поддерживал проекты постройки трубопроводов Баку -Тбилиси-Джейхан, Баку-Тбилиси-Эрзрум и строительство Транскаспийского газопровода NABUCCO. Для большей привлекательности перспективы партнёрства, помимо энергетических и транзитных проектов, финансировались проекты по демократизации, социальные и образовательные инициативы.

Задачей геополитического уровня для Запада и США является создание и обеспечение надежной работы евразийского транспортного коридора, главной составной частью которого должен стать энергетический коридор. Обеспечив его функционирование, США могут решить с выгодой для нефтепотребляющих стран Запада, и, прежде всего, для себя, сразу несколько важных задач как геоэкономического, так и геополитического характера¹. Среди экономических задач упоминаются:

- диверсификация источников экспорта энергоносителей
- снятие актуальности проблем обеспечения энергобезопасности для западных стран-потребителей
- уменьшение зависимости от ближневосточной нефти
- облегчение поставок каспийской нефти на международный рынок
- Что же касается политических, то они следующие:
- ослабление связей России с нефтегазодобывающими странами

региона, предоставив им маршруты транспортировки энергоресурсов в обход России

- направление нефтегазовых потоков в обход Ирана
- ослабить собственную энергетическую зависимость от поставок нефтересурсов из Саудовской Аравии, тем самым получить на руки козырь в нефтяной игре с Эр-Риядом
- усилить позиции ключевого транзитёра каспийских углеводородов и своего регионального союзника – Турции. [Brzezinski 1997]

Российская Федерация. Россия тесно связана со странами региона давними историческими, экономическими, культурными узами. Вполне правомерно говорить о жизненно важных для России интересах на Южном Кавказе. Но вместе с тем надо отметить, что у Москвы как не было, так и нет цельной, рассчитанной на длительную перспективу политики в отношении Южного Кавказа в новых условиях, когда за влияние приходится конкурировать со многими нерегиональными державами и другими центрами силы, действующими все более активно и, главное, имеющими в регионе четкие цели [Nuriev 2015].

Среди стран-конкурентов ей принадлежит особое место, поскольку, как говорилось выше, Закавказье жизненно важно для нее по совокупности ряда факторов — экономических, политических, военно-стратегических и др., суть которых заключается в следующих отношениях:

- политическая — верные союзники в лице государств Южного Кавказа;
- геополитическая — коммуникации и присутствие в Каспийско-Черноморском и Центрально-Азиатском регионах;
- экономическая — сохранение традиционных рынков.
- военно-стратегических — обеспечение безопасности вблизи границ и недопущение формирования военно-политических альянсов в регионе, расположение баз НАТО.

Со временем постепенно изменялась роль Каспийско-Черноморского региона в мировой политике. Он превратился в

¹ U.S. Policy Toward the South Caucasus: Take Three // Carnegies Endowment for International Peace, 31.05.2017 URL: <https://carnegieendowment.org/2017/05/31/u.s.-policy-toward-south-caucasus-take-three-pub-7012> (Accessed: 10.03.2020)

территорию, через которую могут пройти транзитные коридоры для энергоносителей из Азербайджана и стран Центральной Азии в Европу. Это добавило к российской политике на Южном Кавказе еще одну важную задачу: сохранить за собой роль ключевой страны-транзитера нефти.

Москва болезненно реагировала на проекты альтернативных путей доставки углеводородов в Европу, считая это угрозой роли России, как важнейшей страны-экспортёра энергетических ресурсов. Следовательно, России крайне необходимо возобновить влияние в регионе, чтобы иметь возможность контролировать транзит энергоресурсов.

Еще одним нежелательным фактором для России является расширение военно-политического блока НАТО за счет Закавказских республик. Как заявляет Москва, расположение баз НАТО у границ РФ создает угрозу ее безопасности и вызывает беспокойство.

Южнокавказские республики: Грузия, Азербайджан и Армения. «После распада СССР страны Южного Кавказа встали перед необходимостью поиска принципиально новой системы безопасности, гарантирующей равную защищенность всех ее участников от современных вызовов и угроз. В настоящее время пока что нет понимания того, что для создания общей системы безопасности региона необходимо задействовать все имеющиеся институты многостороннего взаимодействия, также восстановить доверие в межгосударственных отношениях, в том числе и с Россией, выработать такие сдерживающие механизмы и концепции, которые предотвратят превращение региона в геополитическую площадку столкновения политических и экономических интересов мировых держав» [Курылев 2019: 20-21]

Грузинская Республика. Этапы Внешней политики Грузии.
Первый Этап (1990г-1992 г.) После того, как распался Советский Союз, Грузия обрела независимость, а первым президентом стал Зураб Гамсахурдия, авторитарное и порой националистическое правление коего ввело страну в глубочайший кризис.

Второй Этап (1992-1994г). К власти приходит Э. Шеварднадзе, и на него возлагались большие надежды на восстановление территориальной целостности и преодоления глубочайшего экономического кризиса. Шеварднадзе пытался лавировать между Западом и Россией. В 1992 г. Грузия стала членом ОБСЕ и в июле того же года членом ООН и ассоциированным членом НАТО. Но на внутренней «кухне» все было не так хорошо: усиливалась напряженность с Абхазией и как итог, она откололась от Грузии. Шеварднадзе для того, чтобы хоть как-то выйти из этой сложной ситуации принимает решение о вступлении в СНГ и узаконивает пребывания частей российской армии на территории Грузии [Курылев 2019: 52-55].

Третий этап (1994-1997 гг.) На саммите НАТО, в 1994 году была принята новая программа «Партнерство ради мира» (PartnershipforPeace). Грузия стала первой Кавказской страной, которая присоединилась к этой программе, и которая активно участвовала во всех совместных проектах. В 1995 г. Шеварднадзе была выдвинута идея о создании Европейского транспортного коридора (TRASECA). Исходя из этого проекта, любые грузы должны были транспортироваться с Востока на Запад и обратно через территории Украины, Грузии и Азербайджана, что неимоверно увеличивало роль этих стран на мировой арене.

Четвертый этап (1998-2002 гг.). Грузия делает окончательный выбор о векторе внешней политики Запада и почти полностью отказывается от военно-политического сотрудничества с Россией. В 1999 г. Грузия выходит из договора о коллективной безопасности стран Содружества и в том же году, Грузия становится членом Совета Европы. После прихода к власти В. В. Путина, Россия вводит визовый режим для граждан Грузии, тогда как для жителей Абхазии, Аджарии и Южной Осетии процесс получения виз упрощён. Шеварднадзе в основном был нацелен за Западные страны и на

партнерство с США и Союзниками, что у него довольно хорошо получилось сделать.

Пятый этап (2003-2007 гг.). В 2003 г. в результате «революции роз» пост президента занял Михаил Саакашвили. Он продолжил выстраивать отношение с Западом и США, и уже в 2004 г. он договорился с США об осуществлении пятилетней программы военной помощи, которая включала в себя создание в Грузии вооруженных сил в соответствии с западными стандартами. Грузия стала участвовать в военных операциях НАТО в Ираке и других странах. Апофеозом этого этапа стал вывод военных баз России из Грузии к концу 2007 г.

Шестой Этап (2008-2012 гг.). Были совершены шаги для получения Плана действий по вступлению в НАТО, однако на саммите НАТО в Бухаресте 2008 г., Грузии он передан не был. Причина оказалась очень примитивной — «Усиливающаяся военная риторика правительства Саакашвили». В августе 2008 г. начинаются пятидневные военные действия. Результаты для Грузии оказались плачевными и были следующими:

1. Грузия полностью потеряла контроль над автономными республиками — Абхазией и Южной Осетией (Самачабло);

2. Правительство Грузии пришло к осознанию того, что Запад не может идти на конфронтацию с Россией;

3. В результате августовской войны Грузия лишилась 20% своих территорий и впала в глубокий кризис.

Седьмой Этап (2012-2018 гг.). В октябре 2012 г. в Грузии прошли парламентские выборы, по результатам которых ко власти пришла коалиция «Грузинская мечта». Они были настроены прагматично и их главной целью было проведение взвешенной политики, которая полностью соответствовала бы национальным интересам страны.

27 июля 2014 г. в Брюсселе премьер-министр Грузии И. Гарибашвили, премьер-министр Молдавии Ю. Лянкэ и президент Украины П. Порошенко подписали экономические соглашения об ассоциации своих стран с Евросоюзом, которые также охватывали и Договор о глубокой и

всеобъемлющей свободной торговле¹. На сегодняшний день Грузия пытается играть максимально осторожную игру. Она стремится сохранить и улучшить те отношения, которые у нее есть с Западом и США, а с другой стороны она готова и полностью открыта к диалогу с Москвой. Каждый год товарооборот между двумя странами растет, создаются неправительственные организации, бизнес ассоциации, которые проводят мастер-классы, знакомят молодежь с культурой и традициями обеих стран. Однако все еще сохраняется напряженность из-за статуса Абхазии и т.н. Южной Осетии, по этим вопросам обеим странам очень трудно договориться и почти невозможно найти точки соприкосновения. Но мы уверены, что в будущем, эти точки будут найдены и все споры, конфликты разрешаться в мирном ключе [Курылев 2019: 61-66]

Отношения Грузии и Армении. Для Армении Грузия является стратегически важным игроком и партнером. Грузия по сути является транзитной страной, благодаря которой Армения может выйти на Европейский рынок. Также Грузия является единственной христианской страной в регионе, что является огромным плюсом для обоих государств, соседствующими с мусульманским миром. [Галоян 2015].

1. Грузия, как и Иран и Российская Федерация считается наилучшим и важнейшим партнером;

2. Армения активно пыталась сотрудничать в рамках различных региональных организаций, но без Грузии это было невозможно;

3. Армения должна была выстраивать отношения с Европейскими странами, а без портов Батуми и Поти, которые являются кратчайшими на пути к этому ей не обойтись; Помимо Европы, Грузия связывает также Армению с Россией, что является решающим фактором.

¹ ASSOCIATION AGREEMENT between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part. 30.8.2014. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02) (Accessed: 10.03.2020)

4. Экономическое развитие и безопасность являются неотъемлемой задачей правительства Армении, однако она может оказаться изолированной со стороны Турции, и Азербайджана и единственным с кем она может сотрудничать — Грузия.

5. В Грузии проживает большое количество этнических армян, которые сохраняют связь с исторической родиной.

В свою очередь для Грузии Армянская республика важна в контексте сдерживания сепаратистских настроений в регионах, населённых армянским населением. Также высоко ценится поддержка со стороны Армении по вопросам территориальной целостности грузинского государства. Помимо политических выгод присутствует и экономический фактор — способствование в укреплении отношений с Исламской Республикой Иран. Благодаря взаимовыгодным уступкам и поддержке, двусторонние отношения между государствами носят мирный характер.

Ситуация усложняется, когда Грузия начинает всё больше интегрироваться в проекты Турции и Азербайджана, которые никоим образом не рассматривают транзит грузов или углеводородов через Армению. Таким способом, происходит изоляция Армении от региональных экономических проектов по причине конфликта с Азербайджаном и её основным союзником в регионе — Турцией.

Заключение. На лицо ситуация, в которой Южный Кавказ является предметом конфликта интересов нескольких сил, как региональных, так и внешних. Но сама раздробленность подрывает попытки взаимодействовать как единому целому, не может быть достигнут должный уровень доверия, поскольку существуют те самые территориальные распри, те самые различные внешнеполитические векторы, которые урезают потенциал республик Закавказья. Грузия стремится вступить в Европейский Союз и военно-политический блок НАТО, Азербайджан — союзное с Турцией государство, а Армения участвует в Таможенном Союзе и ЕАЭС с Россией. Сами республики Южного Кавказа определив свой политический курс позволили столкнуться этим силам в регионе. Конфликты стали легитимной причиной для вмешательства во внутреннюю и внешнюю политику страны региона.

Выход из данной ситуации заключается в том, чтобы государства осознали важность взаимодействия в целях региональной безопасности, что само собой окажет позитивный эффект не только на государства региона, но и на нерегиональных акторов, позволив последним обрести «мосты» для новых переговоров и переоценки своих позиций.

Библиографический список

- Гаджиев А.Г.* Перспективы вступления Турции в ЕС и Россия// Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Сер. Международные отношения. 2012. -№3. С. 48-53.
- Гусейнов В.А.* Южный Кавказ: проблемы и тенденции развития (1992 – 2008). Отв. ред. и рук. авт. кол. В.А. Гусейнов. М.: Красная Звезда.2008. 392 с.
- Гаспарян Д.М.* Южный Кавказ как перекрёсток международных интересов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, № 93, 2009. С. 61-67.
- Галоян Н.Г.* Армяно-грузинские отношения в контексте региональной безопасности на Южном Кавказе// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. №4. С.120-131.
- Курылев К.П., Галоян Н.Г., Станис Д.В., Бредихин А.В.* Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 108-118.
- Курылев К.П., Мачавариани Г.Г.* Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе: 1991 2016 гг. -М: URSS, 2019. 144 с.
- Nuriyev E.* Russia, the EU and the South Caucasus: Forging an Efficient Over-Arching Cooperative Regional Security Scheme// Connections, 2015. Vol. 14, No. 2. P. 12-22.

- Офлаз Б.* Геополитические стратегии региональных держав на Южном Кавказе // Политика и политические науки // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013 №. 161. С. 146-150.
- Сафонкина Е.А.* Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 145–166.
- Сейнсбери Т., Вурф Х.* «Группа двадцати» и будущее управления энергетикой // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. №1. С. 7-27.
- Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, Basic Books, Washington, 1997. 223 p.

Об авторах: Скворцова Нино, магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: nino.skvortsova@gmail.com); Абазов Дмитрий, магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: zhako35@mail.ru).

References

- Gadjiev A.G.* Perspektivi vstupleniya Turcii v ES i Rossiya // Vestnik Rossiiskogo Universiteta Drujbi Narodov. Ser. Mejdunarodnie otnosheniya. 2012. №3. S. 48-53.
- Gasparyan D.M.* Yujnii Kavkaz kak perekrestok mejdunarodnih interesov // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena № 93 2009. S. 61-67.
- Galoyan N.G.* Armyano_Gruzinskie otnosheniya v kontekste regionalnoi bezopasnosti na Yujnom Kavkaze // Vestnik Rossiiskogo universiteta drujbi narodov. Seriya_ Mejdunarodnie otnosheniya. 2015. №4. S.120-131.
- Guseinov V.A.* Yujnii Kavkaz_ problemi i tendencii razvitiya 1992-2008. Otv. red. i ruk. avt. kol. V.A. Guseinov. M. Krasnaya Zvezda.2008. 392 s.
- Kurylev K.P., Galoyan N.G., Stanis D.V., Bredihin A.V.* Soblyudenie balansa sil na YUzhnom Kavkaze // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Т. 62. № 3. S. 108-118.
- Kurylev K.P., Machavariani G.G.* Vneshnyaya politika Gruzii na Yujnom Kavkaze 1991 2016 gg. M: URSS, 2019. 144 c.
- Oflaz B.* Geopoliticheskie strategii regionalnih derjav na Yujnom Kavkaze // Politika i politicheskie nauki // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. 2013 №. 161. S. 146-150.
- Safonkina E.A.* Turkiya kak novii aktor politiki «myagkoi sili» // Vestnik mejdunarodnih organizacii. 2014. Т. 9. № 2. S. 145-166.
- Seinsberi T., Vurf H.* «Gruppa dvadcati» i budushee upravleniya energetikoi // Vestnik mejdunarodnih organizacii. 2016. Т. 11. №1. S. 7-27.

About the authors: Skvortsova Nino, Master's in international Relations, RUDN University (e-mail: nino.skvortsova@gmail.com); Abazov Dmitry, Master in International Relations, RUDN University (e-mail: zhako35@mail.ru).